

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 3 (49), 2017

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2017, 3 (49)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2017, 3 (49)

Association "Rus" (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Сергей Суляк

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Юрий Данилец

Ужгородский национальный университет (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Александр Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Сочинский государственный университет (Россия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Yuriy Danilets

Uzhhorod National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Alexander Maiorov

St. Petersburg State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

Sochi State University (Russia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". M. Kogalniceanu Street, 24, Ap. 1A,
Kishinev, MD 2001, Moldova. Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Суляк С.Г.</i> Страница редактора	7
III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СЛАВЯНСКИЙ МИР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ»	
<i>Оськин М.В.</i> Первый помглавкорум – генерал от кавалерии	
Владимир Викторович Сахаров	10
<i>Бенюк В.А., Назария С.Н.</i> Эволюция общественно-политической ситуации Бессарабии в конце 1917 г. и начало румынской военной интервенции	28
<i>Гарусова О.А.</i> Беженцы гражданской войны в Бессарабии (1918–1921 гг.).	
Переход через Днестр	58
<i>Зиновьев В.П.</i> Революция 1917 г. – начало русского индустриального проекта	74
<i>Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.</i> Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.)	85
<i>Иванов А.А., Чемакин А.А.</i> «Сейчас царской России нет – есть советская»: взгляды галицко-русского социалиста К.М. Вальницкого на революцию, гражданскую войну и интервенцию	101
<i>Срїбняк І.В.</i> Українці в Бессарабії та Румунії, 1921–1923 рр.	
(Таборове та позатаборове повсякдення інтернованих вояків армії УНР)	122
<i>Зиновьева В.И.</i> Отношение современных студентов к событиям Октябрьской революции 1917 г.	137

ИСТОРИЯ РУСИНОВ

<i>Суляк С.Г.</i> Славянский фактор в истории Молдавии:	
научное исследование и мифотворчество	144

ЗНАМЕНИТЫЕ РУСИНЫ

<i>Шипелик О.В.</i> Творчество Ю.И. Венелина в контексте идей романтизма	163
--	-----

CONTENTS

<i>Sulyak S.G.</i> Editor's Page	7
THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "THE SLAVIC WORLD: RESPONDING TO NEW CHALLENGES"	
<i>Oskin M.V.</i> First Pomglavkorum – General of Cavalry Vladimir Viktorovich Sakharov	10
<i>Beniuc V.A., Nazaria S.N.</i> The Socio-Political Evolution of Bessarabia at the End of 1917 and the Beginning of the Romanian Military Intervention	28
<i>Garusova O.A.</i> Refugees in Bessarabia during the Civil War. Crossing the Dniester	58
<i>Zinoviev V.P.</i> The Revolution of 1917 - the Beginning of the Russian Industrial Project	74
<i>Nam I.V., Naumova N.I., Zinovieva V.I.</i> The Carpatho-Russian Council and the Formation of the Carpatho-Russian Military Units in Siberia during the Civil War	85
<i>Ivanov A.A., Chemakin A.A.</i> "Today We Have No Czarist Russia - All We Have is Soviet Russia": the Views of the Galician-Russian Socialist K.M. Valnitskiy on Revolution, Civil War and Armed Intervention	101
<i>Sribnyak I.V.</i> Ukrainians in Bessarabia and Romania in 1921-23 (Everyday Life of the UPA Interned Soldiers Inside and Outside the Camp)	122
<i>Zinovieva V.I.</i> The Attitude of Modern Students to the October Revolution	137
HISTORY OF THE RUSINS	
<i>Sulyak S.G.</i> The Slavic Factor in the History of Moldova: Scientific Research and Myth-Making	144
FAMOUS RUSINS	
<i>Shipelik O.V.</i> Yu.I. Venelin's Creativity in the Context of Romanticism	163

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

В номере, который вы держите в руках, опубликованы материалы III Международной научно-практической конференции «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до начала XXI в. (к 100-летию российской революции и гражданской войны)», которая прошла в Кишиневе 26–27 мая 2017 г.

Организаторами мероприятия выступили Бюро межэтнических отношений Республики Молдова, Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, международный исторический журнал «Русин», Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия), Общественная ассоциация «Русь» (Молдова).

В конференции приняли участие 19 исследователей из России, Молдовы (в том числе Приднестровья) и Украины.

По итогам работы оргкомитетом конференции был отобран ряд статей, выполненных на материалах докладов и прошедших процедуру рецензирования для публикации в «Русине».

По итогам 2016 г. журналу удалось удержаться в первой десятке исторических журналов Восточной Европы, индексируемых в БД Scopus.

В конце лета 2017 г. пришло известие, что «Русин» был включен в Web of Science Core Collection's – ведущую базу данных цитирований в мире, в ее Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журналы «Русин» и «Библиотека журнала "Русин"» не являются российскими, но входят в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

По рейтингу SCIENCE INDEX (информационно-аналитическая система, построенная на основе данных РИНЦ) за 2016 г. журнал «Русин» занял:

– 733-е место в общем рейтинге SCIENCE INDEX за 2016 г. (представлено 3 469 журналов);

– 18-е место по тематике «История. Исторические науки»;

– 7-е место по тематике «Языкознание».

По показателю «Пятилетний импакт-фактор по ядру РИНЦ без самоцитирования» за 2016 г. журнал «Русин» занимает:

– 7-е место по тематике «История. Исторические науки»;

– 1-е место по тематике «Языкознание».

По этому же показателю «Библиотека журнала "Русин"» (начала издаваться с 2015 г.) заняла по итогам 2016 г.:

– 47-е место по тематике «История. Исторические науки»;

- 15-е место по тематике «Языкознание»;
- 5-е место по тематике «Культура. Культурология».

В сентябре 2017 г. журнал «Русин» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии (см. : <http://vak.ed.gov.ru/87>).

*С.Г. Суляк,
главный редактор журнала*

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

The materials of this issue are drawn from presentations at the Third International Conference The History of the Carpathian-Dniester Lands from Ancient Times to the Early 21st Century (To the Centennial of the Russian Revolution and Civil War), held in Kishinev on May 26–27, 2017. The Conference was organised by the Bureau of Inter-Ethnic Relations of the Republic of Moldova, the Russian Centre for Science and Culture in the Republic of Moldova, *Rusin International Historical Journal*, Tomsk State University (Russia) and the Association “Rus” (Moldova). It attracted 19 scholars from Russia, Moldova (including Transnistria) and Ukraine. The Organizing Committee has peer-reviewed and selected a number of papers to be published in *Rusin*.

As of 2016, *Rusin* enters the Top-10 East European historical journals indexed in Scopus. Since this summer *Rusin* has been listed in the Emerging Sources Citation Index (ESCI) of Web of Science Core Collection, a flagship citation index. Although *Rusin* and *Rusin Journal Library* are not Russian journals, they are included in the Russian Science Citation Index (RSCI). By the SCIENCE INDEX based on RSCI for 2016, *Rusin* is ranked as follows:

733 - in the SCIENCE INDEX general rating for 2016 (with 3,469 journals);

18 - in *History. Historical Studies*;

7 - in *Linguistics*.

By the five-year impact factor in the RSCI Core without self-citation” for 2016, *Rusin* is ranked as follows:

7 - *History. Historical Studies*;

1 - in *Linguistics*.

As of 2016, *The Rusin Journal Library* (published since 2015) by the same impact factor is ranked as follows:

47 - in *History. Historical Studies*;

15 - in *Linguistics*;

5 - in *Culture. Culture Studies*.

According to the information published in September 2017 on the website of the Russian Higher Attestation Commission, *Rusin International Historical Journal* is Nr. 842 on the list of peer-reviewed research journals included in international citation indexes and databases, where, in accordance with Paragraph 5 of the Rules for the formation of the list of peer-reviewed journals (approved by Order Nr. 1586 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated by December 12, 2016 and registered as Nr. 46507 by the Ministry of Justice of Russian Federation on April 26, 2017), the main research results of dissertations for the Candidate and Doctor degrees should be published (see: <http://vak.ed.gov.ru/87>).

S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief

УДК 94.47

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/2

ПЕРВЫЙ ПОМГЛАВКОРУМ – ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ САХАРОВ

М.В. Оськин

Институт законовeдения и управления ВПА

Россия, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98

E-mail: maxozv@yandex.ru

Авторское резюме

Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты в 1916 г. привело к ее разгрому и образованию Румынского фронта, большую часть войск которого составляли русские войска. Главкомандующим фронтом являлся румынский король Фердинанд I. Однако фактическим главкомом был его русский помощник – помглавкорум. Первым помглавкорумом стал генерал Владимир Викторович Сахаров. Бои на Румынском фронте шли в режиме отступления, и потому проявить себя Сахаров не успел, а вскоре после Февральской революции он был отправлен в отставку. Биография генерала Сахарова по-прежнему остается малоизвестной.

Ключевые слова: генерал Сахаров, помглавкорум, Румынский фронт, Февральская революция.

FIRST POMGLAVKORUM – GENERAL OF CAVALRY VLADIMIR VIKTOROVICH SAKHAROV

M.V. Oskin

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police
Association

98 Boldin Street, Tula, 300028, Russia

E-mail: maxozv@yandex.ru

Abstract

The entry of Romania in the First World War in 1916 on the side of the Entente led to its defeat and formation of the Romanian Front, where most of the troops were Russian.

The Commander-in-Chief of the front was King Ferdinand I. However, the real Commander-in-Chief was his Russian assistant, Pomglavkorum. The first Pomglavkorum was General Vladimir Viktorovich Sakharov. The army on the Romanian Front was retreating, so Sakharov did not have a chance to show himself. After the February Revolution he was dismissed. His biography still remains obscure.

Keywords: General Sakharov, Pomglavkorum, Romanian Front, February Revolution.

Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты в августе 1916 г. было обеспечено рядом обязательств, выраженных в конвенции 4 августа того же года. Помимо прочего, Российская империя, с войсками которой румынской армии приходилось взаимодействовать непосредственно, воевать плечом к плечу, обязывалась отправить в румынскую Добруджу для сдерживания болгарской армии на Южном румынском фронте 50-тысячный отряд. Этим отрядом стал специально образованный для выполнения союзной задачи 47-й армейский корпус (АК) генерала А.М. Зайончковского, который снабжался из Одесского военного округа (РГВИА 1: 9). Для обеспечения приморского фланга русско-румынских войск, действовавших в Добрудже, в румынской Констанце базировался русский отряд судов особого назначения контр-адмирала П.И. Паттон-Фантон-де-Веррайона. Пользуясь поддержкой флота, почти сразу после вступления в Добруджу Зайончковский сетовал, что корпус недостаточно обеспечивается боеприпасами, и просил снабжать его именно через Констанцу (РГВИА 2: 4) по причине слабого железнодорожного сообщения между Россией и Румынией (РГВИА 3: 153).

Первоначально Зайончковский подчинялся румынскому командарму-3 М. Аслану, но уже 26 августа, после эвакуации крепости Силестрия, румынский король Фердинанд I подчинил ему все войска на правом берегу Дуная в Добрудже и переподчинил Зайончковского как командира отдельной армии самому себе. В состав Добруджанской армии вошли русский 47-й армейский корпус (одна из двух дивизий которого состояла из сербов), а также остатки 3-й румынской армии: 5, 9, 19, 15-я пехотные дивизии и 5-я кавалерийская бригада каларашей. В ожесточенных боях сентября 1916 г. в Добрудже русские и румыны были вынуждены отступать под ударами превосходящей болгаро-германской группировки фельдмаршала А. фон Макензена, что выразительно описано воевавшим там В.П. Катаевым.

Сдача Констанцы 10 октября поставила перед русской Ставкой задачу смены русского командующего в Румынии. В начале октября в Румынию стал перебрасываться 4-й АК генерала Э. Хана Султана Гирей Алиева (в корпусе сначала ходили слухи, что будет морской

десант на Константинополь (ГАРФ 1: 5)), который и стал врид Добруджанской группы после отъезда в Россию А.М. Зайончковского 15 октября. Однако новым командармом Дунайской армии, образуемой на базе Добруджанской группы, должен был стать отнюдь не Алиев. О назначении нового командарма говорит телеграмма начальника штаба Верховного главнокомандующего (наштаверх) генерала М.В. Алексева главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта (главкоюз) генералу А.А. Брусилову от 12 октября 1916 г.: «Государь император выразил волю, чтобы Дунайскую армию принял генерал Сахаров, в надежде, что сам генерал Сахаров согласится на занятие этого поста, приобретающего исключительно важное значение. Отправиться нужно немедленно. Остовом полевого управления армии явится управление 47-го отдельного корпуса, но генералу Сахарову нужно предоставить взять из штаба 11-й армии нескольких лиц, на которых он мог бы опереться в первые дни своей деятельности» (РГВИА 4: 290).

Генерал от кавалерии Владимир Викторович Сахаров имел большой военный опыт. Он участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Китайском походе 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. Невзирая на то, что Сахаров в свое время командовал разными корпусами, а во время войны с Японией занимал пост начальника штаба главнокомандующего генерала А.Н. Куропаткина, его нельзя было назвать выдающимся военачальником (А.А. Керсновский характеризует его как «удовлетворительного» (Керсновский 1994: 175)), а потому в Первую мировую войну Сахаров вступил лишь командиром 11-го армейского корпуса. В октябре 1915 г. он получил пост командарма-11, в каковом участвовал в Брусиловском прорыве.

Первым браком Сахаров был женат на дочери коллежского советника В.З. Козловского Александре, имел детей Александру, Владимира и Константина (РГВИА 5: 6).

Вопрос о выборе генерала Сахарова был не так прост. А.А. Брусилов пишет, что Сахаров был назначен по его рекомендации: «...которым я все время был доволен как по должности командира 11-го армейского корпуса в Карпатах, так и в качестве командующего армией» (Брусилов 1983: 212). Брусилов мог отправить в Румынию любого из своих командармов: командарма-7 генерала Д.Г. Щербачева, командарма-11 генерала В.В. Сахарова или командарма-9 генерала П.А. Лечицкого, чья армия в Карпатах уже взаимодействовала с румынами. В войсках считали, что «Брусилов назначил на юг не Лечицкого, более даровитого, но могущего его затмить, а Сахарова – среднего и безнравственного, у которого... всегда жены, <...> который прежде всего поднимает с интендантами вопрос о дойных коровах»

(Снесарев 2014: 248). Французы также были недовольны Сахаровым: телеграмма главнокомандующего Р.-Ж. Нивелля французскому военному представителю в русской Ставке П. Жанену в конце декабря сообщала, что русские делают мало для спасения Румынии, Сахаров проводит время с молодой женой и самоустранился от выполнения своих обязанностей. Нивелль пытался сместить Сахарова и через военного министра Ю. Лиоте, предлагая его просить русскую Ставку сменить генерала, который является «неспособным, слабым и пассивным» (Россия 2014: 93–94). Однако Брусилов ценил командарма-11 как военного труженика, пусть и не хватавшего звезд с неба. В 1923 г. он вспоминал, что Зайончковский «непрерывно жалуется на всех, что все ему мешают. Вот и дождался, что его сменили Сахаровым, который никому ни на что не жаловался, а просто занялся своим делом в самое трудное время» (ГАРФ 2: 31 об. – 32).

Безусловно, согласие и рекомендация Брусилова требовались, чтобы отпустить Сахарова в Румынию. Но все высшие назначения находились в компетенции исключительно императора Николая II, а потому решающей роли мнение Брусилова сыграть не могло. В начале 1916 г., когда встал вопрос о смене главкоюза генерала Н.И. Иванова, на этот пост предлагались кандидатуры как Брусилова, так и Щербачева. Тем не менее Д.Г. Щербачев (который в апреле 1917 г. и сменил Сахарова) пока остался на своей должности. Лечицкий не подходил из-за незнания иностранных языков (командарм-9 был единственным высшим генералом – сыном священника), что требовалось для общения с румынскими союзниками на высшем уровне.

Помимо того, в пользу В.В. Сахарова сыграли и придворные связи. В своей докладной записке от 30 ноября 1916 г. на имя императора известный придворный врач и «распутинец» П.А. Бадмаев очень хвалил В.В. Сахарова, чья жена в свое время была его пациенткой. По его словам, Сахаров – «царский, православный и русский человек, глубоко понимающий народную жизнь России. Здесь необходимо в Петрограде иметь такого генерала с широкими русскими взглядами и притом боевого во главе Военного министерства и председателем Совета министров» (ГАРФ 3: 1). Единственным недостатком генерала Сахарова для взаимодействия с румынами являлось плохое знание им французского языка, принятого в среде румынской элиты, вследствие чего ему приходилось общаться с королем Фердинандом на немецком языке.

Генерал Сахаров прибыл в расположение Дунайской армии 17 октября 1916 г. Первый же его приказ о вступлении в должность командарма отличался жесткими формулировками в адрес своих подчиненных: «К прискорбию, предыдущие дни были ознаменованы

не только неуспехами войск, действовавших в Добрудже, но и отходом их в крайнем беспорядке... требую от вверенных мне войск соблюдения всегда и при всякой решительной обстановке полного и ничем ненарушимого порядка. А так как сие всецело зависит от начальников, которые обязаны принимать все меры к недопущению беспорядка до встречи производящих беспорядок и отходящих без приказа свыше пулеметами и артиллерией, то предупреждаю, что в случае, не дай Боже, вновь случится что-либо подобное происшедшему, все начальники, не принявшие мер, не дошедшие до крайнего предела в них и тем допустившие беспорядок и самовольный отход вверенных им частей, будут мною предаваться полевому суду, не останавливаясь ни перед чином, ни перед положением виновного. Прошу помнить, что мы присланы сюда Его Величеством воевать с противником и бить его, не щадя ни нашей, ни его крови, а не заниматься спортом на быстроту отхода, да еще самопроизвольного. Требую вывести из обихода верить всяким вздорным слухам, озираться на бегущих мужиков и равняться по задним. Вперед, всегда вперед – вот чего ожидает от нас наш державный Верховный Главнокомандующий и требую от вас я» (РГВИА 4: 260).

К середине октября Дунайская армия, расположенная на линии Остров – озеро Головица, состояла из 61-й и 3-й стрелковых дивизий («слабого состава», как характеризовал их сам Сахаров), 115-й пехотной, 3-й и 8-й кавалерийских, Сербской и двух сводных румынских («совершенно дезорганизованных») дивизий. В качестве первоначальной задачи Дунайская армия должна была задержать противника в Добрудже и обеспечить левый фланг румынской армии, действовавшей на левом берегу Дуная, и сообщение ее с Молдавией. Помимо того, русские обязывались «закрепиться на занимаемой линии и принять меры не только для наблюдения, но и для охраны Дуная». С подходом 4-го Сибирского и 4-го АК поставленная задача была выполнена, румынские, Сербская и 115-я пехотная дивизии выведены в резерв, а на левый берег Дуная, помимо уже действовавшей там 8-й кавдивизии, переведена 40-я пехотная дивизия. После этого армия перешла в медленное наступление, имея целью овладеть линией Черноводы – Констанца (РГВИА 6: 1).

Однако в этот момент австро-германцы подошли к румынской столице, и с началом Бухарестской операции Дунайская армия, прикрывавшая район между Бухарестом и Дунаем, стала отправлять туда войска – 4-й армейский и 6-й конный корпуса, а также все вновь подходившие соединения – 2-я и 15-я пехотные дивизии и 3-й кавалерийский корпус. Поэтому наступление в Добрудже остановилось. В бухарестском сражении 20–22 ноября 120-тысячная группировка

румун была уничтожена и рассеяна. Только 30 тыс. румынских солдат и офицеров при помощи русской 40-й пехотной дивизии (из состава 4-го армейского корпуса), разомкнувшей тиски намечавшегося окружения, сумели уйти на северо-восток. В плен угодили 65 тыс. чел., трофеями немцев стали 124 орудия и 115 пулеметов (Стратегический 1922: 108). Вдобавок 23 ноября германская группа генерала К. фон Моргена, ядром которой был 1-й резервный корпус, разгромила 2-ю румынскую армию.

После падения Бухареста общий оборонительный фронт распался, образуя лишь на севере стену из войск 4-й румынской и 9-й русской армий. В данной ситуации основная тяжесть боев в Румынии легла на русские войска, которые последовательно наращивали свою мощь. К середине ноября в Молдавию на Дорна-Ватренское направление были переброшены 26-й армейский и 3-й кавалерийский корпуса из состава 9-й армии, 2-й АК из 7-й армии, 36-й и 34-й АК с Западного фронта, 40-й АК из состава Особой армии. Удары 9-й армии в Карпатах оттягивали на себя часть неприятельских резервов. Разрушение и без того немногочисленных железных дорог и лавина беженцев стали причиной нехватки снабжения для наступавших в глубь Румынии войск. Не имея возможности кормить войска, русское командование не могло и организовать жесткой обороны, стабилизируя тем самым откатывающийся к северу фронт.

Общее отступление под сосредоточенными ударами противника, прикрываемое кавалерией (РГВИА 7: 87–88), побудило Ставку упорядочить организацию войск в Румынии, включив румынские части в общий оборонительный фронт. Брусиллов жаловался на то, что не может надлежащим образом руководить и 9-й армией в Карпатах, и Дунайской армией в Добрудже, так как должен думать о галицийском фронте. Кроме того, в Румынию спешили все новые и новые соединения, объединить которые под управлением одной армии было невозможно. Да и сам фронт к середине декабря растянулся более чем на 500 км. Передать русские войска в подчинение румын было равносильно их уничтожению. Поэтому в русской Ставке было принято единственно верное решение – создать новый фронт.

Телеграмма врид наштаверха (М.В. Алексеев лечился в Крыму) генерала В.И. Гурко Сахарову от 24 ноября 1916 г. сообщала, что предполагается сформировать новый, Южный фронт под командованием румынского короля и его русского помощника. Гурко указывал: «Его Величество изволил остановить свой выбор на Вас как на ответственном помощнике короля с предоставлением Вам прав главнокомандующего фронтом по отношению к русским войскам, входящим в состав фронта» (РГВИА 6: 4). Бывшая Дунайская армия стала назы-

ваться 6-й армией. Мысль о создании нового фронта была высказана императору 20 ноября, накануне Бухарестского сражения, причем первоначально новый фронт должен был называться Южным. Главной проблемой, по мнению представителя русского командования при румынской Главной квартире генерала М.А. Беляева, было следующее: как это решение «предложить королю в такой форме, которая не могла бы вызвать с его стороны обиды и привести к дальнейшим недоразумениям в будущем», ибо король «до крайности самолюбив и постоянно опасается, дабы какая-либо мера не уронила его престижа в глазах румын». 22 ноября Беляев телеграфировал в Ставку, что король согласен на русские условия создания Румынского фронта, а на следующий день он еще раз подтвердил, что румынский король подчиняется русскому императору как Верховному главнокомандующему и будет выполнять его директивные указания: «...вчера король прямо сказал, что как генерал Жоффе объединяет все командование на Западном фронте, так же необходимо, чтобы государь император объединял все командование на фронте Восточном» (РГВИА 8: 1–10, 14–15). Приказ Ставки от 5 декабря гласил, что румынский король принимает на себя главнокомандование «русскими и румынскими войсками, действующими на вновь образуемом Румынском фронте» (Приказы 1916: № 1683).

Соответствующие инструкции в специальной телеграмме В.В. Сахарову указывали, что номинальным главнокомандующим Румынским фронтом становится румынский король, но директивы относительно операций, управления войсками, снабжения будут исходить из русской Ставки. Помглавкорум (помощник августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта), как теперь стала называться должность Сахарова, должен представлять королю эти директивы, следить за их выполнением и быть ответственным за их исполнение (РГВИА 8: 42–43). Такая формулировка была принята по совету румынского премьер-министра И. Брэтиану: король подчиняется не русскому императору, так как одна коронованная особа не может подчиняться другой, а директивам штаба Верховного главнокомандующего. Первоначально румыны хотели сохранить специальный румынский штаб, но русские отклонили это предложение, так как все равно все должны подчиняться штабу русско-румынской группы армий, который будет русским. С созданием Румынского фронта по приказу наштаверха от 5 декабря 1916 г. румынская армия вошла в его состав «на тех же основаниях, как и 6-я Дунайская армия». Поэтому она должна была снабжаться русским интендантством, и Главное военно-техническое управление «внесло в план снабжения нашей армии на 1917–1918 гг. 10 % надбавки для румынской армии» (РГВИА 9: 6).

В январе 1917 г. румынские части занимали лишь 36-километровый участок (общая протяженность Румынского фронта – 430 верст). Шесть румынских дивизий, еще более-менее сохранивших боеспособность, были сведены во 2-ю армию генерала А. Авереску, а прочие отошли в тыл. Остатки румынских войск отправлялись в русский тыл, в Молдавию. Там французская миссия генерала А.-М. Бертелло занялась реорганизацией румынской армии, которая к началу 1917 г., по французским данным, насчитывала 179 687 штыков и сабель и 82 545 новобранцев (Французские армии 1940: 524).

К 27 декабря генерал В.В. Сахаров отвел войска на серетскую позицию, где фронт и стабилизировался. Русские прикрылись естественными рубежами рек Дунай и Серет, одновременно создав на фокшанском направлении, между Фокшанами (немцы) и Марашештами (русские), перевес сил, который позволил остановить неприятеля. К концу декабря в состав Румынского фронта входили 4-я, 6-я и 9-я русские армии, которые географически располагались следующим образом: 9-я армия – в Карпатах, на стыке с 8-й армией Юго-Западного фронта; по линии дунайских гирл до Галаца – 6-я армия; между 9-й и 6-й армиями, в центре, по рубежу реки Серет – 4-я армия (см. табл.).

Состав войск Румынского фронта на 1 января 1917 г.

Показатель	Офицеров налицо	Комплект	Чиновников налицо	Комплект	Солдат налицо	Комплект	Лошадей налицо	Некомплект
Боевые части	15 504	-1 966	4 982	-1 081	829 072	-95 260	314 764	-26 555
Запасные войска	1 034	+707	87	-17	70 833	+59 096	1 045	-252
Всего во фронте едоков	16 584	-2	5 101	-1 098	901576	-59 131	315 996	-26 832

Источник: РГВИА 10: 115–117.

Штаб фронта первоначально располагался в Бырладе и только потом переехал в Яссы, где уже находился румынский король. Генерал-квартирмейстер Румынского фронта В.Н. Черемисинов вспоминал, что сам Сахаров расположился достаточно скромно – он жил в двух маленьких комнатках в Яссах, рядом с чинами своего штаба (ГАРФ 4: 2).

На фокшанском направлении ожесточенные бои продолжались вплоть до 28 декабря, когда, наконец, неприятель приостановил свое наступление в глубь румынской территории. Теперь отдельные стычки велись лишь за улучшение своего позиционного положения. Поэтому зимой 1917 г. потери нес в основном Румынский фронт, в то время как прочие русские фронты фактически бездействовали. Так, потери на всех фронтах за первую неделю нового года – с 31 декабря по 6 января – составили 2 723 убитых, 7 656 раненых, 373 контуженных и 453 пропавших без вести. Из этого числа убитых 2 245 бойцов (82,5 %) пришлось на долю армий Румынского фронта (РГВИА 11: 71). Намереваясь возобновить военные действия, в начале февраля 1917 г. помглавкорум решил нанести несколько коротких ударов, которые были отменены приказом Ставки. К тому же командармы также «отнеслись крайне отрицательно к февральской операции, что отчасти побудило генерала Сахарова воздержаться от нее» (ГАРФ 5: 46). По итогам сражений приказом по армиям фронта от 28 февраля Сахаров перечислил следующие причины неудачи русских атак:

- 1) сосредоточение основной массы пехоты в передовых окопах, что влекло большие потери от артиллерийского огня противника;
- 2) резервы и артиллерия располагались слишком далеко от первых линий, где сосредоточивались части, предназначенные для наступления;
- 3) неумелое применение пулеметов;
- 4) отсутствие связи как между пехотой и артиллерией, так и между соседями;

5) главный виновник неудачного исхода боев – командный состав «до командиров полков включительно» (РГВИА 12: 54).

Основной проблемой помглавкорума Сахарова в начале 1917 г. стало не выполнение боевых задач, а преодоление дезорганизации частей фронта (ГАРФ 6: 5) и снабжение своих войск интендантским довольствием, прежде всего продовольствием и фуражом. Армии фронта опирались не только на запасы оставшейся части румынской территории, которые быстро истощались, но и на ресурсы приграничных русских регионов, в первую очередь Бессарабии. О вставших перед командованием фронта проблемах говорит рукопись помощника инспектора артиллерии армий Румынского фронта генерала А.Н. Виноградского: «Хотя Молдавия и обладала большим количеством зерна и скота, но при 3,5-миллионном населении своем не могла прокормить еще и миллионную русскую армию с ее многочисленной конницей и беженцев из Валахии. Кукурузы было довольно на месте, но нехватка хлеба и мяса, подвоз которых из тыловой полосы затруднялся расстройством транспорта, начала

сказываться с середины зимы. Сахару также было мало, а особенно туго приходилось относительно фуража, так как в Румынии травосеяние и возделывание овса было крайне мало развито» (ГАРФ 5: 16). Сахаров прекрасно сознавал, что «без подвоза из Одессы армии питаться не могут, поэтому должны приниматься все меры, чтобы поезда с продовольствием отправлялись из Одессы и продвигались по пути без задержек... Снежные заносы на юго-западных дорогах – не новость и не могут служить оправданием простоя по неделям» (РГВИА 13: 21). Для подвоза даже пришлось использовать устье Дуная (РГВИА 14: 246), однако наладить снабжение почти миллиона русских солдат и еще помочь румынской армии и беженцам оказалось нелегким делом, вследствие чего затруднения со снабжением Румынского фронта наблюдались еще и после Февральской революции (РГВИА 15: 373). За январь 1917 г. недовоз продфуража составил 78,8 %, в феврале – 62, марте – 58, апреле – 55 % (ГАРФ 7: 179 об.). Недостаток приходилось восполнять за счет ресурсов Бессарабии и Молдавии.

Трения с союзниками также мешали работе. В частности, среди румын велась активная прогерманская пропаганда. Рапорт военного агента в Румынии полковника В.А. Палицына от 9 января 1917 г. сообщал, что «моральное состояние частей румынской армии, отведенных в тыл, находится в настоящее время в полном разложении. Несмотря на заявление, что к реорганизации их уже приступлено, они никаким делом не заняты, и, по-видимому, это состояние продолжится еще долго. Вследствие все усиливающейся пропаганды надо думать, что если условия не изменятся, то нравственное состояние солдат к весне окажется еще худшим и непоправимым». Германофильские офицеры распространяли слухи, что «армию насильно заставили сражаться вместе с русскими» (РГВИА 16: 269). К счастью, король Фердинанд I продолжал твердо придерживаться курса на союз с Антантой.

Генерал Черемисинов вспоминал, что самой яркой чертой характера Сахарова была «полная самостоятельность в решениях, подчас сильно вредившая ему», что особенно проявилось в ситуации февральского переворота (ГАРФ 4: 3–5, 16). Действия главнокомандующих фронтами и наштаверха в условиях вооруженного восстания в Петрограде, переросшего в революцию, оцениваются весьма неоднозначно: от предательского шага участников оппозиционного заговора до положения вынужденных жертв сложившейся обстановки.

Так или иначе, позиция помглавкорума, во-первых, мало что решала вообще вследствие отдаленности Румынского фронта от столицы, а также ввиду расположения войск на территории соседнего союзного

государства. Значение этого фактора подтверждается хотя бы тем, что с Румынского фронта не отправлялось никаких подразделений для подавления Петроградского восстания (прочие фронты отправляли конницу и пехоту). Во-вторых, свой пост генерал Сахаров получил совсем недавно, слишком быстро (за три месяца) пройдя путь от командира корпуса до помглавкорума, а потому его статус среди главкомов не был высоким. Но именно эта позиция позволила Сахарову запрашивать ответы других лиц и откладывать ответ на запрос Ставки о вероятном отречении императора до последнего.

Как известно, с ответом о необходимости отречения, выраженной в телеграмме наштаверха генерала М.В. Алексеева, помглавкорум лавировал до последнего момента, узнав уже мнения всех прочих главнокомандующих и только тогда вынужденно присоединившись к общему мнению высших генералов. Примечательно, что в разговоре со Ставкой Сахаров не требовал, чтобы ему показали ответы других главнокомандующих фронтами, но хотел знать лишь ответ с Кавказа, от великого князя Николая Николаевича. Вероятнее всего, В.В. Сахаров считал мнение наместника определяющим потому, что являлся убежденным сторонником монархии и уважал великого князя как своего бывшего Верховного главнокомандующего в 1914–1915 гг.

Считается, что главнокомандующие Северным (Н.В. Рузский) и Юго-Западным (А.А. Брусилов) фронтами, равно как и М.В. Алексеев, в той или иной степени знали о действиях оппозиции по подготовке государственного переворота и захвату власти в пользу великого князя Михаила Александровича (неважно – как императора или как регента при цесаревиче), а потому были готовы к событиям. В свою очередь А.Е. Эверт (Западный фронт) и тем более В.В. Сахаров, не имевшие доступа к информации о заговоре, лишь подстраивались под деятельность вышеуказанных военачальников. Эверт и Сахаров являлись наиболее верноподданными главкома, а потому, чтобы не допустить междоусобицы на фронте, их следовало убедить.

Представляется, что основными доводами, склонившим главкозапа и помглавкорума на сторону революции (тогда предполагалось, что результатом станет конституционная монархия, о республике речи вообще не было), стали угроза снабжению армии и опасение германского вторжения. По воспоминаниям супруги А.Е. Эверта, главкозап оценивал обстановку именно с этих позиций: 28 февраля «задержится подвоз, начнется недоедание в армии, этим, конечно, воспользуются, и бунт в армии неминуем»; 1 марта «мне пришлось нарушить присягу, обратиться к государю с предложением отречься от престола; все главнокомандующие обратились с такой просьбой, считают, что это

единственное, что может спасти Россию и сохранить фронт. Я плохо в это верю, но открыть фронт мы не имеем права перед Родиной» (ГАРФ 9: 4 об. – 5).

Для Сахарова эти моменты были еще более актуальны: снабжение Румынского фронта выполнялось не более чем на 60 %, что вынуждало пока опираться на местные средства румынской территории и Бессарабии. Вдобавок германские атаки все еще продолжались, крупные бои закончились не более месяца назад, а потому внутренняя борьба и падение обороноспособности действующей армии для не успевшего как следует закрепиться на занимаемых рубежах Румынского фронта означали катастрофу.

В конечном счете Сахаров под влиянием депеши Алексеева согласился с мнением прочих высших генералов. Днем 2 марта в Пскове, где находился убеждаемый Рузским в необходимости отречения Николай II, были получены телеграммы главнокомандующих фронтами и командующего Балтийским флотом А.И. Непенина, которые высказались за необходимость отречения императора от престола. Доминирующим мотивом в этом решении служило стремление обеспечить возможность России с победой закончить войну.

Телеграмма В.В. Сахарова, не отличаясь от прочих по сути, существенно отличалась по содержанию. С одной стороны, он выразил свои верноподданнические настроения – «горячая любовь моя к его величеству», но с другой – поддержал мнение о необходимости отречения: «...пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям». В любом случае такой текст заставил насторожиться тех, кто пришел к власти в начале марта 1917 г. Черемисинов подытоживает: «...телеграмма генерала Сахарова, совершенно не соответствовавшая моменту, была его лебединой песней» (ГАРФ 4: 16). Приказ помглавкорума по армиям Румынского фронта от 17 марта 1917 г. показывает его отношение к произошедшему: «Берегите же и впредь, офицеры и солдаты, душу военного дела – святую дисциплину... Сомкните ряды теснее и железной пятой раздавите германо-болгарскую змею, и копьём Георгия Победоносца поразите германскую гидру». Здесь же, обращаясь к гражданам губерний тыла Румынского фронта, Сахаров указал: «Страна и армия не должны теперь иметь недостатка продуктов земли. Потрудитесь же, если нужно, вдвойне, чтобы лишения и голод не смутили более слабых и не проникла в страну смута» (Известия 1917: 1).

В условиях кампании конца 1916 г. генерал В.В. Сахаров не имел возможности проявить себя в качестве полноценного полководца, так

как ему и его штабу пришлось импровизировать на ходу, останавливая неприятельское наступление после падения Бухареста, а количества войск для организации наступательных действий всегда было недостаточно. Поэтому особый интерес представляет составленный штабом Сахарова план весенней операции Румынского фронта как составной части общего наступления русской действующей армии в кампании 1917 г. Разработанный план был выражен в приказе помглавкорума от 9 марта 1917 г., т. е. сразу после Февральской революции.

Основная идея заключалась в нанесении армиями Румынского фронта «в направлениях по их выбору частных, но сильных ударов противнику с целью сковать его и помешать перебрасывать войска с Румфронта на другие театры». Иными словами, Румынский фронт получал вспомогательную задачу, содействовавшую главному удару, который передавался Юго-Западному фронту. Поставленные перед армиями задачи состояли в следующем: 9-я армия должна была атаковать и отбросить противника в горы с целью прочнее обеспечить нефтеносный и угольный районы Окна – Онешти и выйти по возможности в долину реки Олита, угрожая неприятельским сообщениям перед 2-й румынской армией. В свою очередь 4-я армия наступала в общем направлении на Фокшаны – Рымник, а 6-я армия – на Чиорасчи, угрожая тылу противника перед 4-й армией. В связи с политической неопределенностью, наступившей после падения монархии, время начала операции не указывалось, а приказывалось «только произвести немедленные разведки, выбрать и оборудовать наблюдательные пункты и артиллерийские позиции, подготавливать тылы, инженерные средства и связь, вообще приступить к выполнению всей совокупности работ, предшествующих серьезной активной операции». По расчетам Сахарова, русское превосходство в силах насчитывало около 100 тыс. чел., 400 орудий и 130 тыс. сабель, однако признавалось, что орудий тяжелого и среднего калибра будет 413 против 700 у неприятеля. Также в наступлении невозможно было бы использовать преимущество в кавалерии, так как зимой конницу пришлось отвести в тыл, а после революции она использовалась для поддержания порядка на железных дорогах, находясь в распоряжении Одесского военного округа.

В целом операция сводилась «лишь к нажиму на противника с целью его сковать и попутно улучшить свое расположение в тактическом отношении». Поэтому директива от 9 марта «не предусматривала прорыва противника на одном каком-либо участке с серьезной стратегической целью и была соответственно лишена основной идеи – стержневой оси, вокруг которой наматывается боевая работа

всего фронта в стремлении к единой общей цели. В итоге операция сводилась лишь к ряду более или менее равноценных местных операций, цели и направления которых были определены еще в начале февраля каждой армией в отдельности, не связывая их с достижением общего для всего фронта стратегического решающего результата» (ГАРФ 5: 56–59).

Причиной составления столь неуверенного в наступательном отношении плана весенней операции стала транспортная разруха. Слабая железнодорожная сеть Румынского фронта могла справиться только с подвозом интендантского имущества, прежде всего продовольствия и фуража, а потому возможностей для перегруппировки в случае успеха атаки объективно не существовало. К тому же на стыке 4-й русской и 2-й румынской армий находился сильный резерв, так как русское командование не было уверено в устойчивости румынского союзника.

В начале апреля 1917 г. все еще рассчитывавшая на общее наступление русская Ставка подкорректировала план Сахарова. Теперь главный удар направлялся на Браилов, а в качестве конечной цели атаки директива Ставки от 3 апреля ставила захват Добруджи и Нижнего Дуная. Согласно армейским задачам, 4-я армия вместе с ударной группой 6-й армии обязывалась выйти на линию река Мильковуль – Обилесчи – Мартинесчи – Чиораски. В случае успеха наносившая главный удар Румынского фронта 6-я армия должна была прижать противника к Дунаю и войти в Добруджу. К началу мая подготовка войск и переброска тяжелой артиллерии должны были быть закончены. Во исполнение директивы Черноморский флот должен был оказывать поддержку наступлению на Нижнем Дунае. Поэтому В.В. Сахаров просил командующего Черноморским флотом А.В. Колчака оказать содействие 6-й армии: взять под контроль русло Нижнего Дуная, помочь перебросить 6-ю армию через Дунай и поддерживать сообщения после занятия Добруджи. В свою очередь Колчак даже предложил высадку десанта в районе Констанцы в составе 124-й пехотной, Балтийской, ударной Черноморской дивизий и одного казачьего полка (ГАРФ 5: 67–68, 72–73).

Трудно оценить возможности успеха планировавшегося наступления, но проводить его генералу Сахарову все равно не пришлось бы. Чистка вооруженных сил, предпринятая Временным правительством весной 1917 г., к началу лета убрала почти всех командующих фронтами на момент Февральской революции – Н.В. Рузского, А.Е. Эверта, Н.Н. Юденича. Своего поста лишился и В.В. Сахаров. В начале апреля действующую армию посетил новый военный министр А.И. Гучков, который, собственно, и проводил чистку командного состава. 9 апреля 1917 г. он провел совещание в Яссах, причем обращался к Сахарову

к как перспективному командующему фронтом, и присутствовавшим показалось, что помглавкорум останется хотя бы на период предстоявшего наступления. Однако после совещания Гучков около 15 минут беседовал с глазу на глаз с командармом-9 генералом П.А. Лечицким, которого, по слухам, прочили на должность главнокомандующего армиями Западного фронта. Когда Гучков вышел, Лечицкий рассказал Сахарову, что военный министр только что уговаривал его принять пост помглавкорума, но Лечицкий отказался («разве я мог согласиться на это, когда армию разваливают и превращают в бунтующие толпы?») и, вопреки расчетам Гучкова, подал прошение об отставке. Вечером при отъезде из Ясс Гучков пожелал Сахарову успеха в будущем наступлении, но начальник связи доложил, что адъютант Гучкова уже отправил в Ставку телеграмму с требованием прислать на Румынский фронт командарма-7 генерала Д.Г. Щербачева (ГАРФ 4: 20–21).

В приказе по армиям фронта Сахаров так характеризовал командарма-9: «9-я армия и Румынский фронт с уходом генерала Лечицкого теряют в лице его опытного вождя, любимого войсками, строгого, но справедливого начальника, познавшего душу солдата и офицера и умевшего всегда воодушевить их на славные боевые подвиги» (РГВИА 17: 387). Но тот же поворот ожидал и самого Сахарова.

Таким образом, судьба первого помглавкорума была предрешена. 12 апреля на пост помощника августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта был назначен Д.Г. Щербачев. В приказе А.А. Брусилова от 16 апреля об отбытии Щербачева на Румынский фронт сообщалось о надеждах на нового помглавкорума: «Обладая широкими военными знаниями и твердой волей, всегда бодрый духом и проникнутый стремлением вперед, генерал Щербачев умел воодушевить и влить дух победы и во вверенные ему войска» (ГАРФ 8: 1).

Генерал от кавалерии Владимир Викторович Сахаров, без сомнения, не относился к выдающимся военачальникам русской императорской армии периода Первой мировой войны. Он был крепким комкором и неплохим командармом, однако его боевая карьера все-таки складывалась преимущественно в боях против австро-венгерской армии, уступавшей в качестве немцам. На посту командующего фронтом генерал Сахаров оказался в очень тяжелый период отступления из Румынии и не смог надлежащим образом организовать отход, уступив неприятелю восточную часть союзной страны и даже устье Дуная. Неизвестно, смог бы справиться с этой задачей лучше другой полководец, но нелегкая ноша легла на плечи В.В. Сахарова, и он старался сделать все, что было в его силах.

ЛИТЕРАТУРА

- Брусилов 1983 - *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1983.
- Известия 1917 - Известия штаба XI армии. 1917. 30 марта.
- Керсновский 1994 - *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1994. Т. 4.
- Французские армии 1940 - Французские армии в мировой войне. Т. 8: Восточная кампания. М., 1940. Вып. 2.
- Приказы 1916 - Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего за 1916 год. Б.м., 1916.
- Россия 2014 - Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2 кн. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты. СПб., 2014.
- Снесарев 2014 - *Снесарев А.Е.* Дневник: 1916–1917. М., 2014.
- Стратегический 1922 - Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6: Румынский фронт. М., 1922.
- Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ) 1 - ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 442.
- ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 357.
- ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 42.
- ГАРФ 4 - ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 729.
- ГАРФ 5 - ГАРФ. Ф. 6260. Оп. 1. Д. 2.
- ГАРФ 6 - ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068.
- ГАРФ 7 - ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312.
- ГАРФ 8 - ГАРФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 4.
- ГАРФ 9 - ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757.
- Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА) 1 - РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1643.
- РГВИА 2 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 418.
- РГВИА 3 - РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 2120.
- РГВИА 4 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 180.
- РГВИА 5 - РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 80216.
- РГВИА 6 - РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15.
- РГВИА 7 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 108.
- РГВИА 8 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 520.
- РГВИА 9 - РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 10.
- РГВИА 10 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030.
- РГВИА 11 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 447.
- РГВИА 12 - РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 95.
- РГВИА 13 - РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 45.
- РГВИА 14 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 523.
- РГВИА 15 - РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 464.
- РГВИА 16 - РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3091.
- РГВИА 17 - РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1.

REFERENCES

- Brusilov, A.A. (1983) *Moi vospominaniya* [My Memoirs]. Moscow: Voenizdat.
- Izvestiya shtaba XI armii*. (1917). 30th March.
- Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii* [History of the Russian Army]. Vol. 4. Moscow: Golos.
- Anon. (1940) *Frantsuzskie armii v mirovoy voyne* [French Armies in the World War]. Vol. 8. Moscow: [s.n.].
- Staff of the Supreme Commander. (1916) *Priказы nachal'nika shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego za 1916 god* [Orders of the Chief of Staff of the Supreme Commander for 1916]. [s.l.; s.n.].
- Pavlov, A.Yu. (2014) *Rossiya v strategii Pervoy mirovoy voyny: v 2 kn.* [Russia in the Strategy of the First World War: In 2 books]. Book 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy.
- Snesarev, A.E. (2014) *Dnevnik: 1916–1917* [Diary: 1916–1917]. Moscow: Kuchkovo Pole.
- Tsikhovich, Ya.K. (1922) *Strategicheskiy ocherk voyny 1914–1918 gg.* [A Strategic Sketch of the War of 1914–1918]. Part 6. Moscow: Vysshiiy voennyi redaktsionnyy sovet.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 442.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5972. List 3. File 357.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 713. List 1. File 42.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 729.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 6260. List 1. File 2.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 265. File 1068.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 1778. List 1. File 312.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 4.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 757.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 499. List 3. File 1643.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 1. File 418.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2004. List 3. File 2120.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 2. File 180.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 409. List 1. File 80216.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2085. List 1. File 15.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 1. File 108.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 1. File 520.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 369. List 11. File 10.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 2. File 1030.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 2. File 447.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 391. List 2. File 95.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2086. List 1. File 45.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 1. File 523.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2004. List 3. File 464.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2000. List 1. File 3091.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2085. List 1. File 1(1).

Оськин Максим Викторович – доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законовeдения и управления ВПА (Россия).

Oskin Maxim – Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association (Russia).

E-mail: maxozv@yandex.ru

УДК 94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/3

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ БЕССАРАБИИ В КОНЦЕ 1917 г. И НАЧАЛО РУМЫНСКОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В.А. Бенюк¹, С.Н. Назария²

Государственный институт международных отношений Молдовы
Молдова, 2005, г. Кишинев, ул. Пушкина, 54

¹E-mail: irim@irim.md

²E-mail: sergnazar@mail.ru

Авторское резюме

Русская революция провозгласила право народов на самоопределение, и молдаване получили возможность самостоятельно решать свою судьбу. Как и во всей России, в Бессарабии начались процессы социально-политического и национального самоопределения. Однако они были прерваны румынской интервенцией.

Ключевые слова: Бессарабия, революция, Сфатул Цэрий, Советы, большевики, румынская интервенция.

THE SOCIO-POLITICAL EVOLUTION OF BESSARABIA AT THE END OF 1917 AND THE BEGINNING OF THE ROMANIAN MILITARY INTERVENTION

V.A. Beniuc, S.N. Nazaria

State Institute of International Relations of Moldova
54 Pushkin Street, Chişinău, 2005, Moldova

¹E-mail: irim@irim.md
²E-mail: sergnazar@mail.ru

Abstract

The Russian revolution proclaimed the right of peoples to self-determination, and Moldovans had the opportunity to decide their own destiny. As in all Russia, Bessarabia launched the processes of socio-political and national self-determination, which were later interrupted by the Romanian military intervention.

Keywords: Bessarabia, revolution, Sfatul Țării, Soviets, Bolsheviks, Romanian intervention.

Октябрьская революция провозгласила право народов на самоопределение (ДВП 1957: 14–15, 34–35), и молдаване получили возможность самостоятельно решать свою судьбу. Но вскоре после Февральской революции частью интеллигенции края овладела идея автономии Бессарабии в составе России. Наиболее энергично выступали за нее активисты Молдавской национальной партии (МНП). Правда, с самого момента создания из-за своих плохо скрывааемых прорумынских устремлений МНП не пользовалась серьезной поддержкой среди молдавских крестьян (НАРМ 29: 140–141; Bogos 1938: 81).

Однако ни в одном официальном документе партии, включая ее программу (Кувинт 1; НАРМ 28: 4, 8–8 об.), не было ни малейшего намека на возможность объединения Бессарабии с Румынией, и лидеры данной организации скрывали свои прорумынские настроения, повсеместно заявляя о необходимости сохранения Бессарабии в рамках обновленной России (НАРМ 32: 134 об., 135, 136–136 об., 141 об. – 142; Boldur 1935: 69–70).

У большинства молдаван, являвшихся малоземельными крестьянами, были и другие причины для недоверия лидерам Молдавской национальной партии, кроме проскальзывавшего румынизма. Дело в том, что сразу после образования партии ее почетным председателем стал миллионер В. Строеску, а председателем – помещик П. Горе. Его заместителем был избран другой крупный помещик – В. Херца. Генеральным секретарем партии становится известный румынист П. Халиппа, а секретарем заседаний – трансильванский румын Онисифор Гибу, сторонник будущей «Великой Румынии».

Точно оценил настроения различных слоев населения Молдавии после Февральской революции американский историк Кейт Хиткинс: «Крестьяне приступили к захвату и разделу принадлежавших крупным помещикам земель, в то время как молдавские офицеры русской армии, священники, интеллигенты либеральных взглядов и консер-

вативно настроенные собственники земли требовали политической автономии» (Bărbulescu și al. 1998: 418). Данную мысль выразил и другой американский историк Ш. Фишер-Галац: «В 1917 г. выявились два политических течения: аграрно-революционное, враждебное крупным землевладельцам молдавского и русского происхождения, стоявшее за радикальную экспроприацию и против союза с помещичьим Старым королевством; другое – прорумынское, склонявшееся к ограниченной экспроприации и союзу с Румынией» (Против 1972: 81).

Как и по всей России, в Бессарабии также возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые активно включились в политическую борьбу за власть в крае. В этих условиях 20 октября в Кишиневе собрались около 600 делегатов I Всероссийского военно-молдавского съезда, якобы представлявших 300 тыс. соотечественников, мобилизованных на фронт. Правда, при этом следует отметить, что их никто не избирал и в большинстве своем они были лицами, которых персонально пригласили организаторы съезда (Виноградов и др. 1996: 174). Норма представительства на съезд была установлена по одному офицеру и два солдата от каждой сотни военнослужащих-молдаван. Исходя из нее, на съезд должны были прибыть около 9 000 делегатов, а явилось не более одной пятнадцатой части от необходимого. Таким образом, правомочность решений съезда вызывает большие сомнения. Его организаторы не слишком доверяли солдатской массе, поэтому были приглашены в основном сторонники МНП.

Делегаты поддержали предложение о создании Сфатул Цэрий (СЦ – «Совета страны») – высшего органа территориально-политической автономии края (Ciobanu 1929: 147–150; Unirea 1995: 47–55). Примечателен и тот факт, что из 32 его депутатов, избранных на съезде, только 7 были солдатами и матросами (Pântea 1991: 46–47). Остальные являлись офицерами и военными чиновниками.

Для организации Сфатул Цэрий была установлена численность этого органа в 160 чел., включая 10 мест для молдаван, проживавших на левобережье Днестра. Бессарабцам молдавской национальности выделили 105 мест.

Национальным меньшинствам, составлявшим более 50 % населения края, досталось только 36 мандатов. Рабочим не выделили ни одного, а крестьяне (80 % населения) получили лишь 30 % мандатов. Политическим формированиям достались места в зависимости от их политико-идеологической ориентации. Больше всего мест получили организации прорумынской ориентации. Наиболее влиятельной партии в Бессарабии – эсерам, за которых на выборах в Учредительное собрание проголосовало 31,2 %, было предоставлено всего одно место,

в то время как за МНП, набравшей на этих выборах 2,3 % голосов, было закреплено четыре места. По одному месту – как и эсеры – получили малоизвестные Общество интеллигенции, Лига женщин, а Коллегия юристов и работники связи – по два места.

17 ноября в Молдавии произошло событие, ускорившее начало работы Сфатул Цэрий. Дело в том, что первоначально после взятия власти большевиками в Петрограде бессарабские Советы не признавали новое Правительство народных комиссаров. Но вскоре отношение к нему стало меняться, и именно в этот день Кишиневский совет совместно с комитетом 260-го пехотного полка признал правительство Ленина (Левит 2000: 14–17, 21–22). Сложилась ситуация, при которой, опираясь на большевизированные части, большевики и их союзники могли установить свою власть в городе и губернии. Именно этого опасались все антибольшевистские силы.

В этих условиях, раньше установленного времени, 21 ноября 1917 г. открылись заседания СЦ. В приглашениях указывалось, что «Сфатул Цэрий является временным верховным краевым органом Автономной Бессарабии впредь до созыва Бессарабского Учредительного собрания», что он признает «основной принцип устройства России как Федеративной Демократической Республики» (НАРМ 27: 27). Председателем был избран Ион Инкулец, который подчеркнул, что «если бы не было выступления большевиков, то с открытием Сфатул Цэрий не спешили бы» (Сфатул 1; Свободная 8; Свободная 12; Голос Р). Директор по военным делам СЦ Г. Пынтя был еще откровеннее: большевизм, охвативший всю Россию, крайне заразителен, его лозунги основательно привились повсюду, поэтому Сфатул Цэрий появился на свет с целью противодействия победе большевизма в Бессарабии (Pântea 1991: 56–57).

И. Инкулец сформулировал задачи «первого бессарабского парламента». На основе права на самоопределение, завоеванного русской революцией, заявил он, «Бессарабия должна стать демократической республикой, став нераздельной частью великой Российской Демократической Федеративной Республики» (Свободная 8; Бессарабская 3). Цель высшего органа края – подготовить созыв Учредительного собрания Бессарабии, решить проблему «передачи земли трудовому народу» и обеспечить соблюдение демократических свобод и прав нацменьшинств.

2 декабря 1917 г. СЦ провозгласил Бессарабию Молдавской Демократической Республикой, равной в правах частью единой Российской Демократической Федеративной Республики (НАРМ 21. Ч. 1. 61–68, 69–70, 74–75; НАРМ 35: 36–36 об., 40–40 об., 129–130; Unirea 1995: 117–120). Согласно Декларации, до созыва Учредительного собрания,

избранного на основе всеобщего голосования, Сфатул Цэрий представлял высшую власть МДР. Правительством республики стал Совет генеральных директоров (СГД). СЦ призвал «молдавский народ и все братские народы МДР» стоять на страже Всероссийского Учредительного собрания и общей родины – Российской Демократической Федеративной Республики. Следует подчеркнуть, что губернский бюрократический аппарат сразу же поддержал данный орган (Свободная 2; Свободная 4; Свободная 10; Кувынт 4).

А. Болдур, говоря о принципах организации СЦ, следующим образом оценил эту структуру: «Направленность организации, недостаточная выясненность состава, полная неопределенность компетенции – вот характерные черты органа, который декретирован постановлением Первого Всероссийского военно-молдавского съезда... Может ли этот орган быть авторитетным выразителем воли населения Бессарабии, пользоваться его сочувствием и поддержкой? Увы, сомнениям нет конца!» (Свободная 13). Того же мнения относительно законности СЦ был и тогдашний румынский министр К. Арджетояну, называвший данный орган «советом ничтожеств, собранных из подворотни» (Argetoianu 1995: 28).

Лидеры Сфатул Цэрий отрицали свою приверженность идее румыно-унионизма. Инкулец говорил: «Сепаратизма в Бессарабии нет, в особенности в сторону Румынии, и если кто-либо не сводит глаз с Прута, то это только кучка людей. Пути Бессарабии сходятся с путями России, ибо нет более свободной страны, чем Россия. Так смотрит на дело и бессарабское крестьянство... Даже теперь, когда на Россию обрушились все беды, ни в одном селе вы не услышите разговора об отделении от России. Напротив, во многих селах говорят, что учреждение самостоятельного управления явится сепаратизмом, а из этого следует, что никто о сепаратизме не помышляет... Сейчас нам грозят и будут грозить Украина и Румыния, в особенности сильна угроза со стороны Румынии... Ни у кого из инициаторов создания краевого органа и в мыслях не было сепаратизма, все желают работать в единении с великой Россией» (Сфатул 2).

И такого рода заявления звучали из уст руководителей СЦ непрерывно (НАРМ 21. 141, 178 об., 192; НАРМ 27: 27; НАРМ 34: 141–142; Кувынт 2; Кувынт 4; Свободная 8; Свободная 10; Бессарабская 3; Сфатул 2; Сфатул 7; *Intervenția* 1933: 175; *За власть* 1970: 44–46; *Виноградов* и др. 1996: 200–202; *Halippa* 1991: 55; *Ghibu* 1992: 463–464), даже и после оккупации края румынскими войсками (*Известия* 3; *Известия* 10; Бессарабская 4; Бессарабская 7; Свободная 14; Свободная 19; Свободная 22; *Сіобану* 1929: 146, 147, 309). Одним из примеров, подтверждающих умонастроения простого люда,

служит обращение 23 декабря 1917 г. / 5 января 1918 г. молдавских военных частей к гражданам России и Украины: «Являясь истинными выразителями воли всего рабочего народа Бессарабии и самых сознательных кругов рабочей интеллигенции... обращаемся ко всей демократии Российской Республики с криком из глубины души: Бессарабия не желает никакого отделения от России, не признает никакой румынизации или украинизации, она желает жить свободной и независимой жизнью, будучи составной частью многочисленной и неразделимой семьи Российской Федеративной Республики, исходя лишь из великого лозунга права народов на самоопределение... Да здравствует великая Российская Федеративная Демократическая Республика и все ее штаты!» (Свободная 22).

Сфатул Цэрий требовал, чтобы ему подчинялись все учреждения и организации края. Но на власть претендовали и Советы. Признание ими правительства Ленина означало их готовность подчиняться большевистскому Петрограду (Известия 1; Известия 2; Известия 4; Известия 5; Бессарабская 2; Бессарабская 5; Бессарабская 9), что не входило в расчеты СЦ. По мере большевизации войск, дислоцированных в Бессарабии, шансы Советов получить власть в крае возрастали. Назревала острая борьба за власть. Данный вывод подтверждает Д. Богос: «В декабре борьба между этими двумя лагерями, двумя типами менталитета, двумя мирами – румынскими националистами из Молдавского блока, с одной стороны, и интернационалистами и чужаками разных политических направлений – с другой, ужесточается» (Bogos 1998: 128).

В ситуации, когда ни один из претендентов на власть не обладал подавляющим влиянием, результат борьбы зависел от ряда внутренних и внешних факторов, в первую очередь – от поддержки со стороны воинских частей, находящихся в распоряжении оппонентов. Большевики, левые эсеры и их сторонники активно готовились к решительной схватке, в политическом плане опираясь на Советы, а в военном – на большевизированные части. Они также надеялись на поддержку петроградского правительства.

Сфатул Цэрий, находясь на непримиримых антибольшевистских позициях, рассчитывал на поддержку Антанты и Румынии, а внутри страны – на помощь молдавских воинских частей. Руководители молдавского национального движения настойчиво пытались обеспечить себе поддержку в рядах молдаван – солдат и офицеров российской армии.

Волна погромов, охватившая Бессарабию летом и осенью 1917 г., послужила серьезным поводом для формирования молдавских частей и их размещения в крае для борьбы с «анархией», насилием и

грабежами дезертиров, недисциплинированных солдат резервных частей, местных преступников, но главным образом для подавления крестьянских волнений. Из солдат-уроженцев Бессарабии было создано 16 когорт милиции, по 100 человек каждая (НАРМ 30: 230).

Однако когорты зачастую отказывались подавлять крестьянские бунты, а иногда сами присоединялись к крестьянам (Haniş 1932: 6; Ciobanu 1993: 146). Так, на пленарном заседании комитета I Молдавского полка было решено «отказаться от отправки 800 человек», востребованных для подавления «анархии» в Сорокском уезде (Известия 6; Бессарабская 6).

Осознавая истинные настроения широких масс, Г. Пынтя признавал, что лозунги большевиков глубоко пустили корни среди молдавского населения и, главным образом, среди солдат. Он же отмечал, что солдаты-молдаване говорили, что СЦ «продался румынам» и народ попадет в новую кабалу к румынским боярам (Pântea 1991: 72–73). Аналогичным было и мнение его соратника В. Чижевского, писавшего в статье «Наша армия», что «опыт с национализацией частей не удался... В частности, наши молдавско-бессарабские полки... представляли из себя опасный для общественного спокойствия элемент... Большевизм, нашедший себе приют и сердечный прием в молдавских полках, окончательно добил идею национализации частей» (Сфатул 9).

Таким образом, факты свидетельствуют, что солдаты-молдаване выдвигали на первый план решение социальных проблем, а урегулирование национального вопроса ставили в зависимость от первого. Об объединении с Румынией не было и речи. Но часть населения Бессарабии активно поддерживала Сфатул Цэрий, занимая антибольшевистские позиции. Эти настроения подтверждаются и некоторыми документами (Ciobanu 1929: 186–196; Кувынт 3, Кувынт 5).

В декабре авторитет руководителей СЦ стал стремительно падать. Убедительным примером этого являются выборы в Учредительное собрание России – МНП получила 2,3 % голосов: из 600 тыс. бессарабских избирателей, принявших участие в голосовании, националистов поддержали всего 14 тыс. человек. В городах победили еврейские партии. На селе основную борьбу за голоса избирателей вели Советы крестьянских депутатов и партия эсеров (Левит 2000: 48–51). Лидеры СЦ проходили по спискам этих формирований, не указывая даже, что являются руководителями данного органа. П. Халиппа, И. Инкулец, П. Ерхан, Г. Пынтя и П. Кожухарь шли на выборы как представители Губернского крестьянского Совета.

Д. Богос раскрыл сущность политики своих румыно-унионистских сторонников, которые, по его словам, «ничего другого не преследовали, кроме выполнения задачи проползти как можно большему

числу настоящих националистов во Всероссийское Учредительное собрание, чтобы оттуда поддерживать дело бессарабских румын» (Вогос 1998: 110).

Так, например, даже в уездах, в которых молдаване составляли большинство населения, националисты полностью провалились: в Бельцком из 86 589 голосовавших за них отдали голоса 2 187 чел., в Оргеевском из 73 465 – 1 854; в Бендерском из 65 220 – 2 147; в Кишиневе из 16 628 – 381 (Бессарабская 5; Свободная 14). И хотя на момент выборов самой влиятельной политической партией в Бессарабии все еще оставались эсеры, заметно возросло влияние большевиков: всего за них было подано более 15 % голосов. В этом смысле интересно и сравнение числа голосов, поданных за РСДРП(б) и националистов. Так, в Кишиневе большевики получили 5 449 голосов, а МНП – 381; в Бельцком уезде – 9 532 против 2 187; в Бендерском – 7 780 против 1 854; в Окнице – 272 и 16; в Болграде – 18 и 3. Из 3 020 чел., принявших участие в голосовании в Унгенах, за большевиков голосовали 1 742 избирателя, за эсеров – менее 900, за меньшевиков и бундовцев – 60, а за националистов было отдано всего несколько голосов (Антонюк и др. 1969: 126; Антонюк и др. 1986: 57). Как показывают факты, реальное влияние националистической МНП, претендовавшей на власть в крае, было ничтожным.

Выборы в Учредительное собрание показали, что среди населения Бессарабии, особенно жителей сел, где большинство составляли молдаване, Молдавская национальная партия отнюдь не пользовалась авторитетом и ни один ее кандидат не одержал победу. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что СЦ являлся выразителем воли молдавского народа, являются ложными.

Под влиянием антивоенной пропаганды усилилось разложение российских войск на Румынском фронте. 18/31 октября в телеграмме на имя А.Ф. Керенского Верховный главнокомандующий русской армии Н.Н. Духонин отмечал, что «на Румынском фронте продолжается саботажное отношение ко всем распоряжениям Ставки по выделению войск для подавления большевистского движения» (Истрати 1973: 94–96, 98). Более того, в течение ноября русские войска Румынского фронта под влиянием событий на других фронтах и вестей из Петрограда, а также сильно распропагандированные большевиками и левыми эсерами, фактически перестали подчиняться старому командованию.

Так, командующий 8-й армией доносил 19 ноября 1917 г. в штаб фронта, что, видя со стороны большевиков реальные шаги на пути к миру, солдаты всю надежду возлагают на них. А командир 16-го корпуса писал 23 ноября вышестоящему командованию, что еще

вчера голосовавшие за эсеров солдаты сегодня стали большевиками (Большевики 1967: 162, 196). Как сообщают Н. Йорга, А. Авереску, П. Казак, солдаты хотели даже арестовать главкома Щербачева и французского генерала Бертело, охранявшихся румынской армией (Averescu 1935: 248, 249; Iorga 1939: 174; Cazacu 1992: 334). И.Г. Дука свидетельствовал: «Щербачев не скрывал от нас, что его авторитет постоянно падал и вскоре стал иллюзорным... Генерал Щербачев заявил, что не может отвечать даже за собственных часовых, и, как следствие, просил нас обеспечить охрану его кабинетов и кассы... [Он] вновь просит у нас защиты... так как на данный момент его армии в Молдове полностью вышли из-под его контроля» (Duca 1994a: 273).

Брожением были охвачены и войска, дислоцированные в Бессарабии. Коснулось это и 1-го Молдавского пехотного полка, созданного для поддержки СЦ. С первых же дней своего существования этот полк колебался, отдавая предпочтение решению социальных, а не «национальных» задач, и пытался согласовать свою деятельность с Кишиневским советом (Известия 3; Бессарабская 4). Д. Богос честно оценивал ситуацию с молдавскими воинскими частями: «Обезумевшее стадо, зараженное болезнетворной фразеологией времени» (Bogos 1998: 108).

Однако на первых порах большая часть молдавских воинских частей поддерживала СЦ. Так, 11 декабря состоялось объединенное заседание делегатов частей Кишиневского гарнизона, которое постановило «признать на территории Молдавской Республики Сфатул Цэрий» и поддержать его вооруженной силой, но с оговоркой: «...опирающийся на молдавский революционный демократизм, очищенный от буржуазных элементов» (Свободная 15). И даже Советы – на определенных условиях – первоначально поддерживали СЦ (Левит 2000: 33–34, 42, 59–61; Meurs 1996: 81, 83). Так, представитель Совнаркома С. Куйб заявил, что «Совет народных комиссаров... может только приветствовать Сфатул Цэрий, ибо видит в этом основу для будущей Федеративной Демократической Российской Республики» (Бессарабская 7; Ghibu 1992: 464). Несколько ранее Сфатул Цэрий получил поддержку и на расширенном собрании Кишиневского совета совместно с членами воинских комитетов и представителями профсоюзов (Известия 8).

Но руководители СЦ никак не отреагировали на это постановление. Они решительно отвергали всякие контакты с органами, признававшими Советское правительство, и не допускали в СЦ большевиков (Известия 9; Бессарабская 8; Свободная 19).

Основные события в крае происходили, естественно, на селе. Нерешение аграрного вопроса Временным правительством на

общероссийском уровне и местными бессарабскими властями на региональном генерировало мощное аграрное («анархическое») движение крестьян за справедливое перераспределение земельной собственности. Наличие в Молдавии крупных помещичьих латифундий на фоне огромного количества малоземельных крестьянских хозяйств способствовало распространению среди сельской бедноты революционных идей. При этом следует иметь в виду, что во множестве сел были расположены революционизировавшиеся части Румынского фронта. Через посредничество солдат их идеи быстро охватывали и крестьян, в первую очередь требовавших раздела помещичьих земель (НАРМ 1: 12; Pântea 1991: 85).

В октябре 1917 г. в Бессарабии имели место около 200 крестьянских выступлений, две трети из которых носили форму захвата земли: «В Сорокском уезде почти вся помещичья земля была захвачена крестьянами». Аналогичной была ситуация и в Оргеевском уезде (Свободная 1; Свободная 3; Голос К 1; Viața 1933).

В декабре волнения охватили всю МДР. Крестьяне захватывали леса и земли помещиков, монастырей и церквей, делили скот и сельскохозяйственный инвентарь, пшеницу из амбаров (НАРМ 2: 2–8; НАРМ 7; НАРМ 8; НАРМ 9; НАРМ 10: 7–9; НАРМ 11: 1; НАРМ 12: 1–4, 38, 159; НАРМ 19: 1–2; НАРМ 20: 15; НАРМ 24: 1; НАРМ 29: 1, 11; НАРМ 30: 24; НАРМ 36: 73 об. – 75; НАРМ 39: 2–3, 10, 14–15, 28–29; НАРМ 40: 72–74, 108, 118, 182–185, 197, 199, 201–202, 216, 220, 222, 251, 284, 297–297 об., 304, 380; Свободная 5; Свободная 6; Свободная 9; Свободная 10; Свободная 11; Свободная 14; Свободная 16; Свободная 17; Свободная 19; Свободная 20; Свободная 21; Свободная 22; Свободная 23; Известия 7; Бессарабская 1; Бессарабская 2; Бессарабская 7; Бессарабская 10; Голос К 2; Иткис 1970: 176, 186, 217–218, 225, 228, 240–241, 243; Ciobanu 1993: 211–220; Cazacu 1992: 249–253). Так они надеялись избавиться от помещиков. «В действительности в декабре провинция находилась во власти абсолютной аграрной революции: крестьяне поджигали помещичьи усадьбы, опустошали амбары, делили землю и грабили леса» (Dusa 1994b: 60). Вести о разорении больших хозяйств распространялись с поразительной быстротой, а Сфатул Цэрий не предпринимал никаких мер для решения аграрного вопроса.

На основе серьезного архивного материала полно и объективно описал данную ситуацию И. Цуркану: «К концу осени крестьянское движение, усиленное солдатскими агитацией, насилием и грабежами, достигает своего апогея; от обычных методов борьбы, ранее ограничивающихся в большинстве случаев захватом и разделом помещичьей земли, крестьяне переходят к полному захвату целых

поместий, при этом грабя и поджигая имущество, захватывая и рубя лес, присваивая монастырскую и государственную собственность.

Отчаянное сопротивление властей и собственников, вперемежку с жестоким подавлением аграрных движений, вызывали колоссальный рост ненависти крестьян к тем, кого они считали... эксплуататорами. Это, одновременно с ростом объема захвата земель крупных собственников, в конце ноября 1917 г. получило выражение в усилении грабежа и поджогов боярских усадеб» (Turcanu 1991: 1 [ссылаясь на НАРМ 3; НАРМ 4; НАРМ 5; НАРМ 6; НАРМ 12–23; НАРМ 24: 20; НАРМ 25; НАРМ 26; НАРМ 31; НАРМ 40; НАРМ 41: 38, НАРМ 42 и др.]).

К концу 1917 г. немногие из помещиков осмеливались жить в имениях. Были случаи расправы с «боярами». Почти все села Кишиневско-го уезда были охвачены волнениями. Не имели значения должность и национальность собственников. Милиция была бессильна в борьбе с восставшими. Комментируя эти события, Йорга писал: «Повсюду крестьяне – исконно молдавские – грабят поместья и поджигают усадьбы, чтобы боярам некуда было вернуться» (Iorga 1939: 203).

Солдаты не только не выполняли приказы начальства о подавлении крестьянских волнений, но и сами присоединялись к ним (НАРМ 2: 1–3, 8; НАРМ 8: 8; НАРМ 10; НАРМ 37: 8, 13, 92, 94; НАРМ 39: 2–3, 10, 14–15, 28–29; Бессарабская 6; Известия 6; Свободная 7, Свободная 23; Большевики 1967: 17). О. Гибу свидетельствовал, что «восстановить порядок в республике было крайне сложно, так как отсутствовала необходимая военная сила. Более того, молдавские части большевизировались и выходили из-под контроля Сфатул Цэрий» (Ghibu 1992: 436, 447–448, 461–462, 506). Об этом же говорил и И. Инкулец: «Мы боремся с этим злом... и цели не достигаем, хотя действуем как самодержцы» (Голос Р). И так как новые власти не могли рассчитывать на молдавские части (Halippa 1991: 81), военный комиссар уполномочил члена СЦ Р. Леша сформировать батальоны из немецких колонистов, «вооруженных пулеметами для борьбы с анархией и погромами, как в Кишиневе, так и в уездах» (Свободная 14).

Но СЦ не удалось «восстановить порядок». Как признал Шт. Чобану, «те несколько молдавских частей, которые были в распоряжении Сфатул Цэрий, заражены большевизмом, и на них нельзя рассчитывать» (Ciobanu 1929: LXI). Эту же мысль высказывал и П. Ерхан. П. Казаку подчеркивал, что в создавшемся положении «было принято тайное решение обратиться за внешней помощью... На закрытом заседании Сфатул Цэрий Совет генеральных директоров получил "карт-бланш" по этому вопросу» (Cazacu 1992: 340).

С таким заданием 21 декабря в Яссы отправились В. Кристи и И. Пеливан (Hitchins 1998: 274). Обращение СЦ за помощью в Яссы

поставило Румынию в сложное положение. Было большим риском направить части в Бессарабию в условиях перемирия с Центральными державами (Meurs 1996: 83).

22 декабря 1917 г. / 4 января 1918 г. в Яссы на имя военного министра Румынии Янковеску – в соответствии с соглашением с министром иностранных дел Т. Ионеску – за подписью лидеров МДР П. Ерхана, В. Кристи и И. Пеливана была послана секретная телеграмма с просьбой направить в распоряжение СЦ полк из бывших военнопленных трансильванцев, находившихся в то время в Киеве. Румынское правительство просьбу удовлетворило, отдав 24 декабря приказ о вводе войск в Бессарабию (HAPM 38: 63; Unirea 1995: 133). Однако, когда население Кишинева узнало об этом, на улицах появились прокламации: «Совет директоров и Сфатул Цэрий продали Бессарабию Румынии» (Сфатул 2).

Румынские правящие круги рассматривали бессарабские события в качестве компенсации за понесенные в результате Фокшанского перемирия потери. И.Г. Дука писал: «Почти одновременно с подписанием Фокшанского перемирия в Кишиневе открывался Сфатул Цэрий – пролог возврата Бессарабии в лоно родины-матери. Оптимисты – и я также был среди них – говорили: сегодня Бессарабия, завтра Трансильвания... Настроенные менее оптимистично заявляли: что будет завтра, не знаем, но что совершенно точно – Бессарабия будет наша» (Duca 1982: 26; Duca 1994a: 34). Вышеизложенное доказывает, что румынские правители смотрели на Бессарабию как на военную добычу.

И эти надежды подстегивались Антантой (Averescu 1935: 323–324). И. Цуркану отмечает: «Совершенно очевидно, что не усилия бессарабцев способствовали занятию Бессарабии румынскими войсками... Несомненно, что в то время, как румынское правительство и его вооруженные силы находились под контролем Антанты и одновременно им следовало учитывать интересы Центральных держав... румынские власти не могли решить по собственному разумению вопрос о посылке войск в Бессарабию» (Turcanu 1998: 128). Таким образом, совершенно ясно, что решение о отправке иностранных войск и проведение последовавшей вскоре операции по «объединению» Бессарабии с Румынией не имели ничего общего с волей молдавского народа. Решения принимались в ведущих европейских столицах и определялись целями антисоветской борьбы воюющих держав, правда, и в интересах руководителей Румынии.

В такой ситуации молдавские воинские части, те самые, которые в свое время приветствовали образование СЦ и признали его в качестве верховного органа Молдавской Республики, 23 декабря 1917 г.

/ 5 января 1918 г. выступили с протестом против намерений Сфатул Цэрий (Свободная 22; Свободная 23).

Руководители СЦ попытались отрицать факт секретных переговоров с Ясским кабинетом. «Румынская оккупация – плод воображения и провокационной агитации», – писала газета «Сфатул Цэрий». И. Инкулец заявил, что «Сфатул Цэрий, конечно, за самое тесное объединение с Российской Демократической Федеративной Республикой... Слух о введении румынских частей на территорию Молдавской Республики совершенно абсурден» (Сфатул 2).

Как видим, националистические лидеры, понимая, что большинство молдавского народа их не поддерживает, пытались ввести общественность в заблуждение. В обстановке, царившей тогда в Бессарабии, признавал П. Казаку, было мало таких, кто осмелился бы открыто и публично высказаться за приглашение румынских войск (Cazacu 1920: 268).

В связи с массовыми протестами против введения иностранных, особенно румынских, войск, руководители Сфатул Цэрий были вынуждены публично подтвердить, что и в дальнейшем выступают за пребывание МДР в составе Федеративной России. Так, председатель СЦ П. Халиппа сказал: «Нас постоянно обвиняют в... румынской ориентации... Сфатул Цэрий заявляет, что не видит Бессарабию в ином соглашении, чем с Российской Федеративной Республикой... Ориентация на Россию единственная приемлемая для нас». А «слухи о прорумынской ориентации» он назвал «очернительскими». Эрхан также отверг обвинения в том, что СГД призвал румынские войска (НАРМ 32: 136–136 об., 141 об., 142; Сфатул 3).

Чтобы снять с себя подозрения в тайных связях с румынской олигархией, В. Кристи заявил, что он выступает за «ориентацию на Днестр и единую Демократическую Российскую Федеративную Республику», что «другой ориентации быть не может» (НАРМ 32: 141 об.). Чтобы успокоить общественное мнение, официальное издание правительства – газета «Сфатул Цэрий» – опубликовало редакционную статью, в которой еще раз подтвердило, что «русский и молдавский народы вместе строят свое благополучие», и что «для Молдавской Демократической Республики Прут должен стать... политической границей... Не за Прут, а за Днестр лежит наш путь» (Сфатул 5).

29 декабря на совместном заседании Кишиневского совета, губисполкома Советов и Центрального Молдавского военно-исполнительного комитета выступил Инкулец и заверил собравшихся, что «опасность ввода румынских войск будет предотвращена даже в том случае, если придется применить против румын вооруженную силу» (Антонюк и др. 1969: 153). Все эти и многие другие факты еще раз

подтверждают наш вывод о неискренности лидеров СЦ, а также о том, что большинство населения республики не поддерживало их, что между ними и молдавским народом была пропасть и они обманным путем пытались добиться своих целей. Никаким авторитетом или реальной властью они не обладали.

В связи с этим П. Казаку писал, что лидеры Сфатул Цэрий «не пользовались реальным авторитетом и не располагали никакой материальной поддержкой», а «территория Бессарабии квазиуправлялась множеством комитетов различных оттенков, которые игнорировали правительство республики» (Cazacu 1992: 336–337). 13 декабря П.В. Ерхан был вынужден признать, что «у Директората нет власти, чтобы можно было проводить в жизнь те или иные начинания». «Недавно, – засвидетельствовал Ерхан, – когда открывали Сфатул Цэрий, мы были полны надежд, а теперь как будто нет ничего. Положение сейчас безвыходное» (Слущкая 1962: 214). Осознавая полную немощь националистических вождей и превозмогая их страх перед собственным народом, лишь 30 декабря газета «Сфатул Цэрий» впервые откровенно призвала во имя «восстановления порядка» черпать для этого силы из «внешнего источника» (Сфатул 4).

В этих условиях в конце декабря в Одессе состоялось совещание бессарабцев – делегатов II съезда Румчерода, на котором СЦ, «действующему вразрез с интересами трудового народа», было выражено полное недоверие и озвучен призыв к его роспуску (Борьба 1957: 249–250). 1/14 января Фронтотдел Румчерода приказом № 1 объявил, что принимает «на себя всю полноту власти и командование над войсками Румынского фронта и прифронтовой полосы», т.е. и в Бессарабии (Борьба 1957: 264; Антонюк и др. 1978: 243). В тот же день Фронтотдел и Кишиневский совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на верные им части, включая молдавские, установили контроль над кишиневским вокзалом, почтой, телеграфом. Занимавшийся формированием войск СЦ полковник Худолей сообщил в штаб Одесского военного округа, что «станция Кишинев во власти большевиков с ночи вчерашнего дня», и подтвердил, что Совет генеральных директоров бессилен (Афтенюк и др. 1964: 579; Антонюк и др. 1978: 247–248).

Данный вывод подтверждается и начальником штаба 4-й русской армии генералом Н. Монкевицем, который был направлен Д.Г. Щербачевым в Кишинев для ознакомления с положением в Молдавской Республике. В своем докладе он пришел к выводу, что СГД полностью безвластен, а реальная власть в Бессарабии принадлежит большевизированным Советам (Intervenția 1933: 199; Левит 2000: 217–218). И. Дука также признавал, что «с каждым днем бессарабское

правительство чувствовало, как власть ускользает из его рук», и все его попытки изменить положение «оказались тщетными, большевики продолжали свое дело, анархия росла. Положение правительства и судьба новой Бессарабской республики становились трагичными» (Duca 1982: 49; Duca 1994a: 61).

Таким образом, на фоне стремительного обесценивания и до того ничтожного влияния Сфатул Цэрий в конце декабря 1917 г. – начале января 1918 г. продолжает расти влияние Советов, становившихся реальной властью в крае. Однако процесс советизации Бессарабии был прерван румынской интервенцией. С этим выводом солидарен и американский историк Уильям Помрой: «Если бы не иностранная интервенция, Молдавская Социалистическая Республика стала бы реальностью сразу же, так как в январе 1918 г. здесь победили Советы, в которых большевики составляли большинство» (цит. по: Лазарев 1974: 32).

Понимая, что СЦ уже не обладал никаким реальным авторитетом, многие «депутаты парламента» не посещали его заседаний. Так, в ноябре–декабре на заседания Сфатул Цэрий трижды приходили всего шесть его членов, а шесть раз – двадцать. История этого органа не знает такого случая, чтобы в нем наличествовал полный состав.

Российские белогвардейцы во главе с Д.Г. Щербачевым (сторонники «единой и неделимой» России) и румынское правительство поняли, что «правительство Молдавской Республики будет не в состоянии устоять перед большевиками». «Совет министров Румынии, с согласия союзников, после многочисленных обсуждений, решил 30 декабря 1917 г. / 12 января 1918 г. послать войска в Бессарабию» (Sojocaru 1998: 68).

Когда интервенция стала фактом, на заседании СЦ Инкулец сам признал, что телеграммы Совета генеральных директоров «не имели практического значения», а «вопрос о вводе румынских войск был решен совместно с союзниками» под предлогом «очищения железных дорог от большевиков». Да и инстинкт самосохранения лидеров Антанты требовал «уничтожить здесь гнездо большевизма». Данный тезис подтвердил и Ерхан: «Что касается телеграммы, посланной в ясскую Ставку, то я скажу вам, господа депутаты, что этот вопрос был предрешен задолго до ее появления» (НАРМ 32: 185, 187 об.).

Касаясь событий того времени, румынский вице-премьер Т. Ионеску говорил с трибуны парламента: «Сфатул Цэрий просил любой военной помощи, поскольку все остальные не хотели нашей армии... Вы думаете, что правительство направило войска в Бессарабию для охраны стога сена? Все знали, что части направлены в Бессарабию, чтобы осуществить заключительный акт ее объединения. Такова

правда!». Присутствовавший в зале П. Халиппа бросил реплику: «Вы считаете, что мы просили войска для охраны стогов сена?» «Конечно же, нет!», – ответил Ионеску (Dezbaterile 1920: 617). Тот же Халиппа в конце 1919 г. заявил в румынском парламенте: «Бандитов и румынофобов мы топили и топим в Днестре и еще охотнее топили бы в Днестре» (Дембо 1924: 49).

Вот оценка, данная голландским историком ван Мерсом вышеописанной ситуации: «...18 января, когда позиция Сфатул Цэрий была решительно оспорена большевиками, Владимир Кристи, Ион Пеливан и Пантелимон Ерхан в третий раз поспешили отправиться в Яссы. На этот раз, после предварительных консультаций с западными военными миссиями и, возможно, получив одобрение со стороны германского Верховного командования, румынское правительство пообещало им военную помощь... Немцы поддержали бы любую антибольшевистскую и контрреволюционную акцию, как и любое действие, которое вело к росту зависимости Румынии от воли Германии» (Meurs 1996: 84).

5 января 1918 г. под председательством Т.В. Котороса состоялось объединенное заседание исполкома Кишиневского совета, губисполкома Советов Бессарабии и Молдавского Центрального военно-исполнительного комитета Совета солдатских и офицерских депутатов г. Одессы с участием представителя Фронтотдела Румчерода В. Каабака. На заседании была оглашена информация о том, что СЦ «дал свое согласие на приход румынских войск» (Борьба 1957: 200).

В час ночи 6 января Кишиневский совет получил информацию, что со стороны Раздельной к городу приближается эшелон трансильванцев на помощь Сфатул Цэрий. Для встречи «гостей» на станцию были направлены 5-й Заамурский кавалерийский полк и 1-й Молдавский пехотный полк во главе с В. Каабаком. В результате трансильванцы были разоружены и взяты в плен. В связи с этим 8 января 1918 г. депутат СЦ Паскалуца с громадным сожалением говорил: «Что делают наши молдаване. Они встречают своих братьев трансильванцев... ружьями и издевательством» (НАРМ 32: 167).

Провалом закончилось и наступление на Кишинев со стороны Прута. Регулярные румынские войска потеряли много убитых, раненых и 1 300 чел. пленными. В боях за станцию Унгены особенно отличилась 14-я рота 1-го Молдавского пехотного запасного полка, направленная сюда для облегчения продвижения румынских войск, но выступившая против интервентов (Kirîţescu 1989: 241–242).

Касаясь этих событий, И. Дука признавал: «Добровольцы трансильванцы из Киева были атакованы большевиками на ст. Кишинев, разоружены и избиты, а отряду из Ясс, как только он перешел Прут,

пришлось вести еще более тяжелые бои с большевиками. В Корнештах генерал Некрасов и полковник Соколов, двое приближенных Щербачева, были убиты... а румынские члены Межсоюзнической комиссии по снабжению были арестованы в Кишиневе и отправлены как пленные в Одессу» (Dusa 1982: 49; Dusa 1994a: 61). В связи с провалом военной акции румынских войск против Советов Бессарабии многие националистические деятели попрятались, а некоторые бежали в Яссы (Сфатул 8; Cazacu 1920: 270).

Об этом же 8 января полковники Геруа и Крейтер докладывали в штаб Щербачева: «В настоящее время вся власть в Кишиневе в руках большевиков. Часть молдавского правительства арестована большевиками, другая скрылась» (Есауленко 1977: 175). И. Прахницкий с горечью констатировал: «Больно, что даже крестьяне выступают против нас... Меня хотели арестовать молдаване. Они говорят, что... Сфатул Цэрий продает свой народ» (НАРМ 32: 168). В этой «невыносимой» ситуации, когда «солдаты были преисполнены решимости убить офицеров, подозреваемых ими в предательстве», единственное решение не допустить полной большевизации молдавских войск Пынтя видел в выводе их из города (Pântea 1991: 73–74).

О фактах борьбы молдаван с интервентами свидетельствуют и донесения агентов тайной полиции. 26 января 1918 г. руководитель кишиневского отделения Н. Дрэгуцеску докладывал вышестоящему начальству о том, что к «группе большевиков, ведущих борьбу против нашей армии», присоединяются «многие бессарабские румыны» (Stratan 2003: 29).

И. Дука писал: «На этот раз нельзя терять время. Инкулец и все правительство ждут ареста... Вижу и Пеливана дрожащим от страха... В этой ситуации... мы решили послать необходимые войска для оккупации Бессарабии и, устранив между Прутом и Днестром всякую большевистскую опасность, осуществить в Кишиневе последнюю формальность торжественного объединения освобожденной Бессарабии с Родиной-матерью» (Dusa 1982: 49; Dusa 1994a: 61–62).

А. Болдур, комментируя развитие событий начала 1918 г., писал: «Ситуация была очень тяжелой. Организация власти проводилась очень медленно, на ощупь и со всевозможными препонами, вследствие того, что, с одной стороны, присутствовала разлагающаяся русская армия, с другой стороны, проявлялась активность большевиков, становившаяся все более угрожающей... Румынское командование решает отправить в молодую республику помощь для восстановления порядка. В день 13 января 1918 г. румынские войска под командованием генерала Броштяну подошли к Кишиневу и заняли его» (Boldur 1992: 504).

В этой связи американский историк Льюис Фишер констатирует, что румынские деятели подписали мир с Германией и начали интервенцию в Бессарабию (Лазарев 1974: 83). 13 января в Кишиневе было введено осадное положение. Начались аресты и расстрелы тех, кого подозревали в оказании сопротивления. Среди расстрелянных были 15 солдат и 2 офицера 1-го Молдавского пехотного запасного полка. Под Окницею были взяты в плен 400 русских солдат, которых расстреляли из пулеметов (Виноградов и др. 1996: 210–211, 218–219). У. Максвелл писал, что, «захватив Бессарабию, которая являлась русской территорией, румынское правительство совершило военный (агрессивный) акт» (Против 1972: 9).

Считается, что «вторжение румынских войск было первой вооруженной иностранной интервенцией на территорию Советской страны» (Дольник 1945: 12; Лазарев 1974: 22–35; Виноградов 1975: 71; Минц 1979: 575). Массированное наступление четырех румынских дивизий на Бессарабию началось 8/21 января (Kirîţescu 1989: 242). «Кампания румынских частей на территории к востоку от Прута, – пишет Г. Кожокару, – длилась около полутора месяцев... Румынская армия с честью выполнила миссию установления порядка на территории между Прутом и Днестром» (Sojocaru 1998: 72). Французский же историк Ш. Бокур отмечает, что «в 1918 г. Румыния оккупирует Бессарабию» (цит. по: Лазарев 1990: 33).

Таким образом, естественное социально-политическое развитие Молдовы было прервано румынской интервенцией, и в истории нашего края начался совершенно иной период.

ЛИТЕРАТУРА

- Argetoianu 1995 - *Argetoianu C.* Memorii. Bucureşti: Editura Machiavelli, 1995. Vol. 5. 336 p.
- Averescu 1935 - *Averescu A.* Notiţe zilnice din război(u) (1916–1918). Bucureşti: Cultura naţională, 1935. 402 p.
- Bărbulescu şi al. 1998 - *Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacoste Ş., Teodor P.* Istoria României. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 1998. 618 p.
- Bogos 1938 - *Bogos D.* Basarabia de la 1812 până la 1938. Chişinău, 1938.
- Bogos 1998 - *Bogos D.* La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917–1918. Chişinău: Ştiinţa, 1998. 224 p.
- Boldur 1935 - *Boldur A.* Arabescuri revoluţionare // Viaţa Basarabiei. 1935. № 3. P. 55–70.
- Boldur 1992 - *Boldur A.* Istoria Basarabiei. Bucureşti: V. Frunză, 1992. 544 p.
- Cazacu 1992 - *Cazacu P.* Moldova dintre Prut şi Nistru. 1812–1918. Chişinău: Ştiinţa, 1992. 446 p.

- Cazacu 1920 - *Cazacu P.* Moldova dintre Prut și Nistru. 1812–1918. Iași: 1920.
- Ciobanu 1993 - *Ciobanu Șt.* Basarabia. Chișinău: Universitas, 1993. 450 p.
- Ciobanu 1929 - *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918. București: Cartea românească, 1929. 314 p.
- Ciobanu 1993 - *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918. Chișinău: Editura Universitas, 1993. 332 p.
- Cojocar 1998 - *Cojocar Gh.* Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău: Civitas, 1998. 176 p.
- Dezbaterile 1920 - Dezbaterile Adunării deputaților. Sesiunea ordinară. 1920–1921. № 27.
- Duca 1982 - *Duca I.G.* Amintiri politice. Vol. 3. München: Jon Dumitru-Verlag, 1982. 322 p.
- Duca 1994a - *Duca I.G.* Memorii. Vol. 3. Războiul (1916–1919). București: Editura Machiavelli, 1994. 304 p.
- Duca 1994b - *Duca I.G.* Memorii. Vol. 4. Războiul (1916–1919). București: Editura Machiavelli, 1994. 328 p.
- Ghibu 1992 - *Ghibu O.* Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917–1918). Amintiri. Chișinău: Editura Universitas, 1992. 635 p.
- Halippa 1991 - *Halippa P., Moraru A.* Testament pentru urmași. Chișinău: Hyperion, 1991. 176 p.
- Haniș 1932 - *Haniș V.V.* Amintiri din anul Unirii în Basarabia // Viața Basarabiei. 1932. № 6. P. 3–9.
- Hitchins 1998 - *Hitchins K.* România. 1866–1947. București: Humanitas, 1998. 660 p.
- Intervenția 1933 - Intervenția română în Basarabia. Culegere de materiale și documente. Vol. 1 (anii 1917–1918). Tiraspol: Editura de stat a Moldovei, 1933. 242 p.
- Iorga 1939 - *Iorga N.* Memorii. Vol. 1. București: Editura «Națională-Ciornei», 1939. 414 p.
- Kirițescu 1989 - *Kirițescu C.I.* Istoria războiului pentru întregirea României. 1916–1919. Vol. 2. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1989. 524 p.
- Meurs 1996 - *Meurs W.P. von.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău: Editura Arc, 1996. 526 p.
- Pântea 1991 - *Pântea Gh.* Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei. Chișinău: 1991.
- Stratan 2003 - *Stratan V., Gorun A.* Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea». Chișinău-Iași, 2003. 164 p.
- Țurcanu 1991 - *Țurcanu I.* Relații agrare din Basarabia în anii 1918–1940. Chișinău: Universitas, 1991. 356 p.
- Țurcanu 1998 - *Țurcanu I.* Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise,

realizări. 1918. Chișinău: Tipografia Centrală, 1998. 260 p.

Unirea 1995 - Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917–1918. Documente. Chișinău: Editura Hyperion, 1995. 348 p.

Viața 1933 - Viața Basarabiei. 1933. № 8.

Афтенюк и др. 1964 - *Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б., Ройтман Н.Д., Шемяков Д.Е.* Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964. 632 с.

Антонюк и др. 1969 - *Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б.* Предательская роль «Сфатул Цэрий». Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1969. 192 с.

Антонюк и др. 1978 - *Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Завтур А.А., Ройтман Н.Д., Шемяков Д.Е.* Победа Советской власти в Молдавии. М.: Наука, 1978. 296 с.

Антонюк и др. 1986 - *Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С.* «Сфатул Цэрий» – антинародный орган. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1986. 118 с.

Бессарабская 1 - Бессарабская жизнь. 1917. 27 окт.

Бессарабская 2 - Бессарабская жизнь. 1917. 24 нояб.

Бессарабская 3 - Бессарабская жизнь. 1917. 25 нояб.

Бессарабская 4 - Бессарабская жизнь. 1917. 28 нояб.

Бессарабская 5 - Бессарабская жизнь. 1917. 29 нояб.

Бессарабская 6 - Бессарабская жизнь. 1917. 3 дек.

Бессарабская 7 - Бессарабская жизнь. 1917. 8 дек.

Бессарабская 8 - Бессарабская жизнь. 1917. 12 дек.

Бессарабская 9 - Бессарабская жизнь. 1917. 1 дек.

Бессарабская 10 - Бессарабская жизнь. 1917. 21 дек.

Большевики 1967 - Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. Документы и материалы. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. 450 с.

Борьба 1957 - Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 – март 1918). Сборник документов и материалов. Кишинев: Госиздат Молдавии, 1957. 366 с.

Виноградов 1975 - *Виноградов В.Н.* Интервенция в Бессарабию в 1918 году – звено в заговоре международного империализма против Советской России // Вопросы истории. 1975. № 3. С. 71–95.

Виноградов и др. 1996 - *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М.: ИНДРИК, 1996. 380 с.

Голос К 1 - Голос Кишинева. 1917. 25 окт.

Голос К 2 – 1917. 8 нояб.

Голос Р - Голос революции. 1917. 29 нояб.

ДВП 1957 - Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 772 с.

Дембо 1924 - *Дембо В.* Никогда не забыть. М.: Красная новь, 1924. 96 с.

Дольник 1945 - *Дольник А.* Бессарабия под властью румынских бояр. (1918–1940). М.: Госполитиздат, 1945. 176 с.

Есауленко 1977 - *Есауленко А.С.* Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма (1917–1918). Кишинев: Штиинца, 1977. 212 с.

За власть 1970 - *За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920).* Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970. 404 с.

Известия 1 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 24 нояб. № 159.

Известия 2 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 26 нояб. № 161.

Известия 3 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 28 нояб. № 162.

Известия 4 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 29 нояб. № 163.

Известия 5 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 1 дек. № 165.

Известия 6 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 дек. № 167.

Известия 7 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5. дек. № 168.

Известия 8 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 8 дек., № 171.

Известия 9 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 10 дек. № 173.

Известия 10 - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 дек. № 174.

Истрати 1973 - *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинев: Штиинца, 1973. 148 с.

Иткис 1970 - *Иткис М.Б.* Крестьянское движение в Молдавии в 1917 году и претворение в жизнь ленинского декрета о земле. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1970. 300 с.

Кувынт 1 - Кувынт Молдовенеск. 1917. 9 апр.

Кувынт 2 - Кувынт Молдовенеск. 1917. 14 мая.

Кувынт 3 - Кувынт Молдовенеск. 1917. 8/21 нояб.

Кувынт 4 - Кувынт Молдовенеск. 1917. 6 дек.

Кувынт 5 - Кувынт Молдовенеск. 1917. 21 дек.

Лазарев 1974 - *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974. 912 с.

Лазарев 1990 - *Лазарев А.М.* Кто и когда начал вооруженную военную

интервенцию против Страны Советов? (Научная полемика с коллегами) // Revista de istorie a Moldovei. 1990. № 1. С. 22–35.

Левит 2000 - *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинев: Центральная типография, 2000. 498 с.

Минц 1979 - *Минц И.И.* История Великого Октября. Т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. М.: Наука, 1979. 904 с.

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 211.

НАРМ 2 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 629.

НАРМ 3 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 793.

НАРМ 4 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 794.

НАРМ 5 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 795.

НАРМ 6 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 797.

НАРМ 7 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 798.

НАРМ 8 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 799.

НАРМ 9 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 805.

НАРМ 10 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 807.

НАРМ 11 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 860.

НАРМ 12 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 861.

НАРМ 13 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 862.

НАРМ 14 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 863.

НАРМ 15 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 864.

НАРМ 16 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 865.

НАРМ 17 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 866.

НАРМ 18 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 867.

НАРМ 19 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 868.

НАРМ 20 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 869.

НАРМ 21 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 870.

НАРМ 22 - Ф. 39. Оп. 1. Д. 2134.

НАРМ 23 - Ф. 361. Оп. 1. Д. 1.

НАРМ 24 - Ф. 677. Оп. 1. Д. 15.

НАРМ 25 - Ф. 677. Оп. 1. Д. 20.

НАРМ 26 - Ф. 677. Оп. 1. Д. 29.

НАРМ 27 - Ф. 727. Оп. 2. Д. 3.

НАРМ 28 - Ф. 727. Оп. 2. Д. 4.

НАРМ 29 - Ф. 727. Оп. 2. Д. 8.

НАРМ 30 - Ф. 727. Оп. 2. Д. 12.

НАРМ 31 - Ф. 727. Оп. 1. Д. 17.

НАРМ 32 - Ф. 727. Оп. 2. Д. 21.

НАРМ 33 - Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Ч. 1.

НАРМ 34 - Ф. 727. Оп. 2. Д. 22.

НАРМ 35 - Ф. 727. Оп. 2. Д. 57.

НАРМ 36 - Ф. 727. Оп. 2. Д. 57 (I).

- НАРМ 37 - Ф. 736. Оп. 1. Д. 6.
НАРМ 38 - Ф. 792. Оп. 1. Д. 18.
НАРМ 39 - Ф. 812. Оп. 1. Д. 13.
НАРМ 40 - Ф. 919. Оп. 2. Д. 2.
НАРМ 41 - Ф. 1417. Оп. 1. Д. 35.
НАРМ 42 - Ф. 1417. Оп. 1. Д. 38.

Против 1972 - Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры молдавского народа. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1972. 226 с.

- Свободная 1 - Свободная Бессарабия. 1917. 21 сент. № 130.
Свободная 2 - Свободная Бессарабия. 1917. 30 сент. № 138.
Свободная 3 - Свободная Бессарабия. 1917. 1 окт. № 139.
Свободная 4 - Свободная Бессарабия. 1917. 19 окт. № 142.
Свободная 5 - Свободная Бессарабия. 1917. 24 окт. № 146.
Свободная 6 - Свободная Бессарабия. 1917. 25 окт. № 147.
Свободная 7 - Свободная Бессарабия. 1917. 31 окт. № 152.
Свободная 8 - Свободная Бессарабия. 1917. 23 нояб. № 171.
Свободная 9 - Свободная Бессарабия. 1917. 30 нояб. № 177.
Свободная 10 - Свободная Бессарабия. 1917. 5 дек. № 181.
Свободная 11 - Свободная Бессарабия. 1917. 6 дек. № 182.
Свободная 12 - Свободная Бессарабия. 1917. 8 дек. № 183.
Свободная 13 - Свободная Бессарабия. 1917. 10 дек. № 185.
Свободная 14 - Свободная Бессарабия. 1917. 12 дек. № 186.
Свободная 15 - Свободная Бессарабия. 1917. 13 дек. № 187.
Свободная 16 - Свободная Бессарабия. 1917. 14 дек. № 188.
Свободная 17 - Свободная Бессарабия. 1917. 15 дек. № 189.
Свободная 19 - Свободная Бессарабия. 1917. 17 дек. № 191.
Свободная 20 - Свободная Бессарабия. 1917. 20 дек. № 193.
Свободная 21 - Свободная Бессарабия. 1917. 22 дек. № 195.
Свободная 22 - Свободная Бессарабия. 1917. 23 дек. № 196.
Свободная 23 - Свободная Бессарабия. 1917. 29 дек. № 199.

Слуцкая 1962 - *Слуцкая К.О.* Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в Молдавии (март 1917 – март 1918). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1962. 300 с.

- Сфатул 1 - Сфатул Цэрий. 1917. 24 нояб.
Сфатул 2 - Сфатул Цэрий. 1917. 24 дек.
Сфатул 3 - Сфатул Цэрий. 1917. 25 дек.
Сфатул 4 - Сфатул Цэрий. 1917. 30 дек.
Сфатул 5 - Сфатул Цэрий. 1918. янв.
Сфатул 6 - Сфатул Цэрий. 1918. 1 нояб.
Сфатул 7 - Сфатул Цэрий. 1918. 11 янв.
Сфатул 8 - Сфатул Цэрий. 1918. 13 янв.
Сфатул 9 - Сфатул Цэрий. 1918. 25 февр. № 44.

REFERENCES

- Argetoianu, C. (1995) *Memorii* [Memories]. Vol. 5. Bucharest: Editura Machiavelli.
- Averescu, A. (1935) *Notițe zilnice din război(u) (1916–1918)* [Daily Notes on the War (1916–1918)]. Bucharest: Cultura națională.
- Bărbulescu, M., Deletant, D., Hitchins, K., Papacostea, Ș. & Teodor, P. (1998) *Istoria României* [History of Romania]. Bucharest: Editura Enciclopedică.
- Bogos, D. (1938) *Basarabia de la 1812 până la 1938* [Basarabia from 1812 to 1938]. Chișinău: Monitorul oficial și imprimeriile statului.
- Bogos, D. (1998) *La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917–1918* [At the crossroads. The Dniester in Moldova in 1917–1918]. Chișinău: Știința.
- Boldur, A. (1935) *Arabescuri revoluționare* [The Revolutionary Arabesque]. *Viața Basarabiei*. 3. pp. 55–70.
- Boldur, A. (1992) *Istoria Basarabiei* [History of Bessarabia]. Bucharest: V. Frunză.
- Cazacu, P. (1992) *Moldova dintre Prut și Nistru. 1812–1918* [Moldova between the Prut and the the Dniestr. 1812–1918]. Chișinău: Știința.
- Cazacu, P. (1920) *Moldova dintre Prut și Nistru. 1812–1918* [Moldova between the Prut and the the Dniestr. 1812–1918]. Iași: Viața Românească.
- Ciobanu, Șt. (1993) *Basarabia* [Bessarabia]. Chișinău: Universitas.
- Ciobanu, Șt. (1929) *Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918* [The Union of Bessarabia. Studies and Documents on the National Movement in Bessarabia in 1917–1918]. Bucharest: Cartea românească.
- Ciobanu, Șt. (1993) *Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918* [The Union of Bessarabia. Studies and Documents on the National Movement in Bessarabia in 1917–1918]. Chișinău: Editura Universitas.
- Cojocar, Gh. (1998) *Sfatul Țării: Itinerar* [Sfatul Țării: Itinerary]. Chișinău: Civitas.
- The Assembly of Deputies. (1920–1921) *Dezbaterile Adunării deputaților. Sesiunea ordinară* [Assembly of Deputies. Regular session. 1920– 1921]. 27.
- Duca, I.G. (1982) *Amintiri politice* [Political memories]. Vol. 3. Munich: Jon Dumitru-Verlag.
- Duca, I.G. (1994a) *Memorii* [Memoirs]. Vol. 3. Bucharest: Editura Machiavelli.
- Duca, I.G. (1994b) *Memorii* [Memoirs]. Vol. 4. Bucharest: Editura Machiavelli.
- Ghibu, O. (1992) *Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917–1918)* *Amintiri* [The Life on the Barricades. The Bessarabian Revolution (1917–1918). Memoirs]. Chișinău: Editura Universitas.
- Halippa, P. & Moraru, A. (1991) *Testament pentru urmași* [Testament to the Offspring]. Chișinău: Hyperion.
- Haniș, V.V. (1932) *Amintiri din anul Unirii în Basarabia* [Memories about the Union of Bessarabia]. *Viața Basarabiei*. 6. pp. 3–9.

Hitchins, K. (1998) *România. 1866–1947* [Romania. 1866–1947]. Bucharest: Humanitas.

Anon. (1933) *Intervenția română în Basarabia. Culegere de materiale și documente* [Romanian intervention in Bessarabia. Collection of materials and documents. Vol. 1 (1917–1918)]. Vol. 1. Tiraspol: Editura de stat a Moldovei.

Iorga, N. (1939) *Memorii* [Memoirs]. Vol. 1. Bucharest: Națională-Ciornei.

Kirițescu, C.I. (1989) *Istoria războiului pentru întregirea României. 1916–1919* [The History of War for Romanian Enlightenment. 1916–1919]. Vol. 2. Bucharest: Editura Științifică și Enciclopedică.

Meurs, W.P. von. (1996) *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă* [The Bessarabian Problem in Communist Historiography]. Chișinău: Editura Arc.

Pântea, Gh. (1991) *Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei* [The Role of Moldovan Military Force in the Union of Bessarabia]. Chișinău: [s.n.].

Stratan, V. & Gorun, A. (2003) *Moș Ion Roată, Siguranța și “Unirea”* [Moș Ion Roată. Safety and “Union”]. Chișinău-Iași: [s.n.].

Țurcanu, I. (1991) *Relații agrare din Basarabia în anii 1918–1940* [Bessarabian Agrarian Relations in 1918–1940]. Chișinău: Universitas.

Țurcanu, I. (1998) *Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918* [The Union of Bessarabia with Romania. Preludes, Premises, Achievements. 1918]. Chișinău: Tipografia Centrală.

Anon. (1995) *Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917–1918. Documente* [The Union of Bessarabia and Northern Bukovina with Romania. 1917–1918. Documents]. Chișinău: Editura Hyperion.

Viața Basarabiei. (1933) 8.

Aftenyuk, S.Ya., Esaulenko, A.S., Itkis, M.B., Roytman, N.D. & Shemyakov, D.E. (1964) *Revolutsionnoe dvizhenie v 1917 godu i ustanovlenie Sovetskoy vlasti v Moldavii* [The Revolutionary Movement in 1917 and the Establishment of Soviet Power in Moldova]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.

Antonyuk, D.I., Aftenyuk, S.Ya., Esaulenko, A.S. & Itkis, M.B. (1969) *Predatel’skaya rol’ “Sfatul Tseriy”* [The Treacherous Role of “Sfatul Țării”]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.

Antonyuk, D.I., Aftenyuk, S.Ya., Esaulenko, A.S., Zavtur, A.A., Roytman, N.D. & Shemyakov, D.E. (1978) *Pobeda Sovetskoy vlasti v Moldavii* [The Victory of Soviet Rule in Moldova]. Moscow: Nauka.

Antonyuk, D.I., Aftenyuk, S.Ya. & Esaulenko, A.S. (1986) *“Sfatul Tseriy” – antinarodnyy organ* [“Sfatul Țării” – an Anti-national Authority]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.

Bessarabskaya zhizn’. (1917a) 27th October.

Bessarabskaya zhizn’. (1917b) 24th November.

Bessarabskaya zhizn’. (1917c) 25th November.

Bessarabskaya zhizn’. (1917d) 28th November.

Bessarabskaya zhizn’. (1917e) 29th November.

- Bessarabskaya zhizn'*. (1917f) 3rd December.
Bessarabskaya zhizn'. (1917g) 8th December.
Bessarabskaya zhizn'. (1917h) 12th December.
Bessarabskaya zhizn'. (1917i) 1st December.
Bessarabskaya zhizn'. (1917j) 21st December.
- Aftenyuk, S.Ya., Voronin, E.P., Danu, E.N., Esaulenko, A.S., Itkis, M.B., Kalinenok, M.A. & Roytman, N.D. (1967) *Bol'sheviki Moldavii i Rumynskogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov* [The Bolsheviks of Moldova and the Romanian Front in the Struggle for Soviet Rule]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.
- Slutskaya, K. (ed.) (1957) *Bor'ba za vlast' Sovetov v Moldavii (mart 1917 – mart 1918)* [The Struggle for Soviet Rule in Moldova (March 1917 – March 1918)]. Chişinău: Gosizdat Moldavii.
- Vinogradov, V.N. (1975) Interventsiya v Bessarabiyu v 1918 godu – zveno v zagovore mezhdunarodnogo imperializma protiv Sovetskoy Rossii [Intervention in Bessarabia in 1918 as a link in the conspiracy of international imperialism against Soviet Russia]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 71–95.
- Vinogradov, V.N., Ereshchenko, M.D., Semenova, L.E. & Pokivaylova, T.A. (1996) *Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy]. Moscow: INDRIK.
- Golos Kishineva*. (1917a) 25th October.
Golos Kishineva. (1917b) 8th November.
Golos revolyutsii. (1917) 29th November.
- Gromyko, A.A. et al. (1957) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR Foreign Policy]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
- Dembo, V. (1924) *Nikогда ne zabyt'* [We will never forget]. Moscow: Krasnaya nov.
- Dolnik, A. (1945) *Bessarabiya pod vlast'yu rumynskikh boyar. (1918–1940)* [Bessarabia Under the Rule of the Romanian Boyars. (1918–1940)]. Moscow: Gos-politizdat.
- Esaulenko, A.S. (1977) *Sotsialisticheskaya revolyutsiya v Moldavii i politicheskiy krakh burzhuaznogo natsionalizma (1917–1918)* [The Socialist Revolution in Moldova and Political Bankruptcy of Bourgeois Nationalism (1917–1918)]. Chişinău: Shtiintsa.
- Bereznyakov, N.V. et al. (eds) (1970) *Za vlast' Sovetskuyu. Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917–1920)* [For the Soviet Power. The Struggle of the Working People of Moldova Against the Interventionists and Internal Counter-revolution (1917–1920)]. Chişinău: Moldavian SSR Academy of Sciences.
- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*. (1917a) 24th November.
- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*. (1917b) 26th November.
- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*. (1917c) 28th November.

- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov.* (1917d) 29th November.
- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov.* (1917e) 1st December.
- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov.* (1917f) 3rd December.
- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov.* (1917g) 5th December.
- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov.* (1917h) 8th December.
- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov.* (1917i) 10th December.
- Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov.* (1917j) 12th December.
- Istrati, E.N. (1973) *Demokraticeskoe dvizhenie za mir na Rumynskom fronte v 1917 godu* [Democratic Movement for Peace in the Romanian Front in 1917]. Chişinău: Shtiintsa.
- Itkis, M.B. (1970) *Krest'yanskoe dvizhenie v Moldavii v 1917 godu i pretvorenie v zhizn' leninskogo dekreta o zemle* [The Peasant Movement in Moldova in 1917 and the Implementation of Lenin's Decree on Land]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.
- Kuvynt Moldovenesk.* (1917) 9th April.
- Kuvynt Moldovenesk.* (1917) 14th May.
- Kuvynt Moldovenesk.* (1917) 8th November.
- Kuvynt Moldovenesk.* (1917) 6th December.
- Kuvynt Moldovenesk.* (1917) 21st December.
- Lazarev, A.M. (1974) *Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost' i bessarabskiy vopros* [Moldovan Soviet Statehood and the Bessarabian Question]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.
- Lazarev, A.M. (1990) *Kto i kogda nachal vooruzhennuyu voennuyu interentsiyu protiv Strany Sovetov? (Nauchnaya polemika s kollegami)* [Who and when began the armed military intervention against the Land of Soviets? (Scientific polemics with colleagues)]. *Revista de istorie a Moldovei*. 1. pp. 22 – 35.
- Levit, I.E. (2000) *Moldavskaya respublika (noyabr' 1917 – noyabr' 1918)* [The Moldavian Republic (November 1917 – November 1918)]. Chişinău: Central Printing House.
- Mints, I.I. (1979) *Istoriya Velikogo Oktyabrya* [The History of the Great October Revolution]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 211.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 629.

- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 793.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 794.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 795.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 797.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 798.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 799.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 805.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 807.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 860.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 861.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 862.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 863.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 864.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 865.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 866.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 867.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 868.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 869.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 870.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 2134.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 361. List 1. File 1.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 677. List 1. File 15.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 677. List 1. File 20.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 677. List 1. File 29.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 3.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 4.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 8.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 12.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 17.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 21.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 21 (1).

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 22.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 57.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 57 (I).

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 736. List 1. File 6.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 792. List 1. File 18.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 812. List 1. File 13.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 919. List 2. File 2.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 1417. List 1. File 35.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 1417. List 1. File 38.

Chibotaru, S.S. (1972) *Protiv burzhuaznykh fal'sifikatorov istorii i kul'tury moldavskogo naroda* [Against the Bourgeois Falsifiers of the History and Culture of the Moldovan people]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Svobodnaya Bessarabiya. (1917a) 21st September.

Svobodnaya Bessarabiya. (1917b) 30th September.

Svobodnaya Bessarabiya. (1917c) 1st October.

Svobodnaya Bessarabiya. (1917) 19th October.

- Svobodnaya Bessarabiya.* (1917d) 24th October.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917e) 25th October.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917f) 31st October.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917g) 23rd November.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917h) 30th November.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917i) 5th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917j) 6th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917k) 8th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917l) 10th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917m) 12th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917n) 13th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917o) 14th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917p) 15th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917q) 17th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917r) 20th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917s) 22th December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917t) 23rd December.
Svobodnaya Bessarabiya. (1917u) 29th December.
Slutskaya, K.O. (1962) *Pobeda Oktyabr'skoy revolyutsii i ustanovlenie Sovetskoj vlasti v Moldavii. (mart 1917 – mart 1918)* [The Victory of the October Revolution and the Establishment of Soviet Power in Moldova (March 1917 – March 1918)]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.
Sfatul Tseriy. (1917a) 24th November.
Sfatul Tseriy. (1917b) 24th December.
Sfatul Tseriy. (1917c) 25th December.
Sfatul Tseriy. (1917d) 30th December.
Sfatul Tseriy. (1918a) January.
Sfatul Tseriy. (1918b) 1st November.
Sfatul Tseriy. (1918c) 11th January.
Sfatul Tseriy. (1918d) 13th January.
Sfatul Tseriy. (1918e) 25th February.

Бенюк Валентин Анастасьевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, ректор Государственного института международных отношений Молдовы (Кишинев, Молдова).

Beniuc Valentin – State Institute of International Relations of Moldova (Moldova).

E-mail: irim@irim.md

Назария Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор Государственного института международных отношений Молдовы (Молдова).

Nazaria Sergiu – State Institute of International Relations of Moldova (Moldova).

E-mail: sergnazar@mail.ru

УДК 94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/4

БЕЖЕНЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В БЕССАРАБИИ (1918–1921 гг.). ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ДНЕСТР

О.А. Гарусова

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
Молдова, 2001, г. Кишинев, пр. Штефана чел Маре, 1
E-mail: garusovaolga@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается малоизученный путь эмиграции из России в Бессарабию в годы гражданской войны. Внимание автора сосредоточено преимущественно на ключевом эпизоде «бессарабского маршрута» – переходе через Днестр, в катаклизмах истории ставший пограничной рекой. На материале архивных документов, художественной и мемуарной литературы, бессарабской прессы представлены обстоятельства, мотивы и способы пересечения границы. Интенсивность и состав потоков беженцев определялись как военными действиями на юге России, так и политикой Королевской Румынии по отношению к русским беженцам. «Естественная» географическая граница превратилась в место трагических событий. Днестр в сознании эмигрантов получил различные смысловые и символические трактовки рубежного пространства. Пространственная категория трансформировалась в категорию исторического времени. Опыт беженцев той трагической эпохи высвечивает многие проблемы, актуальные и в наши дни.

Ключевые слова: гражданская война, эмиграция, бегство в Бессарабию, переход через Днестр.

REFUGEES IN BESSARABIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1921). CROSSING THE DNIESTER

O.A. Garusova

Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova
1 Stefan cel Mare Avenue, Chişinău, 2001, Moldova
E-mail: garusovaolga@mail.ru

Abstract

The author examines a less studied way of the Russian emigration to Bessarabia during the Civil War. The attention is focused on the key moment of the “Bessarabian route” – crossing the Dniester, which has become a frontier river in the course of historical cataclysms. Using documents, fiction, memoirs and materials of Bessarabian periodicals, the author reveals the motives, circumstances and methods of crossing the border. The intensity and composition of the refugee flows was determined by the war actions in the south of Russia as well as by the policy of the Romanian Kingdom towards Russian refugees. Thus, the geographical frontier became a place of tragic events. In the minds of emigrants, the Dniester acquired some semantic and symbolic interpretations as of a frontier space. The category of space transformed into the category of historic time. The experience of refugees of that tragic epoch reveals a lot of problems that are topical even nowadays.

Keywords: Civil War, emigration, Bessarabian refugees, crossing the Dniester.

У каждого из нас был свой незабываемый переход от т т у д а.
Саша Черный

Эмиграция из России вследствие Октябрьской революции и гражданской войны происходила по разным направлениям. В южном направлении наиболее исследованы массовые эвакуации белых армий и гражданского населения на кораблях из Одессы и Крыма в Константинополь и далее. «Южная волна прошла через Украину и Крым и вынесла тысячи беженцев на турецкие и балканские берега» (Бочарова 2011: 50).

Менее изучен путь исхода в / через румынскую Бессарабию, которым прошли десятки тысяч беженцев. Историки эмиграции акцентируют внимание на одном из сюжетов – пешей эвакуации зимой 1920 г. военных добровольческих частей, кадетов и беженцев из Одессы к Днестру (Йованович 2005: 88; Бочарова 2011: 50). Некоторые исследователи анализируют в социально-политическом аспекте численность и национальный состав беженцев, т. е. фактические результаты их перемещения в Бессарабию (Власенко 2014а; Власенко 2014b; Власенко 2014с; Guzun 2013).

Для нас объектом интереса является кульминационный эпизод бессарабского маршрута – пересечение Днестра, ставшего пограничной рекой между бывшей Российской империей и Королевской Румынией. Мы попытались рассмотреть под углом «человеческого измерения» истории, как совершался этот памятный, а для многих роковой переход. Конкретные обстоятельства и детали бегства,

чувства навсегда покидавших родную страну людей раскрывают архивные материалы, художественная и мемуарная литература, бессарабская пресса. На микроуровне через призму воспоминаний беженцев показаны события эпохи революций и гражданской войны.

«Послеоктябрьские» беженцы появились в Кишиневе вскоре после прихода к власти большевиков. Это были представители имущих классов, «буржуи», которых новый политический режим вынуждал спасаться первыми. Местная пресса о «знатных иностранцах с севера» отзывалась настороженно: «...провинциалы, удивленные, встревоженные и испуганные тем потоком злобности, беспричинного раздражения и болезненной желчи, которую совершенно неожиданно притащили вместе с многочисленным багажом северные беженцы, хлынувшие шумным и суетливым потоком в благославленные южные края. Петроградская злость. Да, злости в провинции не было. Может быть, потому, что не было выматывающих нервы "хвостов" и потому, что там не так гулко отдавались издегивающие душу лозунги "товарищеской" говорильни» (Руссев 1917: 3).

С занятием в 1918 г. румынскими войсками Бессарабии граница Румынии стала проходить по Днестру¹. Условия ее перехода определялись как постоянно менявшейся властью на территории Левобережья, так и политикой румынской администрации по отношению к беженцам. В Бендерах был устроен пограничный контрольно-пропускной пункт; пройти его при наличии соответствующих документов не представляло особых трудностей. Основной контингент беженцев составляли уроженцы Бессарабии и имевшие с ними родственные узы. Многие из тех, кто давно покинул родные места, считали отъезд временным, надеясь переждать смутные времена.

Для бессарабцев дорога домой была долгой, тяжелой, но сравнительно безопасной и ассоциировалась с путешествием. Трудности поездки из Петрограда весной 1918 г. будущего известного скульптора Александра Пламадялы были для того времени делом обыкновенным: «Поезда ходили нерегулярно, в пути они останавливались среди леса, и все пассажиры пилили дрова, т. к. не хватало угля для топки паровоза; вагоны были переполнены». Левый, «гетмановский» берег Днестра «окупиrowали немцы, но они, против всяких ожиданий, пропустили поезд в Бессарабию». Когда Пламадяла отправился обратно, ему пришлось написать по требованию румынского пограничного офицера «обязательство никогда не возвращаться в Бессарабию». Но с апреля по май немцы перестали пропускать поезда через границу, и скульптору пришлось, выкупив свою расписку, вернуться в Кишинев (Пламадяла 1965: 17–18).

Композитор К. Романов пересечения границы и вовсе не заметил, запомнил лишь бытовые неудобства: «2 июля, в день моего рождения, прибыли в Одессу и направились дальше в Бессарабию. <...> Прибытие в Кишинев совершилось в вагоне, по моему определению, пятого класса, то есть в товарном, среди крошечной тьмы, потому что для освещения улиц не хватало тока» (Романов 1947: 23–24).

В традиционном «радищевском» жанре описал свой путь в очерках «Из Петрограда в Бессарабию» Леонид Добронравов. Конкретной причиной отъезда известного писателя, издававшего антибольшевистскую газету, послужило объявление «красного террора» летом 1918 г. К бегству понуждали страх за жизнь – свою и близких, витавшие над умирающим городом призраки голода и эпидемий. «Встречаясь со знакомыми, слышал одни и те же вопросы: “Что дальше будет? Куда ехать?”». Злободневная тема бегства в очерках возникает в образах хаотичного броуновского движения сорванных с насиженных мест тысяч людей, «бежавших от ужаса для неизвестности».

Процедура перехода границы изображена Добронравовым подчеркнуто нейтрально, в «телеграфном» стиле. «Внизу блеснул Днестр, над которым повисла длинная, большая, плетеная коробка моста. Мы поднялись по ступеням, вырытым в высоком откосе берега. Небольшой деревянный домик. Позади него за деревянным столом сидят два австрийца. Я предъявил им документ». После бюрократической проволочки разрешалось пройти при согласии румынской стороны. «Направился по мосту под высокими плетеными железными сводами. Собирая полузабытые отрывки молдавского наречия, я с трудом объяснил, в чем дело. “Покажите документы... так... вы бессарабец родом? – Бессарабец. – Метрическое свидетельство есть? – Есть. – Передайте австрийцам, что мы вас пропускаем”. Таможни, пересадки, проверка документов, все самое трудное осталось позади, там, за стальной лентой Днестра» (Добронравов 1920: 2–3).

Для тех, кто не имел легальной возможности попасть в Бессарабию, благополучный финал зависел от стечения обстоятельств, расположения военного начальства, наличия денег. С падением власти Скоропадского из прилегающих к Днестру местностей на правый берег устремились спасавшиеся от петлюровцев помещики, дворяне, промышленники. В дневнике княгини Е.Н. Сайн-Витгенштейн описан переход в ноябре 1918 г. ее семьи из Могилева-Подольского в бессарабское местечко Атаки. На мост украинские солдаты пустили после получения мзды за вещи. «Посредине моста лежит рельс – граница между Украиной и Румынией. Тут нас встретили румынские солдаты. <...> Плохо нам пришлось на мосту: в продолжение трех с лишним часов нас не пускали пройти. То говорили, что можно, то гнали снова

назад. <...> Под нашими ногами, на большой глубине, величественно и мощно бурлил между быками холодный зеленый Днестр». Пытаясь установить контакт с румынскими солдатами, сестра княгини обратилась к ним на итальянском языке. Комендант, запрещавший проход, «подскочил как на рессорах и заболтал по-итальянски: рассказал, что учился в Италии, любит ее, расспрашивал нас. Под его болтовню мы перешли через мост». Затем пропустили и других беженцев, в основном жен офицеров, оставшихся защищать город. После того как большевики заняли Могилев, граница закрылась; беженцы пытались примкнуть к военнопленным, отправлявшимся на лодке раз в сутки на бессарабский берег. Солдаты не всегда выпускали пассажиров на берег, стреляли по лодкам, избивали переправившихся (Сайн-Витгенштейн 1986: 245–246).

Потоки беженцев в Бессарабию были различными по интенсивности и социальному составу. Их всплески обуславливались ходом военных действий и политическими событиями на юге России. «Массу беженцев» из-за Днестра весной 1919 г. вызвали провал французской интервенции и уход из Одессы армии генерала А.И. Деникина.

Из-за ужесточения в 1919 г. пограничного контроля на румынскую территорию можно было попасть лишь по особым пропускам. Официальные румынские власти то давали разрешения, то неожиданно их отменяли. Так, поначалу правительство позволило отряду отступивших из Одессы добровольцев перейти границу у Рыбницы. К моменту перехода это решение было отменено без объяснения причин. Пришлось вернуться в Тирасполь, куда «стекалось с разных сторон множество украинских частей, теснимых большевиками». Один из добровольцев так описал картину наступления Красной армии: «Огонь орудийный буйно кромсал вокзал и окраины города. Зарево пожара разливалось все шире и шире с каким-то злым гудением... Толпы людей, испуганные лошади, сорвавшиеся с коновязей, – все это мчалось беспорядочно и скомкано к берегу Днестра – увы! – без надежды перебраться на бессарабскую сторону. <...> никто не останавливался: вся 24-тысячная масса бежала к берегу». Румыны категорически отказали в переходе границы, отправив переговорщиков назад «с большими угрозами» и перекрыв Бендерский мост патрулями. Когда генерал Зелинский привез от короля Фердинанда разрешение на пропуск через Бессарабию к Петлюре, «все ринулись к мосту, патрули растерянно потеснились назад. <...> Несколько солдат с бомбами и винтовками остановились у входа на мост, регулируя движение, стали пропускать текущие лавины. Одновременно по путям медленно тянулись паровозы, таща за собой бедные остатки эшелонов. <...> по бокам путей шли, не торопясь, люди». Мост взорвали французские

саперы, когда по нему еще шел поезд; несколько вагонов с ранеными упали в воду, и «жалобные крики их глухо замерли под гудами железа, обрушившегося в бурный Днестр» (Коноплин 1922: 93–97). Вместе с военными на правый берег прошли и гражданские лица.

После взрыва Бендерского моста железнодорожное сообщение было прервано, по всей приднестровской линии установили пограничные посты, на несколько месяцев прекратила работу комиссия по пропуску бессарабцев. Граница закрылась не только для военных частей, но и для гражданского населения. Румынские власти решительно выступали против приема беженцев из России, аргументируя «высшей необходимостью безопасности страны». Страх распространения большевизма и «русской анархии» усилился после Хотинского и Бендерского восстаний.

Новый поток беженцев пришелся на зиму 1920 г. в результате поражения Добровольческой армии. «Политические события на левой стороне Днестра заставляют думать о тех тысячах людей, которые, лишенные крова, спасаясь от смерти, будут искать себе спасения, – писала газета «Бессарабия». <...> Понятно, что все те, кто имеет хоть какое-то отношение к Бессарабии, постараются проникнуть к нам, в поисках спасения и порядка» (Бессарабия 1920: 2). По информации прессы, обращение деникинского командования и союзников к правительству Румынии с просьбой перейти на румынскую территорию встретило «весьма серьезные затруднения. Войска <...> идут из местностей, пораженных чумой и насыщенных большевистской пропагандой. Разрешение массового входа может нарушить внутренний порядок и безопасность». Учитывая мнение союзных государств, предполагалось принять беженцев, но «ни в каком случае большого числа». «Остальные должны быть эвакуированы союзным флотом через Черное море в Грецию и другие места» (Телеграммы 1920: 2). Согласно предписанию правительства, беженцам и военным частям был запрещен вход на румынскую территорию (НАРМ 1: 347).

Накануне оставления Одессы англичане, которые вели переговоры с правительством Румынии, гарантировали проход через румынскую территорию в Польшу группы войск генерала Н.Э. Бредова. Подойдя к Днестру, отряд военных с «массой женщин, детей и различного гражданского люда» узнал, что в переходе границы им отказали. Тех, которые пытались перейти, пограничная стража останавливала выстрелами. После безрезультатных переговоров и оставшихся без ответа телеграмм правительству было решено идти вдоль Днестра в Польшу (Штейнман 1921).

Жесткая позиция румынской администрации и военного командования по отношению к деникинским добровольческим форми-

рованиям и беженцам, искавшим спасения в Румынии, привела к трагическим последствиям. Один из самых драматичных сюжетов пути в Бессарабию – «овидиопольский поход» в январе–феврале 1920 г. – детально изложен в эмигрантской мемуаристике. Не успевшие присоединиться к колонне Бредова военные, не попавшие на корабли в Константинополь кадеты и гражданские беженцы с боями шли к Овидиополю в надежде через замерзший лиман перейти в Бессарабию. Румыны встречали подошедших к Днестру орудийными выстрелами, предупреждая об отказе пропустить через границу. Через установленный на льду пропускной пункт были допущены только уроженцы Бессарабии и иностранные подданные. После долгих переговоров комендант Аккермана распорядился пропустить кадетов, которых разместили в гимназии, а на следующее утро приказал немедленно вернуться в Овидиополь, не позволив дожидаться ответа на посланную королеве Марии телеграмму с просьбой пропустить в Румынию. Ответ запоздал. Личное заступничество королевы спасло лишь незначительную часть кадетов, уцелевших во время переходов с одного берега на другой (Кадеты 2003: 64–66).

Еще более тяжкая участь постигла отряд генерала Васильева, отступившего к селу Раскаецы. «С большими усилиями генералу удалось уговорить коменданта, чтобы людям была дана возможность отогреться и переночевать в селе, так как они едва держались на ногах от усталости и между ними была масса больных». Под угрозой сжечь деревню крестьянам запрещали помогать беженцам. Утром было приказано немедленно возвратиться на правый берег. По толпе уходивших, где были женщины и дети, еще в селе, а затем и на переправе румыны открыли пулеметный огонь. Оставшихся в селе больных и раненых солдаты выгоняли, отнимая «все, что было при них, снимая даже верхнюю одежду и отбирая силой кошельки с деньгами, часы, кольца и прочее». Тысячи людей оказались в днестровских плавнях, «не зная, что делать и на что решиться. Голодные и усталые, при морозе в 12 градусов они были в безвыходном положении. Многие не выдерживали и лишали себя жизни». От перешедших на левый берег добровольцев вооруженные винтовками, топорами и кольями крестьяне требовали сдаться большевикам. «Они держали себя дерзко и под видом обыска начали грабить и снимать с присутствующих верхнюю одежду, угрожая в случае сопротивления применить оружие». После того как из Бухареста пришло распоряжение не отправлять раненых и больных обратно, отдельные группы беженцев были допущены на румынскую территорию. «Многие, главным образом воинские чины, перешли потом в разных местах группами и в одиночку Днестр и попали в Румынию.

Многие из них были вновь возвращены румынами на русский берег, а часть осталась в Румынии и была отправлена впоследствии в г. Тулча» (Рапорт 1998: 58–65).

При всех ужасах того времени действия недавних союзников-румын по отношению к русским беженцам воспринимались как «нравственно бесчеловечное, зверски-жестокое и совершенно непонятное злодеяние». «Овидиопольский поход» его участники сравнивали с крестным путем на Голгофу. Тысячи людей были ранены, убиты, замерзли в плавнях во время многочасовых ожиданий перехода на льду в студеную зиму, под пулеметным огнем румынских военных, в боях с красными... Трагедии на Днестре удалось бы избежать при соблюдении международных гуманитарных обязательств и договоренностей со странами Антанты.

Политика Румынии по отношению к беженцам в большой степени определялась «бессарабской проблемой». Пока союзные державы решали вопрос о будущих границах королевства, пока шел дипломатический торг вокруг Бессарабии, румынское правительство отказывалось принимать беженцев. Категорическая позиция несколько изменилась после признания «суверенитета Румынии над территорией Бессарабии» и подписания с правительствами Англии, Франции и Италии Парижского протокола от 28 октября 1920 г. Свою роль сыграло и давление стран Антанты по вопросу приема и размещения беженцев.

По утверждению прессы, «власти не относятся с прежней суровостью к тем, кто самовольно перешел границу», т.е. наказание в виде длительного тюремного заключения уже не практиковалось (В мертвом 1920: 2). Находившимся в стране русским и еврейским беженцам с Украины было разрешено проживать в Румынии на основании выдаваемых бригадами сигуранцы особых удостоверений личности (*bilet de libere retrectre*). Были определены категории бессарабцев-репатриантов, для пропуска которых учреждались специальные комиссии². В то же время местной военной администрацией издавались директивы, предупреждавшие, что не входившие в означенные категории «не будут приняты ни под каким мотивом, каково бы ни было положение за Днестром» (Извещение 1920: 4).

Несмотря на гибельный риск, приток беженцев не прекратился, а с разгромом белого движения лишь усилился. Единственным способом попасть в Бессарабию было нелегальное пересечение границы. К весне 1921 г. заметно возросла волна беженцев, «спасающихся из России и в значительном количестве переходящих контрабандным путем р. Днестр, минуя румынскую стражу. Большой процент этих беженцев составляет еврейское население Волыни и Подолии, отчасти даже

Киевской губернии, которое неудержимо стремится теперь покинуть Россию и толпами переходит в Бессарабию» (ГАРФ: 15). С 1920 по 1922 г. румынское пограничное начальство сообщало о ежедневных задержаниях в прибрежных районах десятков «женщин, мужчин, детей, не имевших никаких связей с Бессарабией». Шли из Москвы, Петрограда, Риги, Орла, Полтавы, Николаева, из центральных российских губерний. Много бежало из Одессы, в основном представителей интеллигенции, «переселявшихся» из одного города в другой, пока не добиралась до Южной Пальмиры.

Уход в Бессарабию стал для многих условием выживания. Тысячи людей, предпринявших опасное предприятие перехода границы, несколько десятков метров, разделявших два берега, воспринимали как «нить, которая может привести в Румынию <...> освободить от голода, холода, издевательств» (НАРМ 2: 127). В одиночку и группами военные и гражданские лица из различных социальных слоев, преодолевая немыслимые трудности и лишения, пытались перебраться через Днестр на бессарабский берег – зимой по льду, летом на лодках, в некоторых местах и вброд, по пояс в воде. Хорошие пловцы просто переплывали реку, как, например, беллетрист Василий Федоров. В автобиографическом романе «Человек задумался» он описал один из возможных вариантов: герой вместе со случайным спутником, бывшим профессором физики Харьковского университета, пересекли Днестр на бревне (Федоров 2011: 164). Чаще всего прибегали к помощи контрабандистов. Переправа беженцев через Днестр превратилась в обширный контрабандный промысел, рискованный, но суливший большие деньги. «Хароны» того времени хорошо на своем «бизнесе» зарабатывали. Существовали целые организации по перевозке беженцев из России.

В фонде сигуранцы НАРМ отложились сотни дел беженцев-незаконных, в которых запотоколированы места ночных переправ, их стоимость, порой подробные описания обстоятельств бегства. Среди мест перехода чаще назывались Вертюжены, Непадово, Хотин, Вад-Рашков, Варница, Криуляны, Сахарна, Липканы, а наиболее распространенным были Дубоссары. Цена услуг контрабандистов росла с увеличением числа беженцев.

Иногда за «проезд» не брали денег, как это произошло с известным петербургским журналистом Петром Пильским, на чьи услуги в будущем рассчитывал перевозчик. Отданный за антибольшевистскую статью под суд революционного трибунала, Пильский сменил немало южных городов, пока не оказался в Одессе. После прихода большевиков три месяца скрывался. Случайно узнал адрес контрабандистов в Дубоссарах, с помощью которых и бежал в августе

1920 г. Из показаний Пильского кишиневской полиции: «24 августа в 2 часа дня уехал из Дубоссар. Недалеко от городка ожидала тележка. Куда везли, не знал. Села объезжали. В 8 часов вечера остановились у острова, до 11 часов перешли на румынский берег. В саду я оставался до 1 часу ночи и потом в 3 часа ночи пришел в Кишинев. С меня не взяли денег. Перевозил Судит – контрабандист, впоследствии также перебравшийся в Бессарабию» (НАРМ 3: 24).

Из Одессы, последнего «города беженцев» на территории России, в Бессарабию бежали целыми семьями. В личном деле бывшего чиновника Н.С. Лебединского подробнейшим образом говорится о перипетиях бегства вместе с его петербургскими знакомыми (балетные танцовщики Е. Смирнова, Б. Романов, Н. Обухов, поэт П. Потемкин, оперные певцы В. Каравья, Е. Лучезарская, одесский антрепренер С. Бискер – всего, с членами семей, 17 человек). Чтобы скрыть настоящую цель предприятия, было решено организовать труппу под предлогом гастрольной поездки с концертами.

Доставить беглецов на правый берег пообещал в течение трех дней «некто Ясский». 18 ноября, взяв самые необходимые вещи, «театральная труппа» отправилась на подводах в тираспольском направлении. Хотя маршрут и сценарий переправы были отлажены повседневной практикой, беспрестанно случались сбои. Пришлось переезжать из одного предполагаемого места сбора в другое – из Тирасполя в Григориополь, затем в Дубоссары... Несколько ночей подряд безуспешно ждали у Днестра лодку. «Каждый такой поход на берег сопровождался пропажей чьего-нибудь чемодана». Однажды, вернувшись в очередной раз «с разбитыми надеждами» в село, «гастролеры» узнали о том, что в Одессе ходят слухи об их бегстве. Избежать ареста удалось по счастливой случайности: председателем Особого отдела, где пришлось зарегистрироваться, чтобы отвлечь подозрения, оказался актер, служивший когда-то у Бискера в еврейской труппе. С каждым днем ожидания возрастала такса. За дорогу, а затем за переезд на правый берег запросили с каждого пассажира двойную цену. Требуемую сумму не все имели. Недостающую часть возместили деньгами и золотыми вещами Романов, Смирнова и Лучезарская. Ко всем бедам прибавилась и необычно рано установившаяся зимняя погода. Газеты писали, что такого холодного октября не было последние 30 лет.

После двухнедельного ожидания беглецы были переправлены у села Гармацкое по очереди на челноке, в сопровождении шести человек, вооруженных винтовками. Руководил ими некто Яшка, по словам Лебединского, глава организации, переправлявшей подпольщиков (НАРМ 2: 126).

Впоследствии, уже будучи в Кишиневе, Петр Потемкин написал стихотворение «Переход», насыщенное мифологическими образами, в котором Днестр сравнивался с Рубиконом. Поэт выразил чувства, пережитые многими: «Шуршит ледок, / А сердце бьется... А вдруг челнок перевернется / И страшно тем, что нету страха – / Все ужасом в душе сожгло. / Пусть вместо лодки будет плаха. На ней топор, а не весло – / Ах, только бы перегребло!» В «Переходе» переправа на бессарабский берег осмысливается в бытийных категориях «жизнь – смерть», река интерпретируется как пространство экзистенциальное, равно сулившее гибель или спасение (Потемкин 1928: 62–65).

Не всем беглецам после долгих скитаний по приднестровским селам удавалось успешно и без потерь перейти днестровский Рубикон. Нередко в последние минуты их грабили сообщники перевозчиков. Ради обогащения контрабандисты использовали всевозможные махинации. В одной из парижских газет была опубликована история, приключившаяся с бывшими редактором «Русского слова» Ф. Благовым и сотрудником «Киевской мысли» М.С. Мильрудом. «Контрабандисты усадили их семьи в лодку, получили деньги и пожелали счастливого пути. Но лодка оказалась с фальшивым дном. В дне была прорезана “форточка”, которая на середине реки вдруг выпала, и лодка со всеми чемоданами пошла ко дну». Никто не умел плавать, кроме супруги Мильруда – «первоклассного пловца», которая и помогла всем добраться до берега. Этот фокус проделывался ради чемоданов, которые контрабандисты затем доставали со дна реки (Флейшман 1997: 73).

По счастливой случайности спаслась петербургская оперная певица Мария Тобук-Черкасс, попавшая в Каменке «в лапы одного индивидуума, который уже немало отправил людей не на румынский берег Днестра, а просто в Днестр, заполучив деньги за перевоз авансом – их правило, которое оспаривать не приходится ввиду таинственности всей авантюры» (Кривецкая 1920: 3).

В личных делах нелегально перешедших Днестр на вопрос о мотивах бегства чаще всего находим простой ответ – «бежал от большевиков». Это не всегда означало осознанный политический выбор. Люди покидали свои дома из-за войны, хаоса, страха за свою жизнь, из-за террора, разгула бандитизма, голода. В «бег» вовлекались и спонтанно, следуя «року событий». Историк А. Болдырь, один из немногих назвавший национальный мотив своего возвращения в Бессарабию, отмечал: «Бегут из России и от преследований, и от тяжелого материального положения. Существуют среди беженцев и такие, кто не дает себе ясного отчета, почему именно. Какое-то смутное чувство недовольства снимает их с насиженных мест» (Болдырь

1924). Точное число беженцев из-за Днестра установить невозможно из-за трудности при регистрации их непрерывного притока. На основании разного рода источников можно предположить, что границу пересекли не менее 100 тысяч человек.

В воспоминаниях беженцев переход через границу описан как преодоление рубежа, переход из одного мира в другой. Днестр превратился в место исторической драмы с характерными для того времени обозначениями-эпитетами – «бесстрастный», «холодный», «стальная нить», «река смерти»... Никто не знал, что их ждет на правом «спасительном» берегу. Надеялись укрыться в благополучной и сытой, как казалось, Бессарабии, задаваясь теми же вопросами, что звучали в финальных строках потемкинского «Перехода»: «Когда вернусь? И все вернется»? Мало кто предполагал, что жизнь переменялась кардинально и судьба превратит их в эмигрантов.

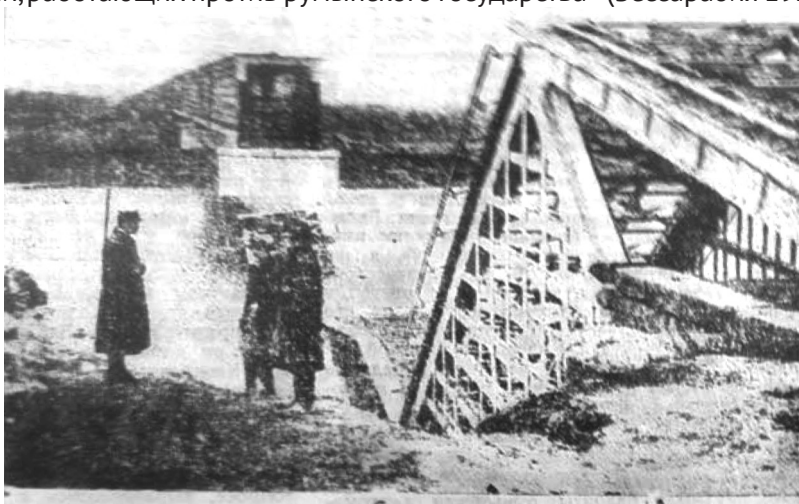
Для большинства беженцев Кишинев стал транзитной станцией на пути в Европу и Америку. Для осевших в Бессарабии – конечным пунктом маршрута. История бегства отпечаталась в эмигрантских биографиях, разделив время на прошлое и настоящее, актуализировав само понятие «переход границы» как место, значимое для понимания исторического процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Власть на территории Левобережья во время гражданской войны до окончательной победы большевиков в 1920 г. постоянно менялась. Поскольку советское правительство считало Бессарабию оккупированной областью, Днестр не был признан в качестве границы между двумя государствами; в официальных документах неизменно подчеркивалось, что река является демаркационной линией между СССР и Румынией. Не утвержденная де-юре, де-факто это была граница.

2. Согласно распоряжению военного министра, бессарабцы имели право возвратиться на родину, если они принадлежали к следующим категориям: 1. «Те, которые родились в Бессарабии или жили в ней и оставили родину, будучи мобилизованными. 2. Те, из подходящих к первому пункту, которые уехали из Бессарабии в последний год перед войной или в продолжение ее для продолжения образования или службы в других провинциях. 3. Те, которые не родились в Бессарабии, но фактически жили в ней много раньше присоединения Бессарабии к Румынии и уехали из Бессарабии, как указано в пунктах 1 и 2, и только в том случае, если имеют в Бессарабии жену, родителей или детей, или же личное имущество. Воспрещается возвращение во всех случаях бессарабцев: 1. Если они оставили Бессарабию после при-

соединения ее к Румынии для участия в русской армии. 2. Если они известны органам генеральной сигуранцы как участники организаций, работающих против румынского государства» (Бессарабия 1921).

Бендерский мост. Фото из журнала «Красная Бессарабия». 1933. № 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессарабия 1920 - Бессарабия и беженцы // Бессарабия. 1920. 18 янв. № 12.
 Бессарабия 1921 - Бессарабия. 1921. 19 (6) июля. № 151.
 Болдырь 1924 - *Болдырь А.В.* Через Днестр из России // Наша речь. 1924. 20 дек. № 293.
 Бочарова 2011 - *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории: Учеб. пособие. М.: АИРО-XXI, 2011.
 В мертвом 1920 - В мертвом доме // Бессарабия. 1920. 18 сент. № 207.
 Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5680. Оп. 1. Д. 65. С.А. Поклевский-Козелл – М.И. Гирсу 25 марта (7 апреля) 1921 г.
 Власенко 2014а - *Власенко В.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. 2014. 1 (35). С. 105–120.
 Власенко 2014б - *Власенко В.* Вторая волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии (зима-весна 1920 г.) // Русин. 2014. № 2 (36). С. 270–284.
 Власенко 2014с - *Власенко В.* Третья волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии // Русин. 2014. № 4 (38). С. 99-114.
 Добронравов 1920 - *Добронравов Л.* Из Петрограда в Бессарабию // Бес-

сарабия. 1920. 27 апр. № 96; 30 мая. № 127.

Извещение 1920 - Извещение // Бессарабия. 1920. 21 нояб. № 209.

Йованович 2005 - *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Русский путь, 2005.

Кадеты 2003 - Кадеты и юнкера в белой борьбе и на чужбине. М.: Центрполиграф, 2003.

Коноплин 1922 - *Коноплин И.* Безкрестныя могилы. Очерки из недавнего. Берлин: Труд, 1922.

Кривецкая 1920 - *Кривецкая М.П.* Правда о России // Бессарабия. 1920. 3 (16) окт. № 228.

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (далее НАРМ). Ф. 680. Оп. 1. Д. 3195.

НАРМ 2- НАРМ Ф. 680. Оп. 1. Д. 7. Протокол допроса Лебединского. Л. 126–130.

НАРМ 3 - НАРМ Ф. 680. Оп. 1. Д. 3184. Дело о высылке Пильского П. 1920–1927.

Руссев 1917 - *Руссев Е.* Гости с севера // Бессарабская жизнь. 1917. 4 нояб. № 251.

Пламадяла 1965 - *Пламадяла О.* Александр Пламадяла. Жизнь и творчество. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1965.

Потемкин 1928 - *Потемкин П.П.* Избранные страницы. Париж, 1928. С. 62–65.

Рапорт - Рапорт начальнику русского гарнизона г. Варны от полковника Николаенко об отступлении группы добровольческих войск из Одессы в январе 1920 г. 29 мая 1920 г. // Русская военная эмиграция 1920–1940. Т. 1. Книга первая. Исход. М.: Гея, 1998.

Романов 1947 - *Романов К.* Мое жизнеописание (рукопись). 1947 // НАРМ. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 44.

Сайн-Витгенштейн 1986 - *Сайн-Витгенштейн Е.Н.* Дневник. 1914–1918. УМСА-PRESS, 1986.

Телеграммы 1920 - Телеграммы // Бессарабия. 1920. 23 янв. № 15.

Федоров 2011 - *Федоров В.* Человек задумался (Главы из романа). Ч. I // В поисках минувшего. Из жизни Русского зарубежья: очерки, беседы, документы / Авт.-сост. В.П. Нечаев. М.: Книжница; Русский путь. 2011. С. 150–184.

Флейшман 1997 - *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930 годов. Кн. I. На грани эпох. Stanford, 1997.

Штейнман 1921 - *Штейнман Ф.* Отступление от Одессы (январь 1920 г.) // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2.

Guzun 2013 - *Guzun V.* Indezirabilii: aspecte mediatice, umanitare și de securitate privind emigrațueu din Uniunea Sovietica in România interbelica. Cluj-Napoca: Argonaut, 2013.

REFERENCES

- Bessarabiya.* (1920) Bessarabiya i bezhentsy [Bessarabia and refugees]. 18th January.
- Bessarabiya.* (1921) Bessarabiya [Berssarabia]. 19th (6th) July.
- Boldyr, A.V. (1924) Cherez Dnestr iz Rossii [Crossing the Dniester from Russia]. *Nasha rech'*. 20th December.
- Bocharova, Z.S. (2011) *Rossiyskoe zarubezh'e 1920–1930-kh gg. kak fenomen otechestvennoy istorii* [The Russian Abroad 1920 – 1930s as a Phenomenon of National History]. Moscow: AIRO-XXI.
- Bessarabiya.* (1920) V mertvom dome [In a dead house]. 18th September.
- Poklevskiy-Kozell, S.A. (1921) *S.A. Poklevskiy-Kozell – M.I. Girsu 25 marta (7 aprelya) 1921 g.* [S.A. Poklevsky-Kozell to M.I. Girsu on March 25 (April 7), 1921]. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5680. List 1. File 65.
- Vlasenko, V. (2014a) Formirovanie ukrainskoy politicheskoy emigratsii v Rumynii v mezhoennoy period (pervaya volna) [The formation of the Ukrainian political emigration in Romania in the interwar period (the first wave)]. *Rusin.* 1 (35). pp. 105–120. DOI: 10.17223/18572685/35/9
- Vlasenko, V. (2014b) Vtoraya volna mezhoennoy ukrainskoy politicheskoy emigratsii v Rumynii (zima-vesna 1920 g.) [The second wave of the inter-war Ukrainian political emigration in Romania (winter-spring 1920)]. *Rusin.* 2 (36). pp. 270–284. DOI: 10.17223/18572685/36/17
- Vlasenko, V. (2014c) Tret'ya volna mezhoennoy ukrainskoy politicheskoy emigratsii v Rumynii [The third wave of the interwar Ukrainian political emigration in Romania]. *Rusin.* 4 (38). pp. 99–114. DOI: 10.17223/18572685/38/7
- Dobronravov, L. (1920) Iz Petrograda v Bessarabiyu [From Petrograd to Bessarabia]. *Bessarabiya.* 27th April.
- Bessarabiya.* (1920) *Izveshchenie* [Notification]. 21st November.
- Jovanovic, M. (2005) *Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940* [Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940]. Moscow: Russkiy put'.
- Volkov, S.V. (ed.) (2003) *Kadety i yunkera v beloy bor'be i na chuzhbine* [Cadets in the White Struggle and Abroad]. Moscow: Tsentropoligraf.
- Konoplin, I. (1922) *Bezkrlestnyya mogily. Ocherki iz nedavnego* [Graves Without Crosses. Essays from the Recent Past]. Berlin: Trud.
- Krivetskaya, M.P. (1920) Pravda o Rossii [The truth about Russia]. *Bessarabiya.* 3rd (16th) October.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 680. List 1. File 3195.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 680. List 1. File 7.
- The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 680. List 1. File 14473.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 680. List 1. File 3184

Russev, E. (1917) *Gosti s severa* [Visitors from the North]. *Bessarabskaya zhizn'*. 4th November.

Plamădeală, O. (1965) *Aleksandr Plamadyala. Zhizn' i tvorchestvo* [Alexander Plamădeală. Life and Art]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Potemkin, P.P. (1928) *Izbrannye stranitsy* [Selected Pages]. Paris: [s.n.], pp. 62–65.

Nikolayenko (1998) Raport nachal'niku russkogo garnizona g. Varny ot polkovnika Nikolaenko ob odstupenii gruppy dobrovol'cheskikh voysk iz Odessy v yanvare 1920 g. 29 maya 1920 g. [Report to the Chief of the Russian Garrison of Varna from Colonel Nikolayenko on the retreat of a group of volunteer troops from Odessa in January 1920. May 29, 1920]. In: Zolotarev, V.A. (ed.) *Russkaya voennaya emigratsiya 1920–1940* [Russian Military Emigration in 1920–1940]. Vol. 1. Moscow: Geya.

Romanov, K. (1947) *Moe zhizneopisanie (rukopis') 1947* [My life story (manuscript). 1947]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 2983. List 1. File 44.

Sain-Wittgenstein, E.N. (1986) *Dnevnik. 1914–1918* [Diary. 1914–1918]. YMCA-PRESS.

Bessarabiya. (1920) Telegrammy [Telegrams]. 23rd January.

Fedorov, V. (2011) *Chelovek zadumalsya (Glavy iz romana)* [The man is thinking (Chapters from the novel)]. In: Nechaev, V.P. (ed.) *V poiskakh minuvshogo. Iz zhizni Russkogo zarubezh'ya: ocherki, besedy, dokumenty* [In Search of the Past. From the Life of Russians Abroad: Essays, Talks, Documents]. Moscow: Knizhnitsa; Russkiy put'. pp. 150–184.

Fleyshman, L., Abyzov, Yu. & Ravdin, B. (1997) *Russkaya pechat' v Rige: iz istorii gazety "Segodnya" 1930 godov* [The Russian press in Riga: From the history of the newspaper "Segodnya" in the 1930s]. Book I. Stanford: Dept. of Slavic Languages and Literatures.

Steinman, F. (1921) *Otstuplenie ot Odessy (yanvar' 1920 g.)* [Retreat from Odessa (January 1920)]. In: *Nabokov, V.D. et al. Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]. Vol. 2. Berlin: Slovo.

Guzun, V. (2013) *Indezirabilii: aspecte mediatice, umanitare și de securitate privind emigrațueu din Uniunea Sovietica in România interbelica* [Undesirables: Media, Humanitarian and Security Issues on Emigration from the Soviet Union to Interwar Romania]. Cluj-Napoca: Argonaut.

Гарусова Ольга Андреевна – научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы (Молдова).

Garusova Olga - Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova (Moldova).

E-mail: garusovaolga@mail.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/5

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. – НАЧАЛО РУССКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА*

В.П. Зиновьев

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

Рассматривается Русская революция 1917 г. как часть глобального процесса модернизации. Россия прошла те же этапы становления индустриального общества, что и другие развитые страны мира. Особенностью перехода ее от аграрной к индустриальной стадии развития является захват политической власти на этапе промышленного переворота не буржуазией, как в других странах мира до этого, а рабочим классом во главе с политической партией большевиков – РСДРП(б). Лидер этой партии В.И. Ленин предложил вместо частнокапиталистической англо-саксонской модели индустриализма, универсальной ранее, модель государственно-капиталистическую, основанную на государственной и кооперативной собственности и государственном регулировании экономики (НЭП). Этот проект не был осуществлен в СССР в связи с давлением внутренних и внешних факторов и был заменен на мобилизационную административно-командную модель управления, которой соответствовал тоталитарный политический режим. Попытка председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина перейти на рыночные методы управления в 1960-е гг. была свернута партийными догматиками. Продолжение этих реформ М.С. Горбачевым в 1980-х гг. (перестройка) было запоздалым и некомпетентным, оно привело к потере коммунистами власти и либеральным преобразованиям, которые проводились также некомпетентными и недобросовестными людьми. С приходом к власти В.В. Путина происходит частичное возвращение к государственному регулированию экономики.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., В.И. Ленин, модернизация, государственное регулирование, В.В. Путин, русский индустриальный проект.

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

THE REVOLUTION OF 1917 – THE BEGINNING OF THE RUSSIAN INDUSTRIAL PROJECT*

V.P. Zinoviev

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

The paper dwells on the Russian Revolution of 1917 as part of a global modernisation process. Russia has gone through the same stages of an industrial society formation as other developed countries of the world. The specificity of its transition from the agrarian to the industrial stage of development is the seizure of political power at the stage of industrial revolution not by the bourgeoisie, as in other countries of the world, but by the working class led by the Bolshevik political party – RSDLP(b). Its leader V.I. Lenin proposed suggested that the universal Anglo-Saxon model of industrialism and private capital should be substituted for a state-capitalist model based on state and cooperative property and state regulation of the economy (NEP). This project was not implemented in the USSR due to the pressure of internal and external factors and was substituted by a mobilisation administrative-command management model, which corresponded to the totalitarian political regime. A.N. Kosygin (the Chairman of the Council of Ministers of the USSR) attempted to launch a transition to market management methods in the 1960s, but this attempt was curtailed by party dogmatists. M.S. Gorbachev continued the reforms in the 1980s (Perestroika), but due to lack of competence his belated measures led to the loss of power by the Communists and liberal reforms that were also incompetent and dishonest. With V.V. Putin's presidency, Russia has partly returned to the state regulation of the economy.

Keywords: Russian revolution of 1917, V.I. Lenin, modernisation, state regulation, V.V. Putin, Russian industrial project.

По случаю юбилея революции 1917 г. в России, которая, наряду с Английской и Великой французской, считается одной из величайших социальных революций в мировой истории, проводятся и готовятся научные и общественные мероприятия, оживился интерес СМИ к событиям столетней давности. Президент В.В. Путин 19 декабря 2016 г.

*The results were obtained within the Government Contract of the Ministry of Education and Science of Russia, Project Nr. 33.1687.2017 / 4.6.

рекомендовал властным, научным и общественным структурам принять участие в проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 г. (Распоряжение 2016). Сдержанный стиль распоряжения президента говорит о том, что высшая власть в стране продолжает курс на консолидацию российского общества. Официальное решение отмечать юбилей революции заставило замолчать наиболее одиозную часть антисоветской тусовки, она не дождалась от властей заветного слова «фас». Вместе с тем истинное настроение либеральных по преимуществу СМИ выдают апологетические фильмы о царской семье, белых генералах, деятелях контрреволюции и антибольшевистского блока. Победителей – В.И. Ленина, большевиков и Красную армию – стараются тщательно обойти вниманием, а если и вспоминают, то не забывают плеснуть на них ведро помоев.

Российская культурно-политическая элита в своем стремлении способствовать прогрессу вообще в его либерально-глобалистской форме игнорирует национальные интересы собственной страны, и это противоречит курсу ее высшего руководства на консолидацию российского общества. В основе этого единства должны лежать принципиально единая трактовка истории России, равное отношение ко всем ее периодам. Консолидации требуют внешнеполитические обстоятельства, возобновившееся противостояние России с западным миром и идеологией либеральной глобализации, за которой стоят правящие круги англо-саксонских стран и Европейского союза. Современным государственным деятелям все более понятной становится внутренняя и внешняя политика советского руководства, исходившего в своих решениях в меньшей степени из идеологических догм, а в большей – из геополитических обстоятельств. В пересмотре нуждается и вопрос о роли революции в истории России.

Истинное значение Русской революции для судеб страны и мира можно определить только в контексте глобальных социально-экономических трансформаций последних столетий и рожденных ими теорий прогресса. Наиболее значимой социальной трансформацией XVII–XX вв. был процесс модернизации, или переход от аграрного (традиционного) общества к индустриальному. Во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки этот процесс продолжается. В Северной Америке, Европе, Австралии, Новой Зеландии, Японии и азиатских «новых индустриальных странах» сейчас идет новый процесс перехода в постиндустриальное (информационное) общество, в котором большая часть населения занята не в сельском хозяйстве и промышленности, а в сфере услуг. Ведущим же производством являются создание нового знания (информации) и его тиражирование (Новая постиндустриальная 1999; Опыт 2000; Побережников 2006).

Если совместить теории К. Маркса и У. Ростоу (Зиновьев 2014), то получится, что индустриальное общество возникает в недрах аграрного в процессе первоначального накопления капитала, формирует свою социально-экономическую структуру в период промышленной революции (первой модернизации), растет экстенсивно в период индустриализации, достигает зрелости в результате второй модернизации и революции массового потребления, а после научно-технической революции переходит к постиндустриальной стадии своего развития.

Все эти процессы в России были растянуты по времени, шли параллельно друг другу, формируя многоукладность в экономике и сложнейшую социально-политическую палитру общества. Если учесть сказанное и проследить за развитием экономических процессов в России и Советском Союзе на протяжении XVIII–XX вв., то можно обнаружить, что многие из них начались, выражаясь терминами советской истории, еще при феодализме, а заканчивались при социализме, не меняя своей сути. Например, первоначальное накопление капитала (разложение классов – сословий феодального общества и формирование классов индустриального мира, в том числе экспроприация крестьян и ремесленников) продолжалось в России с XVIII в. до 1930-х гг. Этот процесс начался с экспроприации крестьянского труда для мануфактур в петровское время, приобрел устойчивый характер в период царствования Екатерины II, получил ускорение в результате реформ Александра II (отмена крепостного права, выкупная операция), С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, стремившихся разрушить общину и заменить ее крестьянами – собственниками земли. Весь процесс ликвидации мелких товаропроизводителей был завершен в период массовой коллективизации и кооперирования кустарей. Революция, таким образом, не только не прервала шедший уже два века процесс, но и резко ускорила его.

Другой процесс – промышленной революции (первой модернизации) – начался в России в 20–30-х гг. XIX в. с текстильной промышленности и машиностроения. Затем он распространился на другие отрасли обрабатывающего производства, металлургию, транспорт, где в основном и завершился к концу XIX в. На рубеже веков промышленная революция затронула добывающую промышленность, где закончилась в 30-е гг. XX в. В те же годы она началась в сельском хозяйстве, механизация которого завершилась в основном в 50–60-е гг. XX в.

Процесс индустриализации в России на основе промышленного переворота начался в обрабатывающих отраслях и на транспорте в конце XIX в., резко ускорился в результате сталинского «большого скачка» в конце 20–30-х гг. XX в. и привел в 50-е гг. к преоблада-

нию индустрии над аграрной сферой в экономике страны, индустриального населения над сельским, к созданию второго в мире индустриального гиганта и мощного интеллектуального потенциала. Индустриализация по-советски завершилась в 60-х гг., когда были исчерпаны трудовые ресурсы деревни и легкодоступные источники сырья и топлива, стали настоятельными модернизация промышленности и смена экономической модели развития. Вторая модернизация промышленности, начавшись в 30-е гг., была прервана войной, возобновилась в 50-е гг., и на ее основе в 60–80-е гг. произошли революция массового потребления в СССР, смена жизненных стандартов и общественных идеалов в период так называемого развитого социализма. Научно-техническая революция, начавшись в 50-е гг., продолжается до сих пор.

Таким образом, Россия (СССР) прошла те же этапы трансформации экономики и общества, что и другие развитые страны мира. В чем же тогда отличие процесса модернизации нашей страны от такового в Европе и Северной Америке? Для того, чтобы это выяснить, нужно вернуться ко второму этапу становления индустриального общества – промышленной революции, когда механизмируется производство и рождаются классы индустриального мира – промышленная буржуазия и пролетариат. Едва сформировавшись, эти классы осознают свои интересы и вступают в ожесточенную борьбу за политическое лидерство в новом мире. В Англии это период чартизма 40–60-х гг. XIX в., во Франции – время от революции 1848 г. до Парижской коммуны 1870 г., в Германии и США – этап промышленных войн 80–90-е гг. XIX в. Все пролетарские праздники родом из Америки. Побеждала, как правило, промышленная буржуазия как более организованная и влиятельная.

В России этот период выпал на начало XX в. и привел к власти большевиков. В 1917 г. большевики и пролетариат были последними в очереди за властью в стране. Но именно они являлись наиболее последовательными сторонниками индустриализации из всех политических сил (землевладельцев-помещиков, промышленной и торговой буржуазии, крестьянства, пролетариата), претендовавших на социальное лидерство в стране. Как говорил философ Л.Н. Хмылев, большевики победили потому, что были наиболее индустриальной партией. Их политические цели совпали с объективными потребностями развития страны, которой была необходима индустриализация, чтобы не утратить конкурентоспособность на мировой арене. Большевики нуждались в расширении социальной базы для сохранения власти, росте экономической мощи страны для свершения мировой революции. Мировую революцию пришлось отложить в долгий ящик,

а строительство социализма реально вылилось в строительство индустриального общества.

Переход политического лидерства к классу работников создал совершенно другие условия для индустриального развития страны. Вместо эволюции экономики на основе частного капитала, свободной конкуренции и рыночного обмена В.И. Ленин предложил проект государственно регулируемой реконструкции народного хозяйства на основе государственной и кооперативной собственности. Англосаксонский частнокапиталистический вариант становления индустриального общества был заменен русским государственно-капиталистическим вариантом. Ленин разработал принципы государственного регулирования экономикой. Он требовал оставить командные высоты за пролетарским государством, опираясь на рыночные принципы функционирования экономики, в том числе и государственных предприятий. Ленинский НЭП – наиболее прогрессивная формула индустриализации: сочетание государственного регулирования, рыночной экономики и политического авторитаризма. По этому пути шли Тайвань, Южная Корея, Сингапур, сейчас идут Китай, Вьетнам и другие страны.

В России НЭП был свернут сторонниками быстрой индустриализации во главе со И.В. Сталиным, которые полагались на большую эффективность планово-директивной экономики, принуждения и политического террора. Быстрая индустриализация вела к отказу от рыночных механизмов и демократических способов управления. Мобилизационный путь не был оптимальным, он был вынужденным. До сих пор историки спорят, было ли это неизбежно. Конечно, международная конкуренция и рост внешнеполитических угроз требовали усилить обороноспособность страны, для чего было нужно срочно внедрить современную технологию в тяжелую промышленность и машиностроение и заплатить за это любую цену. Социалистическая идеология выполняла также мобилизационные функции. Реальный социализм в СССР не соответствовал теории К. Маркса о формировании нового общества с более высоким, чем при капитализме, уровнем производства и жизни. Мы копировали американскую промышленную технологию, а приглашенные иностранные специалисты изумлялись нищете советских рабочих (Шпотов 2014). Но для народов нашей страны достижения 1930-х гг. были невероятным прыжком в светлое будущее.

Слова В.И. Ленина, сказанные в сентябре 1917 г., свидетельствуют о понимании большевиками своей главной задачи – необходимости индустриализации страны: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые

страны и перегнать их также и экономически» (Ленин 1969). Эта мысль была положена в основу стратегии ВКП(б). В 1931 г. И.В. Сталин на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности сформулировал ее так: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР» (Сталин 1951). С 1918 по 1941 г. в аграрную страну была пересажена передовая индустриальная технология из США и европейских стран, основано крупное сельскохозяйственное производство, совершена культурная революция, что позволило создать механизированную грамотную армию и выиграть тяжелейшую войну против объединенной Гитлером Европы.

Цена индустриализации и Победы оказалась непомерно высокой, мы заплатили за это не только 16 млн человеческих жизней в период войны (Земсков 2012), но и рынком и демократией. По большому счету, мы платим за свой выбор до сих пор.

Сталинская индустриальная революция 30-х гг. была лишь одним из шагов страны по индустриальному пути. В 50-е гг. XX в. Советский Союз стал страной с преобладающим индустриальным сектором в экономике. Это было зафиксировано решениями XXI съезда КПСС как построение социализма полностью и окончательно. Решения верные, если их трактовать не как победу социализма, а как победу индустриального общества над аграрным.

Время Л.И. Брежнева стало периодом бурной и быстрой трансформации общества в результате революции массового потребления. В то время в СССР произошли резкий рост реальных доходов населения, массовое строительство благоустроенного жилья, улучшение структуры питания, смена стандартов жизни. Этот процесс прошел позднее, нежели в развитых странах Запада, имел менее богатые материальную базу и стандарты потребления при высокой доле централизованных услуг и общественных фондов потребления, но он был реальностью, плодами которой мы пользуемся до сих пор.

Главной особенностью нашей революции массового потребления были ее социальные последствия. В странах Запада революция массового потребления создала средний класс, составивший 60–70 % населения, что сделало общество стабильным. Наше общество, напротив, утратило свою стабильность при доле среднего класса в 10–15 %. Равное в нищете на уровне гарантированного существования, оно было монолитным и непобедимым, имущественное же расслоение общества в 60–80-е гг. разрушило советский строй. Реформы А.Н. Косыгина, направленные на возвращение в экономику рыночных

принципов функционирования и показавшие в 1965–1970 гг. свою эффективность, были отвергнуты партийными догматиками, так как покушались на уравнилельные принципы коммунизма. В период «застоя» все равно была утрачена вера в социалистические идеалы, утвердилась потребительская психология на фоне нарушений принципа оплаты по труду, двойной морали правящей элиты, дефицита материальных благ, корпоративности распределения, отчуждения работников от результатов труда и власти.

Консервация плановой экономики в 1970–1980-е гг. вновь привела к технологическому отставанию СССР от развитых стран мира. Это побудило правящий класс Союза инициировать перемены в сфере управления производством и обществом. Начатая М.С. Горбачевым перестройка была запоздалой и стратегически проведена совершенно безграмотно и преступно. Отказавшись от коммунистической идеи, разрушив КПСС, он утратил рычаги управления, потерял власть и разрушил СССР. В результате событий 1989–1993 гг. к власти пришли либералы-романтики, погрузившие страну в хаос, поскольку оказалось, что рынок и демократия – не волшебные слова и не действуют автоматически. Без государственного и общественного контроля рынок оказался безудержным воровством народного добра, а демократия – вседозволенностью и разгулом преступности.

С приходом к власти В.В. Путина был с трудом наведен порядок в управлении государством и экономикой. Однако главного, из-за чего сменились власть и социально-экономический строй, нет до сих пор – перехода экономики на новый технологический уровень. Новые собственники так и не стали хозяевами, они не заинтересованы в инвестициях в производство, вывозят деньги из страны, лишая ее средств на развитие. В сельском хозяйстве с упорством, достойным лучшего применения, продолжается насаждение фермерства, для которого нет в нашей стране условий. П.А. Столыпин за 6 лет добился в этом направлении большего, чем наши горе-реформаторы за 25 лет. Давно пора понять, что развитие кооперации в аграрной сфере России – не мечты В.И. Ленина, а столбовая дорога аграрной модернизации (Никулин 2009). Пора также прислушаться к словам Е.М. Примакова, призывавшего к государственному регулированию в экономике (Примаков 2008; Примаков 2011: 91–115). Примеры ВПК, в котором Д.О. Рогозин навел порядок, «Роснефти», «Газпрома» указывают на эффективность такого подхода.

Россия стоит на пороге постиндустриального мира, капитализм и реальный социализм – это пройденные страной варианты развития индустриального мира, к которым нет смысла возвращаться. Переход в постиндустриальную стадию неизбежен. Необходима новая

мобилизация сил общества для очередного технологического и социального рывка, для достижения новых стандартов жизни.

Сейчас уже можно подвести итоги советского периода в истории нашей страны. Можно со всей определенностью сказать, что он не был ни черной дырой, ни потерянным временем, как утверждают антикоммунисты. Это было время наиболее интенсивного развития страны, завершения формирования индустриального общества, время его зрелости. Это время еще назовут героическим. Некоторые наиболее общие итоги таковы: превращение СССР во вторую индустриальную державу мира, создание механизированной аграрной сферы, повышение жизненного уровня, смена жизненного стандарта на характерный для индустриального мира, создание системы социального обеспечения и одной из лучших в мире систем образования и науки, сохранение суверенитета, подготовка к самостоятельному существованию 15 новых государств. Очевидны и минусы этого периода: физические и моральные потери населения в результате репрессий, гигантская растрата природных ресурсов, утрата демократических традиций, ограничение творческой деятельности в науке и культуре, уничтожение рыночных традиций и хозяйственной инициативы.

Советский индустриальный проект был рожден революционной ситуацией начала XX в. Внешние и внутренние обстоятельства не позволили осуществить его в чистом виде. Сочетание государственного регулирования экономикой, рынка и сильной авторитарной власти превратилось в административно-командный мобилизационный механизм с тоталитарным политическим режимом. Он дал быстрый эффект ценой громадных издержек. Почти полный отказ от государственного регулирования в 1990-е гг. оказался еще хуже. Необходим поиск оптимального соотношения государственной и частной инициативы в экономике под общественным и государственным контролем. Нужно вернуться к принципам ленинского НЭПа, учитывая, конечно, новые обстоятельства жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Земсков 2012 - *Земсков В.Н.* О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины) // Военно-исторический архив. 2012. № 9. С. 59–71.

Зиновьев 2014 - *Зиновьев В.П.* Становление индустриального общества в России. Методическое пособие к специальному курсу лекций. Томск, 2014. 24 с.

Ленин 1969 - *Ленин В.И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 151–199.

Никулин 2009 - *Никулин П.Ф.* Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск: ТМЛ-Пресс, 2009. 332 с.

Новая постиндустриальная 1999 - Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

Опыт 2000 - Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. 246 с.

Побережников 2006 - *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.

Примаков 2008 - *Примаков Е.М.* 2007 год: прощание с псевдолибералами // Российская газета, 2008. 15 янв.

Примаков 2011 - *Примаков Е.М.* Россия: необходима замена экономической модели // Примаков Е. Мысли вслух. М.: Российская газета, 2011. С. 91–115.

Сталин 1951 - *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. С. 29–42.

Распоряжение 2016 - Распоряжение Президента Российской Федерации от 19 декабря 2016 г. № 412 рп «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41498> (дата обращения: 9.07.2017).

Шпотов 2014 - *Шпотов Б.М.* Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы. Лабиринты экономического сотрудничества. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 320 с.

REFERENCES

Zemskov, V.N. (2012) O masshtabakh lyudskikh poter' SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne (v poiskakh istiny) [On the scale of the Soviet losses in the Great Patriotic War (in search of the truth)]. *Voенно-istoricheskiy arkhiv*. 9. pp. 59–71.

Zinoviev, V.P. (2014) *Stanovlenie industrial'nogo obshchestva v Rossii* [The Formation of an Industrial Society in Russia]. Tomsk: Tomsk State University.

Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 34. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 151–199.

Nikulin, P.F. (2009) *Ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The Economic System of the Peasant Economy of Western Siberia Began in the 10th Century]. Tomsk: TML-Press.

Inozemtsev, V.L. (ed.) (1999) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [A New Post-Industrial Wave in The West]. Moscow: Academia.

Alekseev, V. (ed.) (2000) *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka* [The Russian Modernisation of the 18th – 20th centuries]. Moscow: Nauka.

Poberezhnikov, I.V. (2006) *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii* [The Transition from the Traditional to the Industrial Society: The Theoretical and Methodological Problems of Modernisation]. Moscow: ROSSPEN.

Primakov, E.M. (2008) 2007 god: proshchanie s psevdoliberalami [2007: Farewell to pseudo-liberals]. *Rossiyskaya gazeta*. 15th January.

Primakov, E.M. (2011) *Mysli vslukh* [Thinking Aloud]. Moscow: Rossiyskaya gazeta. pp. 91–115.

Stalin, I.V. (1951) *Sochineniya* [Works]. Vol. 13. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. pp. 29–42.

Kremlin.ru (2016) *Rasporyazhenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 19 dekabrya 2016 g. № 412 rp "O podgotovke i provedenii meropriyatiy, posvyashchennykh 100-letiyu revolyutsii 1917 goda v Rossii"* [Order Nr. 412 of the President of the Russian Federation of December 19, 2016, On the preparation and holding of events dedicated to the 100th anniversary of the 1917 revolution in Russia]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41498> (Accessed: 9th July 2017).

Shpotov, B.M. (2014) *Amerikanskiy biznes i Sovetskiy Soyuz v 1920–1930-e gody. Labirinty ekonomicheskogo sotrudnichestva* [American Business and the Soviet Union in the 1920s-1930s. Labyrinths of Economic Cooperation]. Moscow: LIBROKOM.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Zinoviev Vasilii - Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

УДК 94(571.1/.5)"1918-1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/6

КАРПАТОРУССКИЙ СОВЕТ И ФОРМИРОВАНИЕ ВОИНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КАРПАТОРУСОВ В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)*

И.В. Нам¹, Н.И. Наумова², В.И. Зиновьева³

^{1,2}Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: namirina@bk.ru

E-mail: tomnin@yandex.ru

³Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40

E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

Рассматривается деятельность Карпаторусского совета в Омске, созданного в 1918 г. с целью освобождения Прикарпатской Руси от австро-мадьярского ига и воссоединения ее с Россией. В условиях гражданской войны совет выступил на стороне антибольшевистских сил, поддерживая белогвардейские власти в борьбе за единую и неделимую Россию. Главная задача органа определялась как включение Прикарпатской Руси в состав России и соединение с русским народом, чтобы освободить родину «из многовекового политического и экономического рабства тевтонов и мадьяр». Для достижения поставленной цели совет считал необходимым с оружием в руках сражаться против австрийского ига, а после октября 1917 г. – и с большевизмом, поддерживая белогвардейские власти в борьбе за единую и неделимую Россию. Поэтому особое внимание уделялось созданию воинских формирований из числа военнопленных. Сначала отряд карпаторусов как «отдельная боевая единица» был включен в состав чехословацких частей. Впоследствии Карпаторусский совет добился вхождения добровольческого отряда в армию А.В. Колчака. Карпаторусские

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009.

воинские отряды должны были составлять регулярные части, включавшие пехотные и кавалерийские подразделения.

Ключевые слова: Сибирь, гражданская война, Карпаторусский совет, карпаторусские воинские формирования.

THE CARPATHO-RUSSIAN COUNCIL AND THE FORMATION OF THE CARPATHO-RUSSIAN MILITARY UNITS IN SIBERIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1919)*

I.V. Nam¹, N.I. Naumova², V.I. Zinovieva³

^{1,2}Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: namirina@bk.ru
E-mail: tomnin@yandex.ru

³Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics
40 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

This paper focuses on the Carpatho-Russian Council formed in 1918 to liberate the Carpathian Rus' from the Austro-Hungarian jackboot for its further reunification with Russia and its activities in Omsk. During the Russian Civil War, the Council sided with the anti-Bolshevik forces and supported the White Guard authorities in their fight for the unified and indivisible Russia. The main objective of the Council was to liberate the Homeland from "the centuries-long political and economic slavery by the Teutons and Magyars" with the purpose of its further reunification with Russia and Russian people. The Council believed it necessary to bear arms against the Austrian yoke and, after October, 1917, against Bolshevism as well. It supported the White Guard in its fight for the unified and indivisible Russia. Therefore, it paid a particular attention to the formation of military units made of the prisoners of war. Initially the Carpatho-Rusin detachment as a separate military unit was included into the Czecho-Slovakian troops. Later the Carpatho-Russian Council insisted on their joining the A.V. Kolchak army.

* The research is supported by Grant of the Government of the Russian Federation P 220 Nr. 14.V25.31.0009.

The Carpatho-Russian military detachments were supposed to form regular troops that included infantry and cavalry divisions.

Keywords: Siberia, Russian Civil War, Carpatho-Russian Council, Carpatho-Russian military units, Rusins.

Распад Австро-Венгерской, Османской и Российской империй в ходе Первой мировой войны привел к росту национальных движений, образованию новых государств и, как следствие, к формированию новых этнических и государственных идентичностей у народов, которые входили в их состав. Парижская мирная конференция¹ закрепила послевоенное переустройство мира, раскrojив по-новому границы государств и судьбы народов. В круговорот гражданской войны, развернувшейся в 1918–1920-х гг. в России, включая обширную территорию на востоке страны, были вовлечены десятки тысяч военнопленных и беженцев, среди которых были и уроженцы Прикарпатья – карпаторусы (русины). Перед ними остро стояла проблема выбора политической ориентации, национально-государственной и этнической идентификации. Эти вопросы уже стали предметом изучения современных исследователей (Виднянский 2012; Суляк 2015; Глущенко 2015; Нам, Наумова 2015; Шевелев, Конев 2015 и др.), но еще далеко не в полной мере раскрыты.

Политика антибольшевистских правительств на востоке России в отношении военнопленных славян в основных чертах определилась летом 1918 г. Военнопленные славяне и пленные романского происхождения занимали особое место в политике Временного Сибирского правительства. По существу, здесь присутствовала преемственность с политикой российской власти в начале Первой мировой войны, когда стали создаваться национальные формирования из военнопленных. 26 сентября 1914 г. Военное министерство стало отделять в лагерях военнопленных чехов, словаков, сербов, эльзасцев и лотарингцев, итальянцев и румын, предоставляя им лучшие условия содержания. 9 октября 1914 г. было предложено предоставлять подобные привилегии полякам, но официально это так и не было сделано (Лор 2012: 261).

Временное Сибирское правительство установило «непременное правило, что положение военнопленных Сибири должно определяться положением русских военнопленных в Центральных державах», признавало, «что режим для военнопленных подлежит изменениям в зависимости от сведений о положении наших военнопленных в Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии» (Луков, Шевелев 1998: 138). Власти в соответствии с международными правилами обязаны были

проявлять «человеколюбивое отношение» к военнопленным, обеспечивать свободу исповеданий и отправления религиозных обрядов.

В то же время по приказу Временного Сибирского правительства № 17 от 22 октября 1918 г. военнопленные славяне и пленные романского происхождения сосредотачивались в особых национальных лагерях с правом поступать добровольцами в свои национальные армии. Из пленных славянского и романского происхождения предполагалось сформировать особые рабочие роты, если они не изъявляли желания поступать добровольцами. Лагеря для чехов и словаков были образованы в Омске и Иркутске, для поляков – в Новониколаевске, для югославын, итальянцев и эльзасцев – в Томске, для румын – в Петропавловске, для украинцев – в Славгороде (Суржикова 2013: 81)². Таким образом, военнопленные делились на «дружественную» и «недружественную» часть. К последним относились мадьяры и немцы. Карпаторусы, чехи, словаки, сербы и поляки считались одной семьей славянских народов, которых должно «считать своими братьями».

Идея славянского единения существовала среди общественных и властных кругов России еще до войны. Это нашло отражение в обращении Николая II к населению империи, в котором он провозгласил, что Россия выступает как защитница славянских интересов и поддерживает единение всех славян (Лор 2012: 185). В одном из своих обращений Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак также заявил о необходимости славянского единства. Немаловажное значение придавали работе среди славянских военнопленных и белые правительства Юга России, учитывая при этом национальные интересы России.

Временное Сибирское правительство и правительство А.В. Колчака создавали специальные военные и гражданские структуры для контроля за военнопленными, куда были включены военные комиссары, а также Особое делопроизводство по делам пленных на правах отдела в составе 2-го департамента Министерства иностранных дел. Возглавлял комиссию по делам военнопленных юрист, специалист по международным отношениям В.Г. Жуковский (Луков, Шевелев 2003: 60). Затем эти полномочия перешли мобилизационному отделу Главного штаба и впоследствии штабу Верховного главнокомандующего. Этими вопросами занимались 4-е и отчасти 3-е отделения военного ведомства. Кроме того, учреждались должности областных «заведывающих» военнопленными и обезоруженными красногвардейцами в Западной Сибири, Средней Сибири и Уральской области. В марте 1919 г. они были упразднены. Все дела передавались штабам Иркутского, Курганского, Оренбургского, Тюменского, Приамурского округов, а также 2-му сибирскому корпусу (Суржикова 2013: 80).

На положение военнопленных оказывали влияние национальные советы, образовавшиеся в Сибири. Чехословацкому, двум Польским советам, Югославянскому и ряду других принадлежала особая роль в формировании добровольческих национальных воинских частей. С августа 1918 г. пленные чехи и словаки считались мобилизованными в чехословацкую армию, подчиненную Чехословацкому национальному совету в России, который стал претендовать на право распоряжаться всеми пленными на территории Сибири. В то же время национальные советы не только брали на себя функции оказания материальной помощи «своим» пленным, агитации и формирования добровольческих частей, но и стремились к полному контролю за жизнью лагеря, что приводило к конфликтам с властями в национальных лагерях, а также между пленными.

Карпаторусские политики тоже стремились организационно подготовиться к возвращению на родину. С этой целью в Сибири было проведено два съезда: в октябре 1918 г. в Челябинске и в апреле 1919 г. в Омске. На первом съезде делегатов карпаторусских колоний и добровольческого отряда в Челябинске говорилось о необходимости справедливого решения национального вопроса для населения Прикарпатской Руси как части русского народа и борьбы против Австро-Германской коалиции под лозунгом воссоздания и защиты русского государства. Составной ее частью должно было стать создание добровольческого отряда, чтобы с оружием в руках встать на защиту неделимой Руси (ГАРФ 2: 1, 13; ГАРФ 4: 14–14 об.).

Важным итоговым документом работы съезда в Челябинске стал устав Центрального Карпаторусского совета (ЦКС), стратегической целью которого было заявлено «освобождение Прикарпатской Руси от австро-мадьярского ига и воссоединение ее с Россией» (Нам, Наумова 2014: 157). Положение о создании карпаторусских добровольческих воинских частей было внесено в Устав ЦКС, а в составе совета был создан специальный военный отдел. Образованный по решению съезда Карпаторусский совет в Челябинске возглавил А.В. Копыстьянский, сторонник присоединения Карпатской Руси к России (Баринов, Стрелков 2012).

Действуя от имени всех карпаторусов, ЦКС стремился определять стратегию общественно-политического поведения карпаторусов Сибири, центральной идеей было вхождение Прикарпатской Руси в состав России и освобождения родины из «многовекового политического и экономического рабства» тевтонов и мадьяр (ГАРФ 2: 1 об.) Для достижения этой цели совет считал необходимым сражаться с оружием в руках против австрийского ига, а после октября 1917 г. – и с большевизмом. Вопросу о формировании карпаторусского от-

ряда придавалось значение «главнейшего средства к достижению национальных целей». Съезд признал необходимым с оружием в руках встать на защиту не только Прикарпатской Руси и России, но и всего славянства (Карпаторусское слово 1918). Предполагалось, что это могло быть значительное по численности воинское формирование, базу которого могли составить до 25 тыс. годных к службе карпаторусов (Карпаторусское слово 1919а). Совет призывал галичан «исполнить свой долг», быть верными идее «единства русского народа». Подчеркивалось, что в новых международных условиях границы государств определяет воля народов и для этого недостаточно быть «только самостоятельными, но необходима реальная боевая сила» (ГАРФ 5: 19).

Сначала добровольческие отряды из карпаторусов создавались в Сибири в составе чехословацкой армии. 16 октября 1918 г. Копыстанский подписал военную конвенцию с Чехословацким национальным советом, согласно которой русинские части оперативно подчинялись чешскому командованию. Военный союз с чехословаками продолжался до 1 февраля 1919 г., после чего карпаторусские части перешли в состав армии А.В. Колчака (Баринов, Стрелков 2012: 121). При этом колчаковская власть исходила из собственных представлений о судьбе Галиции и об использовании военнопленных славян. Данная проблема рассматривалась на заседаниях Особого подготовительного к мирным переговорам совещания, созванного в Омске в декабре 1918 г. В его решениях было записано, что «Прикарпатская Русь должна войти в пределы России на основах широкой автономии» (ГАРФ 2: 32–32 об.).

Галиции отводилось важное стратегическое значение в планах белогвардейских правительств как Востока, так и Юга России. Разработке вопросов стратегической важности было отведено значительное место в деятельности военно-исторического и статистического комитета, созданного по приказу А.И. Деникина при Русском политическом совещании в Париже в ноябре 1918 г. для представления своей концепции международного устройства на Парижской мирной конференции. Совещание предлагало сохранить довоенные границы России (за исключением Польши), но при этом воссоединить с Россией земли Галиции и Буковины (Серапионова 2006: 288). В такой ситуации русины рассматривались как важный политический ресурс.

Пространство плена на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам, подвергалось политико-идеологическим манипуляциям, включая попытки мобилизации веры и этничности. Карпаторусский совет предложил колчаковским властям создать два лагеря для военнопленных-украинцев в Славгороде и один для

карпаторусов – в Омске. Свои действия по разделению карпаторусов и украинцев совет объяснял тем, что в годы войны германские власти определили военнопленных-малороссов в особые бараки, «в которых специальные инструкторы и агитаторы внушали им идею “самостийной” Украины». Из военнопленных-малороссов немцы набирали агитаторов и отправляли на родину для пропаганды политического отделения Украины от России (ГАРФ 2 : 6 об.). Совместное с украинцами нахождение в лагерях внушало лидерам карпаторусов опасения из-за нежелательного идеологического воздействия. Карпаторусский совет отправил письмо Российскому правительству, где отметил, что агитация украинцев «идет во вред общерусским интересам» (ГАРФ 1: 1 об.)

ЦКС придавал большое значение изменению статуса карпаторусов-военнопленных – переходу их в статус добровольцев. Комендантом лагеря карпаторусов предлагалось назначить офицера из Карпаторусского добровольческого отряда. Кроме того, совет считал необходимым взять под свой контроль всю просветительскую работу (лекции, беседы, школы грамотности) и создать для этого в лагере барак с лозунгом: «Учись, молись, трудись, трезвись» (ГАРФ1: 1). Право на агитацию в лагерях карпаторусов совет фактически монополизировал. Это приводило к тому, что после создания национальных лагерей внутри них стали возникать конфликты, связанные с общеполитическими и национальными устремлениями пленных, что проявилось в отношениях между карпаторусами-москвофилами, которые относили себя к русским и России, и украинцами, которые ориентировались на создание независимой Украины. Карпаторусский совет в Омске получил от Министерства внутренних дел право на регистрацию всех карпаторусов Сибири, что должно было усиливать его влияние в этой среде, способствуя консолидации и идентификации (ГАРФ 2: 64, 66).

Лидеры карпаторусов стремились увеличить численность карпаторусских формирований, объединив усилия всех карпаторусских организаций. Председатель совета Копыстьянский обратился в МИД Российского правительства в Омске с просьбой известить итальянское правительство с тем, чтобы оно отпускало в армию Деникина добровольцев из военнопленных-карпаторусов. Такое же желание выразил съезд карпаторусов США в апреле 1919 г.: бороться за независимость Прикарпатской Руси, воссоединиться с Омским, Екатеринославским, Архангельским правительствами для мобилизации всех карпаторусов, способных носить оружие. Карпаторусы в Киеве на собрании 12 декабря 1918 г. тоже высказали пожелание пополнить новыми кадрами из карпаторусских добровольцев существующие при Добровольческой армии на Дону и Кубани карпаторусский добровольческий полк и

добровольческий отряд при чехословацкой армии на Урале и Сибири, «объединив их в отдельную боевую единицу». Этот отряд должен быть использован в борьбе «за общерусское национальное государственное объединение «и для защиты национальных интересов и прав своей ближайшей родины – Прикарпатской Руси» (ГАРФ 5: 8–8 об.).

Еще одно обстоятельство могло повлиять на судьбу военнопленных. Оно было связано с окончанием войны и новой геополитической ситуацией.

Военные из белогвардейских правительств Сибири полагали, что славянские народы, входившие в состав распавшейся Австро-Венгрии, теперь становились «свободными и самостоятельными». В соответствии с этими обстоятельствами «находившиеся в русском плену солдаты романо-славянского происхождения (поляки, карпаторусы, украинцы, сербы, хорваты, словенцы, чехословаки, румыны и итальянцы) стали свободными гражданами» вновь образовавшихся государств. Военные круги предлагали предоставить этим военнопленным «свободу в выборе места жительства и рода деятельности и рассматривать их в дальнейшем как иностранных подданных, временно находящихся на территории России» (Суржикова 2013: 83).

Однако гражданские власти считали намеченное на 15 мая 1919 г. освобождение названных военнопленных преждевременным. В частности, министр иностранных дел колчаковского правительства сомневался, насколько законно со стороны государства сложение с себя обязанностей по содержанию военнопленных, которые налагались на него международными договорами. Министр внутренних дел тоже возражал против этого, полагая, что предоставление указанным военнопленным свободы в выборе места жительства и выезда на родину по условиям текущего момента было бы рискованным, так как нет никакой гарантии, что они действительно уедут, а не останутся в России, увеличив военные силы большевиков (Суржикова 2013: 84).

Представители союзников – члены французской миссии в Сибири и чехословацкий уполномоченный – поддержали мнение гражданских властей. Генерал М. Жанен, представитель Высшего межсоюзного командования и главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке, подчеркнул, что полное освобождение славян с правом возвращения на родину «внесло бы разруху в деле формирования воинских частей, комплектуемых пленными романо-славянских национальностей» (Суржикова 2013: 84). Под давлением союзников правительство Колчака отказалось от идеи перевода «дружественных» военнопленных на положение иностранных подданных, предоставив им некоторые льготы в качестве благодарности «за совместную борьбу против германо-большевизма».

Колчаковская власть относила польский, чехословацкий, сербский, югославянский, болгарский, украинский, карпаторусский вопросы к числу «настолько сложных», что их можно было решить лишь «на основе укрепления международного положения славянства» и усиления международных позиций России в славянском вопросе (ГАРФ 3: 1).

В политике колчаковской власти проблемы военнопленных-карпаторусов решались, исходя из интересов России, на основе решений Парижской мирной конференции. Правительство осознавало, что вопрос о Прикарпатской Руси является не только внутренней российской проблемой, о чем свидетельствует отправленное в Военное министерство в феврале 1919 г. письмо управляющего МИД о судьбе Прикарпатской Руси, которая «должна была войти в пределы России на основе широкой автономии». В качестве аргумента в поддержку такого решения приводилась «инициатива, проявленная карпаторуссами», по формированию добровольческого отряда из военнопленных и беженцев. Как полагал управляющий МИД, это «создает очень благоприятную почву для воссоединения» Прикарпатской Руси с Россией, «не давая оснований возможным противникам на мирной конференции обвинять Россию в политике захватов». Поэтому он выражал надежду, «что русское Военное министерство удовлетворит желание карпаторуссов» использовать «в военных целях небольшую преданную военную силу», чтобы одновременно «упрочить выгодную для нас позицию в вопросе о присоединении к России Прикарпатской Руси (ГАРФ 2: 32–32 об.). Военное министерство активно подключилось к обсуждению вопроса о создании добровольческого отряда.

Создание воинских частей из военнопленных в Сибири сопровождалось рядом организационных трудностей, выявившихся с момента их создания. Лидеры Карпаторусского совета предложили колчаковскому правительству свой план формирования карпаторусских воинских частей на основе обязательного призыва всех карпаторусов. Один добровольческий отряд не представлял значительную силу. Использование «принудительной мобилизации» объяснялось тем, что «ныне недостаточно только самоопределения, но необходима реальная боевая сила», «учитывая опасное положение Родины». Лидеры карпаторусов в обоснование своей позиции приводили пример мобилизации в Галиции всех мужчин от 18 до 35 лет, способных носить оружие.

Второй карпаторусский съезд, проходивший весной 1919 г., принял решение о предоставлении Карпаторусскому совету права объявления всеобщей мобилизации карпаторусов, но из-за нехватки офицерских кадров и снаряжения совет откладывал это решение вплоть до

июля 1919 г. К тому времени ожидалось прибытие карпаторусских офицеров - выпускников военных русских училищ и подготовленных унтер-офицеров. 12 июля совет обратился к начальнику мобилизационного отдела с предложением провести мобилизацию «всех уроженцев Прикарпатской Руси, свободно проживающих в пределах России и годных к отбыванию воинской повинности».

План предусматривал предоставление ЦКС «формального права» объявления мобилизации уроженцев Прикарпатской Руси. Мобилизацию должны были производить русские военные власти при взаимодействии с Карпаторусским советом. Предлагалось сосредотачивать военнопленных карпаторусов в одном сборном пункте в каждом военном округе под контролем военных. Земские власти должны были призывать беженцев в возрасте от 18 до 40 лет «без различия их партийной принадлежности (карпатороссы, русины, украинцы)». В комиссию по набору должен был войти уполномоченный от совета или офицер карпаторусского полка. Она определяла годность к отбыванию воинской повинности. Негодных необходимо было освободить из плена, предоставить им полную свободу, а «их труд можно использовать для нужд государства».

При этом совет считал возможным мобилизовывать «только всю крестьянскую массу, без различия партий». Лидеры карпаторусов были категорически против мобилизации «интеллигентов, принадлежащих к украинской партии» как элемента «весьма ненадежного и разлагающего». Предлагалось «во избежание их преступной агитации» запретить им «пребывание в районе расположения карпаторусских войск». Мобилизацию следовало провести, по мнению совета, в первую очередь в прифронтовой полосе и в Омском военном округе. Уклонявшихся от воинской повинности необходимо было наказывать «по российским законам». По предположению совета, в Западной Сибири насчитывалось около 9000 военнопленных-карпаторусов (без учета беженцев и военнообязанных). Общее количество мобилизованных могло составить около 10 000 чел. (ГАРФ 5 1919: 19).

Вторая часть проекта предусматривала формирование карпаторусских воинских частей, которые должны были стать регулярными и подчиняться в оперативном отношении русскому командованию. Предполагалось сформировать пехоту, «несколько сотен кавалерии под названием карпаторусского казачества», одну батарею. Ядром этих частей должен был стать I Карпаторусский стрелковый полк. Из него командировались офицеры и унтер-офицеры «для каждой из мобилизованных частей как знающие психологию своих соотечественников». Русских офицеров и унтер-офицеров следовало назначать из числа лиц с боевым опытом и знакомых «с истори-

ческой судьбой Прикарпатской Руси». Мобилизованные должны были снабжаться «не хуже русских солдат». Занятия по военному делу рекомендовалось производить по русским правилам, с жесткой дисциплиной в течение одного месяца, а «из лучших образовывать ударные части и направлять их на фронт». Особое внимание в этих частях должно было уделяться религиозной стороне, «которая в жизни карпаторусов играет важную роль». Культурно-просветительную работу необходимо было возложить на Карпаторусский совет с правом издания газеты «Карпаторусское слово» три раза в неделю, а также читать лекции, проводить беседы с разрешения командира и в его присутствии.

Также было рекомендовано «предоставить карпаторусским воинам преимущества и льготы в отношении земельного и хозяйственного устройства наравне с российскими воинами (по Постановлению Совета министров от 14 марта № 414)» (ГАРФ 5: 19 об. – 20 об.). Высказывалась надежда, что с «уничтожением большевизма в России» будет осуществлено «стремление карпаторуссов к воссоединению Прикарпатской Руси с Россией на началах автономии» (ГАРФ 5: 20–20 об.)

Решение российского правительства «допустить призыв на военную службу всех карпаторуссов... в возрасте от 18 до 43 лет, как военнопленных, так и беженцев, и лиц, свободно проживающих в пределах России, освобожденной от Советской власти», последовало только 22 августа 1919 г. (Шевелев, Конев 2015). 4 сентября 1919 г. газета «Русская армия», издание штаба Верховного главнокомандующего, сообщала об объявлении всеобщей мобилизации проживающих в Сибири карпаторусов в возрасте от 18 до 43 лет. А 6 октября 1919 г. было опубликовано «Приветствие 1-му Карпаторусскому полку» Верховного правителя А.В. Колчака, в котором заявлялось о поддержке им цели карпаторусов по защите «веры, права и национальности» и их борьбы «за Россию, за общее дело славянства» (Карпаторусское слово 1919b).

Война требовала от лидеров карпаторусского движения использования для достижения своих целей военных методов. Они понимали, что развязка «карпаторусского вопроса в течение войны всегда находилась в зависимости от военных событий» (Карпаторусское слово 1918: 1). Первоначально предполагалось, что формирование карпаторусского полка будет осуществляться за счет добровольцев-военнопленных. Позднее мобилизации, по решению Карпаторусского

совета, были подвергнуты все карпаторусы, увеличивая тем самым военную помощь белогвардейцам в сохранении единой России, где Прикарпатская Русь была бы ее неотъемлемой частью. Однако сформированный Карпаторусский стрелковый полк, как и другие воинские формирования Белой армии (Сибирский казачий корпус, дружины Святого креста и Зеленого знамени), созданные в то время, не могли переломить хода боевых действий на Восточном фронте гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Парижская мирная конференция, созванная державами-победительницами для выработки и подписания мирных договоров с государствами, побеждёнными в Первой мировой войне, проходила с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. в Версале. Подготовленные конференцией мирные договоры заложили вместе с соглашениями, принятыми на конференции в Вашингтоне (1921–1922), основы Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

2. По мнению других авторов, лагеря для военнопленных с октября 1918 г. размещались следующим образом: в Омске – чехословаки и карпаторусы; в Новониколаевске – поляки; в Томске – югославы, итальянцы и эльзасцы; в Петропавловске – румыны; в Славгороде – украинцы; Иркутске – чехословаки; офицерские лагеря в Тобольске и Таре; пленные инвалиды – в Павлодаре, Барнауле, Бийске, Семипалатинске (Талапин 2013: 83).

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012 - *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстьянский и его деятельность в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.

Виднянский 2012 - *Виднянский С.* Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 г., ее включения в состав Румынского Королевства и румынизации автохтонного украинского населения края // Русин. 2012. № 2 (28). С. 23–34.

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 303. Л. 1 об. Письма и телеграммы управляющего МИД и белогвардейских послов в Токио, Вашингтоне, Париже и Лондоне о положении военнопленных галичан, буковинцев и угрорусов в России, о польско-украинских отношениях и о наступлении войск генерала Юденича на Петроград. 1918–1919.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 357. Переписка с Центральным Карпаторусским советом в Омске, Военным министерством и российскими послами за границей о политическом положении карпаторусов – населения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. 5 окт. – 25 июня 1919 г.

ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 360. Доклад Второго политического отдела МИД о политическом и экономическом положении Польши, Прикарпатской Руси и переписка с Министерствами военных и внутренних дел о положении поляков в Сибири. 26 окт. 1918 г. – 22 июля 1919 г.

ГАРФ 4 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 368. Переписка с российскими послами за границей и Центральным Карпаторусским советом о положении и тяготении карпаторусов к России и о деятельности польских и латышских комитетов в Сибири. 1918–1919.

ГАРФ 5 - ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 65. Доклад уполномоченного Русского исполнительного комитета во Львове и переписка с министрами Российского правительства о формировании карпаторусских отрядов и отправке их в Сибирь, о деятельности Центрального Карпаторусского совета, схематические карты Прикарпатской Руси и другие материалы. 2 июня – 21 августа 1919 г.

Глуценко 2015 - *Глуценко Н.А.* Первые общественные организации русинов на территории Соединенных Штатов Америки // Русин. 2015. № 4 (42). С. 97–106.

Карпаторусское слово 1918 - Съезд делегатов карпаторусских колоний в Челябинске // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 1919а - *Копыстьянский А.В.* Лекция по карпаторусскому вопросу // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 16.

Карпаторусское слово 1919б - Приветствие 1-му Карпаторусскому полку // Карпаторусское слово. 1919. № 23.

Лор 2012 - *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против вражеских подданных в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 304 с.

Луков, Шевелев 1998 - *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Законодательная деятельность белых правительств в Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Вып. 1. 192 с.

Луков, Шевелев 2003 - *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Ноябрь 1918 г. – январь 1920 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2. 202 с.

Нам, Наумова 2014 - *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпаторуссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37).

Нам, Наумова 2015 - *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4 (42). С. 126–142.

Серapiroнова 2006 - *Серapiroнова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–

1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.

Суляк 2015 - Суляк С.Г. Русинская идентичность на примере участия галичан в гражданской войне // Русин. 2015. № 4 (42). С. 107–121.

Суржикова 2013 - Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на занятых белыми территориях Урала и Сибири в 1918–1919 гг. // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2013. № 4 (46). С. 79–90.

Талапин 2013 - Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (69). С. 81–83.

Шевелев, Конев 2015 - Шевелев Д.Н., Конев К.А. «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать Белой Сибири о формировании на ее территории карпаторусских воинских частей // Русин. 2015. № 4 (42). С. 143–167.

REFERENCES

Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v gody grazhdanskoj voyny, 1918–1920 gg. [A.V. Kopystyansky and his activities in Russia during the Civil War of 1918–1920]. *Rusin*. 3 (29). pp. 116–126.

Vidnyanskiy, S. (2012) Protsessy natsional'nogo samoopredeleniya na Bukovine v 1918 g., ee vkladyeniya v sostav Rumynskogo Korolevstva i rumynizatsii avtokhtonnoho ukrainskogo naseleniya kraya [The processes of national self-determination in Bukovina in 1918, its annexation into the structure of the Rumanian Kingdom and the Rumanization of the indigenous population of the land]. *Rusin*. 2 (28). pp. 23–34.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 303. Sheet 1.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 357.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 360.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 368.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 176. List 3.65.

Glushchenko, N.A. (2015) Pervye obshchestvennye organizatsii rusinov na territorii Soedinennykh Shtatov Ameriki [First social organizations of Rusins in the United States of America]. *Rusin*. 4 (42). pp. 97–106. DOI: 10.17223/18572685/42/8

Anon. (1918) S'ezd delegatov karpatorosskikh koloniy v Chelyabinske

[Congress of delegates of the Carpatho-Russian colonies in Chelyabinsk]. *Karpatorusskoe slovo*. 1.

Копстынский, А.В. (1919) Lektsiya po karpatorusskomu voprosu [Lecture on the Carpatho-Russian problem]. *Karpatorusskoe slovo*. 16.

Anon. (1919) Privetstvie 1-mu Karpatorusskomu polku [Greetings to the 1st Carpatho-Russian regiment]. *Karpatorusskoe slovo*. 23.

Laure, E. (2012) *Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv vrazheskikh poddannyykh v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian Nationalism and the Russian Empire: The Campaign Against “Enemy Aliens” during World War I]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Lukov, E.V. & Shevelev, D.N. (1998) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' belykh pravitel'stv v Sibiri (iyun' – noyabr' 1918 g.)* [Legislative Activity of the White Governments in Siberia (June – November 1918)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

Lukov, E.V. & Shevelev, D.N. (2003) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' Rossiyskogo pravitel'stva admiral A.V. Kolchaka. Noyabr' 1918 g. – yanvar' 1920 g.* [Legislative Activity of the Admiral A.V. Kolchak's Russian Government in November 1918 – January 1920]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) S"ezdy karpatorossov v Sibiri v gody grazhdanskoj voyny. 1918–1919 [Carpatho-Russian Conventions in Siberia during the Civil War (1918–1919)]. *Rusin*. 3 (37). pp. 152–156. DOI: 10.17223/18572685/37/11

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Historical memory and the national and political identification of Rusins in 1914–1920. *Rusin*. 4 (42). pp. 126–142. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/10

Serapionova, E.P. (2006) *Karel Kramarzh i Rossiya. 1890 – 1937 gody: ideynye vozzreniya, politicheskaya aktivnost', svyazi s rossiyskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatel'yami* [Karel Kramář and Russia. 1890–1937: Ideological Views, Political Activity, Relations with Russian State and Public Figures]. Moscow: Nauka.

Sulyak, S.G. (2015) Rusinskaya identichnost' na primere uchastiya galichan v grazhdanskoj vojne [The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War)]. *Rusin*. 4 (42). pp. 107–121. DOI: 10.17223/18572685/42/9

Surzhiikova, N.V. (2013) Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na zanyatykh belymi territoriyakh Urala i Sibiri v 1918 – 1919 gg. [Prisoners of World War I in the territories of the Urals and Siberia occupied by the Whites in 1918–1919]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek*. 4(46). pp. 79–90.

Talapin, A.N. (2013) Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny v Sibiri v period grazhdanskoj voyny i repatriatsii [Prisoners of World War I in Siberia during the Civil War and Repatriation]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3(69). pp. 81–83.

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) “За Россию и за обшчее дело славя-

nstva”: ofitsial'naya i propravitel'stvennaya pechat' Beloy Sibiri o formirovani
na ee territorii karpatorusskikh voinskikh chastey [“For Russia and for the
Slavdom”: the official and pro-governmental press of the White Siberia on
the formation of Carpatho-Russian military units on its territory]. *Rusin*. 4 (42).
pp. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/11

Нам Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры со-
временной отечественной истории Томского государственного университета (Рос-
сия).

Nam Irina - Tomsk State University (Russia).

E-mail: namirina@bk.ru

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и документоведения Томского государственного университета (Россия).

Naumova Natalia - Tomsk State University (TRussia).

E-mail: tomnin@yandex.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и социальной работы гуманитарного факультета Томского государственного
университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Zinovieva Valentina - Tomsk State University of Control Systems and Radioelectro-
nics (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

УДК 94(47)"1917/22"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/7

«СЕЙЧАС ЦАРСКОЙ РОССИИ НЕТ – ЕСТЬ СОВЕТСКАЯ»: ВЗГЛЯДЫ ГАЛИЦКО-РУССКОГО СОЦИАЛИСТА К.М. ВАЛЬНИЦКОГО НА РЕВОЛЮЦИЮ, ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ И ИНТЕРВЕНЦИЮ

А.А. Иванов¹, А.А. Чемакин²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

² г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Авторское резюме

Статья посвящена видному галицкому деятелю К.М. Вальницкому (1889–1937 (?)) – одному из лидеров русского («русофильского») движения в Австро-Венгрии и Польше. Имя Вальницкого, сторонника русского «национального демократизма» и лидера кружка галицко-русских социалистов, сегодня практически забыто. А между тем он оставил достаточно яркий след в истории, успев побывать активистом и русского, и украинского движения, депутатом польского Сейма, а также узником царской тюрьмы, печально известного австрийского концлагеря Талергоф, польских и советских лагерей. Впервые в отечественной и зарубежной историографии в статье подробно исследуются биография и взгляды Вальницкого. Особое внимание авторы уделяют его воззрениям на российскую революцию 1917 г., гражданскую войну, интервенцию и Советско-польскую войну. Опираясь на материалы архивов (ГАРФ, ЦДІАК України), обширный пласт публицистического наследия К.М. Вальницкого (статьи в львовских газетах «Прикарпатская Русь», «Русь», «Жизнь», «Воля народа»), а также на иные русские, украинские и польские источники, авторы вносят ряд уточнений в представления современной исторической науки о специфике галицко-русского движения первой четверти XX в.

Ключевые слова: К.М. Вальницкий, галицко-русское движение, революция 1917 года, гражданская война в России, интервенция, Советско-польская война, русины, Галичина.

“TODAY WE HAVE NO CZARIST RUSSIA – ALL WE HAVE IS SOVIET RUSSIA”: THE VIEWS OF GALICIAN-RUSSIAN SOCIALIST K.M. VALNITSKIY ON REVOLUTION, CIVIL WAR AND ARMED INTERVENTION

A.A. Ivanov¹, A.A. Chemakin²

¹ Saint Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

² Russia, Saint Petersburg

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Abstract

The paper tells about a prominent Galician public figure K.M. Valnitskiy (1889–1937 (?)), a leaders of Russian (Russophile) movement in Austro-Hungary and Poland. Valnitskiy was an advocate of the Russian national democratism and a leader of the Galician-Russian socialist coterie. Today his name is practically forgotten; however, he played a great role in history as an activist of both Russian and Ukrainian movements, a deputy of Polish Sejm and a prisoner of the Czarist jail, the infamous Austrian concentration camp Thalerhof as well as Polish and Soviet camps. For the first time ever in national and foreign historiography the article analyses Valnitskiy's biography and views. The authors place special emphasis on his opinions of the Russian revolution of 1917, Civil War, armed intervention and Soviet-Polish war. Through the lens of documentation in Russian and Ukrainian archives, K.M. Valnitskiy's abundant journalistic heritage (articles in Lviv newspapers “Prikarpat'skaya Rus”, “Rus”, “Zhizn”, “Volya naroda”) as well as other Russian, Ukrainian, and Polish sources, the authors offer insights into the contemporary historical studies concerning the specificity of the Galician-Russian movement of the early 20th century.

Keywords: K.M. Valnitskiy, Galician-Russian movement, Revolution of 1917, Russian Civil War, intervention, Soviet-Polish War, Rusins, Galicia.

Имя Кирилла Михайловича Вальницкого – галичанина, одного из активных деятелей русского «национального демократизма», как писал он сам (Вальницкий 1921а: 3), и лидера кружка «галицко-рус-

ских социалистов» – мало что говорит неспециалистам. Да и профессиональными историками, занимающимися русинской тематикой и историей русского («русофильского») движения Червонной Руси, его биография и взгляды до сих пор исследованы недостаточно. Между тем К.М. Вальницкий оставил достаточно яркий след в истории, успев побывать активистом и русского, и украинского движения, депутатом польского Сейма и узником царской тюрьмы, австрийского концлагеря Талергоф, польских и советских лагерей. Как и у многих политических деятелей начала XX в., его судьба была богата на неожиданные повороты и трагические события, а его взгляды не раз претерпевали значительные изменения.

К.М. Вальницкий родился в 1889 г. в семье униатского священника во Львове. Увлечшись в молодости социалистическими идеями, он, в силу своего происхождения и места жительства (Австро-Венгрия), в отличие от большинства российских социалистов, придавал особое значение национальному вопросу, отстаивая право русских галичан на национальную самобытность. В начале 1910-х гг., будучи студентом юридического факультета Львовского университета, Вальницкий стал лидером кружка галицких «национальных социалистов», группировавшихся вокруг журнала «Новая жизнь» (Львов) – первого русского печатного органа Галичины, целью которого было «выработать здоровое, цельное и прочное мировоззрение», стать «независимым органом передовой, смелой и творческой мысли молодежи русского Прикарпатья» (От редакции 1913: 1, 3). Осуждая «буржуазный национализм», Вальницкий и его единомышленники подчеркивали, что не могут игнорировать свою национальную идентичность, а потому бороться за торжество социализма они будут, «не переставая любить свой народ и защищать его национальные права» (От редакции 1913: 2). Считая себя представителем русского народа, испокон века живущего на Галичине, Вальницкий выступал с критикой украинского национализма, в котором видел средство раскола русского населения края в интересах великодержавной австрийской политики. Поэтому для сторонников украинства Вальницкий и его единомышленники были представителями «москвофильского социализма», «социалистического москвофильства», а то и «черносотенного москвофильства» (Донцов 1913: 110–111; Вместо ответа 1913: 19). Для российских социалистов и либералов, настроенных, как правило, космополитически, львовские «национальные социалисты» тоже были «белыми воронами». Единственной политической силой в России, чьи представители оказывали им поддержку, оказался Всероссийский национальный союз, а точнее один из его лидеров – граф В.А. Бобринский.

Вспоминая в 1920-е гг. этот период, Вальницкий отмечал, что в 1910-х группа его единомышленников прозябала, «теряя бóльшую часть своих сторонников в пользу явного галицкого цареславия и время от времени объявляя свои программные тезисы то с марксистской, то с эсеровской закваской». «Что это было? – рассуждал спустя годы Вальницкий. – Это был поиск дорог. С социализмом эта “социалистическая” группа не имела ничего общего, кроме желания быть социалистической» (Вальницкий 1928: 8). С другой стороны, на галицких «национальных социалистов» обратила внимание киевская охранка, которая во время приезда Вальницкого в Киев в 1911 г. устроила у него обыск и заключила его под стражу (ГАРФ 2: 35 об.). На допросе Вальницкий сообщил, что приезд его с товарищами в Россию «объясняется тем, что, как русские, желали мы познакомиться с русскими обычаями, научиться русскому языку и литературе» (ГАРФ 2: 38). А что касается найденной у него при обыске программы «национальных социалистов», то она была рассчитана исключительно на Галицию, и хотя эта программа «списывалась с готовой программы социалистов-революционеров», ее характер был чисто декларативный, выражавший настроения русского студенчества Галичины (ГАРФ 2: 38). Выручил тогда Вальницкого один из лидеров русских националистов граф В.А. Бобринский, обратившийся к П.А. Столыпину с письмом, в котором лидер «национальных социалистов» был аттестован как «горячий русский патриот», терпящий притеснения в Галиции «за русское дело». «Я, конечно, не знаю, какой имеется материал в руках Киевского охранного отделения, но очень сомневаюсь, чтобы Вальницкий был в чем-нибудь виновен. Во всяком случае, привлечение его вызовет громадный скандал и даст бесконечную пищу для глумления украинской прессы в Австрии и левой прессы в России», – предупредил граф (ГАРФ 1: 9). Ходатайство Бобринского не осталось без внимания, Столыпин обратился к директору Департамента полиции Н.П. Зуеву, и, несмотря на то что был составлен обвинительный акт, согласно которому Вальницкий участвовал в сообществе, созданном для насильственного посягательства на государственный строй России с заменой его на демократическую республику, суд признал львовского студента невиновным «ввиду совершенной недоказанности обвинения» (ЦДІАК України: 2–3, 24 об.).

Новый арест К.М. Вальницкого последовал в августе 1914 г., но на этот раз уже со стороны властей Австро-Венгрии. Если в Российской империи он был заподозрен в революционной деятельности, то в империи Габсбургов по доносу местных «мазепинцев» его обвинили в «шпионаже» и «русофильской агитации» (Алфавитный указатель). Вальницкий, назвавший себя на суде русским, попал в печально

известный концлагерь Талергоф, где подвергался одиночному заключению, избиениям и, наконец, подвешиванию за руки на дереве (Талергофский альманах 1930: 8, 149–154). В ноябре 1918 г., после крушения Австро-Венгрии, Вальницкий поддержал установление Западно-Украинской Народной Республики, обосновав это тем, что и у украинцев, и у русских один враг – поляки (Рибак 1960: 18). Одновременно с этим он вместе с экс-депутатом Палаты представителей Рейхсрата В.М. Куриловичем передал представителю французской миссии заявление о желании русского населения Прикарпатья соединиться в одно целое с русским народом и государством (Докладная записка 1919: 5). После победы поляков Вальницкий провел 10 месяцев в тюрьме, находился в лагере для интернированных. Затем, выйдя на свободу, стал редактором восстановленной «Прикарпатской Руси», получившей статус органа Русского исполнительного комитета во Львове. Первоначально его взгляды не сильно отличались от тех положений, которые отстаивало галицко-русское движение в начале 1910-х гг. В первом же номере газеты было заявлено ее кредо: «Перед лицом всего славянства, перед лицом мира мы устанавливаем, что наша страна, Червоная Русь, достояние Владимира Великого – искони русская земля» (Вальницкий 1920e: 1). В «Прикарпатской Руси», а затем на страницах газеты «Жизнь» Вальницкий в начале 1920-х гг. регулярно отзывался на трагические события современности, писал о судьбах галицких русинов, осмысливал опыт революции и гражданской войны в России.

Являясь социалистом, К.М. Вальницкий не был противником революции 1917 г., считая, что при всех недостатках она была неизбежна (Вальницкий 1920f: 1). Для него революция в России стала «великой», принесшей обновление русскому народу (Вальницкий 1920d: 1). Однако к большевикам его отношение поначалу было негативным. В конце 1920 г. в одном из частных писем он признавался: «Когда мы начали издавать газету, все мы были еще за Россию Деникина» (ГАРФ 3: 2). Но вскоре взгляды Вальницкого изменились, и свое первоначальное увлечение белыми он стал расценивать как ошибку. «Сейчас я убежден, – писал он в том же письме, – что мы были, как многие другие, в ошибке. Нам было не по пути идти с Россией Деникина или Врангеля <...> Я задавался целью, выступая против гражданской войны, сохранить до известной степени нейтралитет. Когда, после почти годичного заключения в польской тюрьме, я принялся опять за редакцию газеты, решил определенно порвать с нашими старыми традициями и все больше сгибать в сторону социализма, который – я убежден в этом – уже в ближайшем будущем явится системой государственных строев» (ГАРФ 3: 2–2 об.).

В апреле 1920 г. Вальницкий на страницах «Прикарпатской Руси» отмечал, что демократическое направление и социализм начинают свое триумфальное шествие по планете в силу «законов исторической эволюции» (Вальницкий 1920b: 1). «Не может подлежать малейшему сомнению, — писал он практически в духе советских газет, — что в силу исторической неизбежности мы переживаем сейчас эпоху победы демократического мировоззрения, то есть эпоху социального и политического освобождения трудящихся масс. <...> ...На почве экономического и нравственного банкротства существующих строев зиждется будущая и верная победа социализма. Русская революция явилась бесспорно первым и жертвенно смелым — ибо сказавшимся посредине войны — предвестником грядущего обновления человечества» (Вальницкий 1920b: 1). При этом Вальницкий полагал, что русским галичанам, «живущим в определенно отсталых и затхлых условиях воспитания», понимание демократического мировоззрения оказалось чуждым, так как многолетний национальный гнет способствовал тому, что «доктрина национальной свободы» оказалась для большинства из них ценнее социалистических лозунгов (Вальницкий 1920b: 1). Но поскольку разрешение национального вопроса немислимо для галицких русинов без решения наболевшего аграрного вопроса и избавления от политического порабощения, то, делал вывод публицист, по преимуществу своему крестьянский галицко-русский трудовой народ рано или поздно сделает свой выбор в пользу демократизма и социализма (Вальницкий 1920b: 1).

Рассматривая гражданскую войну в России как «великую трагедию», Вальницкий, вместе с тем, видел в ней «роковое и трагическое недоразумение»: «Стоят ведь друг против друга не настоящие враги, а всего два мировоззрения. И топчется кошмарный бой. Тут напрасно обвинять тех или других. Виновных нет» (Вальницкий 1920f: 1). В другой статье галицкий публицист так писал о последствиях русской смуты: «...Народ задыхается. Тут безразлично, кто виноват: Ленин ли, или Колчак и Деникин. Небезразлично и верно одно: русский народ уже третий год купается в собственной крови. Судьба трагичной иронии сделала [так], что, бросив клич “долой войну”, он воюет у себя дома, когда уже все кончили войну» (Вальницкий 1920a: 1). Осуждая воцарившийся в русском народе «злостный дух взаимоотрицания», Вальницкий верил в зарождение «новой национальной мысли, бескорыстной и чуждой мелкому партийному самолюбию» (Вальницкий 1920h: 1). Публицист выражал уверенность, что «рано или поздно Россия придет в себя и окрепнет» (Вальницкий 1920a: 1). А для этого, полагал он, необходимо отказаться от партийного догматизма и непримиримости к инакомыслию. «Только бы хватило сил и мужества

пойти за верным голосом народной совести и провести строгий анализ и самокритику. Только бы хватило убежденной и решительной веры в необходимость отказаться от предвзятых, упрямых доктрин...» (Вальницкий 1920h: 1).

Спасителем России Вальницкий весной 1920 г. готов был считать не того, кто любой ценой разгромит Деникина и Колчака, и не того, кто по трупам большевиков войдет в Кремль, а того, кто сможет восстановить разрушенный социальный мир, наладить нормальную жизнь и провести назревшие социальные реформы. Выступая от лица русских галичан, вынужденных наблюдать за событиями гражданской войны в России с территории другого государства, Вальницкий писал: «Нам в одинаковой мере дороги патриотизм Бурцева, чистейшей крови демократизм Керенского и прямолинейность тех, признать которых отказывается русская интеллигенция. Однако дороже всего для нас мысль о будущем русского народа. Поэтому нам чужда глубокая и упрямая вражда борющихся в России за власть и народ. И ждем мы не дождемся, когда кончится трагическое недоразумение братской войны, которая явилась объектом хитрых и явно недружелюбных международных великодержавных спекуляций. Миротворцы нужны русскому народу!» (Вальницкий 1920h: 1).

Стараясь находиться над схваткой красных и белых, Вальницкий недоумевал, во имя чего проливают свою кровь галичане, сражающиеся в рядах противоборствующих русских армий. Соглашаясь понять мотивы земляков, оказавшихся втянутыми в «русскую смуту» в начальный период противостояния, когда разобраться в сути гражданской войны было еще затруднительно, Вальницкий отказывался понимать галичан, которые и в 1920 г. продолжали участвовать в ней, поскольку стало ясно, что «братоубийственный спор сводится исключительно к причинам фатального упрямства» (Вальницкий 1920c: 1). Но при этом симпатии публициста явно были не на стороне белых, что видно из следующего пассажа: «...В то время, – писал он в августе 1920 г., – когда не решена еще судьба нашей галицкой родины, когда наши силы крайне раздроблены и нужна, прежде всего, концентрация нашей интеллигенции на местах, группа людей считает возможным продолжать вмешиваться во внутренние дела России, выступая в защиту химеры видоизмененной и окончательно обанкротившейся реставрации. Ибо не подлежит сомнению, что новый вождь добровольческой идеи (П.Н. Врангель. – *Авт.*) – хотя и сулящий аграрную реформу – не является вместе со своим правительством выразителем подлинной воли русского народа» (Вальницкий 1920c: 1). Поэтому, заключал Вальницкий, участие галичан в российской гражданской войне, «во имя каких бы

она лозунгов ни велась, не обещает никаких видов в пользу нашей теснейшей родины» (Вальницкий 1920с: 1).

«Мы не вмешиваемся во внутреннюю борьбу России, нам достаточно нашей внутренней галицкой тяжбы», – пояснял он свою позицию в 1921 г. (Вальницкий 1921h: 1). «Не будучи причастными к трагичной внутренней борьбе России, мы в силу этого определили наше отношение к ее драме как идейный нейтралитет», – говорилось в другой публикации (Вальницкий 1921f: 4). В этом плане представляет несомненный интерес его самоидентификация, которую он старался привить и своим читателям-галичанам: мы, писал Вальницкий, «русские-нероссияне» (Вальницкий 1921g: 3). Объяснялся такой подход следующими соображениями: «...Наше выжидательно-нейтральное отношение к России <...> является результатом не идейного безразличия, а просто того обстоятельства, что, будучи в прошлом отрезанными от государственной жизни России, мы не участвуем в настоящем ее революционном строительстве» (Вальницкий 1921f: 4).

Не обошел своим вниманием К.М. Вальницкий и участия в гражданской войне в России иностранных государств. Комментируя позицию, занятую Англией, публицист в феврале 1920 г. обращал внимание на двурушничество Туманного Альбиона, который, с одной стороны, организовывал товарооборот с Советской Россией, а с другой – оказывал поддержку белым. Отмечая, что, «опасаясь вторжения Красной армии в Персию и, чего доброго, впоследствии в Индию», Англия желает мира с Советской Россией, Вальницкий подчеркивал, что эта установка Лондона не имеет ничего общего с желанием мира для России. А потому, с точки зрения «союзников», «Гражданская война должна продолжаться. Должна продолжаться, созданная революцией, злая и кровавая драма русской распри» (Вальницкий 1920f: 1).

Вальницкий обвинял союзников по Антанте в фальши, в том, что свои империалистические замыслы они стремятся спрятать «в красноречивые фразы гуманности и дружбы по отношению к России», на деле проводя преступную политику против нее «с первого момента революции» (Вальницкий 1920f: 1). По его мнению, позиция, занятая европейскими державами в отношении противоборствующих лагерей в гражданской войне, была чужда каких-либо иных принципов, за исключением чисто прагматичного подхода. «Когда не хотелось допустить Россию на мирную конференцию, надо было дать поддержку Колчаку и Деникину, чтобы отказать большевикам в праве представительства России. Когда конференция близилась к концу и окрепшие Колчак и Деникин могли потребовать голоса, последовал их разгром. Сейчас, как ни в чем не бывало, следует возобновление

торговых отношений с Советской Россией, затем одновременно посылка английской средиземноморской эскадры в Черное море и, наконец, поддержка различных государств в борьбе с большевиками. Поставлен принцип: вести торговлю на севере, воевать на юге...» (Вальницкий 1920f: 1).

Комментируя создание европейскими державами санитарного кордона вдоль европейских границ Советской России, Вальницкий констатировал: «Сейчас союзники намерены окружить Россию сетью колючей проволоки и на ее страже поставить Польшу и Румынию. В удобный момент Польша и Румыния должны перейти проволоку, и тогда “начнется наступление”. Польша и Румыния должны спасти Россию! Есть ли в одном и другом государстве хоть намек на дружеское отношение к русскому народу? Нет. И ни в коем случае нельзя поверить, что “спасение” с очевидно корыстной целью принесет положительные результаты. Напротив, оно должно неизбежно дать новые осложнения и конфликты» (Вальницкий 1920a: 1).

Вальницкого также глубоко возмущало поведение союзников по Антанте в ходе мирной Парижской конференции, на которой не было представлено ни одно из правительств, претендовавших в тот момент на статус законной всероссийской власти. Но еще большее негодование публициста вызывало то, что вынося на своих плечах основную тяжесть войны с Германией Россия была обвинена союзниками в предательстве (за подписание сепаратного мира 3 марта 1918 г.). «Клемансо обвиняет русский народ в измене. Бросает оскорбление народу, который за время 1914–1916 [гг.] спасал и спас союзников и, прежде всего, Францию, обвиняет, не помня хотя бы одного момента, что, не будь русского наступления на Восточном фронте, не было бы победы на Марне», – возмущенно писал Вальницкий (Вальницкий 1920a: 1). «...Не будь России, – патетически замечал он, – жалкое место осталось бы там, где сейчас Клемансо произносит крикливые и пустые фразы» (Вальницкий 1920a: 1).

«Обвиняя Россию в измене, – продолжал публицист, – союзники забывают о том, что еще задолго до Брест-Литовского мира, то есть когда революционная Россия еще продолжала войну, Япония была уполномочена ими сдавить путем интервенции в Сибири русскую революцию. Кто же тогда, спрашивается, изменял: русская ли революция и русский ли народ союзникам или, наоборот, союзники русскому народу и продолжавшей вместе с ней воевать революционной России? Мало того, обвиняющие Россию союзники также легко забывают о том, как это Франция и Англия заключали *в тайне перед Россией* договор о распределении между собой “сфер влияния” в России: делали это, рассчитывая на катастрофические последствия революции, т.е.

желали заблаговременно разделить шкуру воевавшего еще тогда с ними рука об руку союзника» (Вальницкий 1922a: 3).

По мнению Вальницкого, если бы союзники уже во время мирных переговоров в Париже пошли на примирение с Советской Россией, «гражданская война, давшая России и русскому народу столько несчастий и горя, кончилась бы на два года раньше» (Вальницкий 1922b: 3). Но это было не в интересах иностранных государств, стремившихся ради своих выгод максимально ослабить бывшего союзника: «Нужно было, возмущаясь русской революцией, за всякую цену использовать ее *политически*. Нужно было, победив Германию, сразу же победить Россию и первым делом отодвинуть ее на восток», – писал Вальницкий. В итоге «пошли провололочные заграждения, санитарные кордоны, поддержка всех видов окраинного русского авантюризма и действенная помощь куражному, не по дням, а по часам растущему польскому империализму. Удивительно изобретательной по своим лозунгам была та наглость б[ывших] союзников, с которой они так горячо спасали Россию путем дружного против нее наступления. Линия наступления шла от Балтики до Каспийского моря. Центр оставался под командованием Франции – Польша, Украина; на флангах наступала Англия – новые балтийские государства и кавказские республики; зады России спасала Япония. Кажется, за исключением немцев, никто в этой войне не пережил более жестокого разочарования, чем те русские, которые ожидали от союзников т[ак] наз[ываемого] “спасения” России. Не Россию, а свою завистливую боязнь перед русским колоссом спасали союзники, свой необузданный голод экспансии спасала Япония, наконец, свою вскормленную тяжелыми событиями русской революции надежду пожить с русским трупом спасали все они вместе» (Вальницкий 1922c: 3).

Во время Советско-польской войны Вальницкий, живший на территории новообразованной Польской республики, не побоялся выступить с осуждением захватнических планов Польши в отношении Украины и антирусского вектора польской политики в целом. Публицист напоминал, что революционная Россия была «первой между союзниками, провозгласившей свободную Польшу», чем русская революция исполнила «честно свой долг в виду польского народа» (Вальницкий 1921i: 1). Он обвинял польских политиков в том, что они, зараженные «фантомом величия», продолжают жить «наивной мечтой Костюшко» о Польше «от Риги до Одессы и от Гданьска до Венгрии», тем самым показывая «преобладание чувства над велениями ума» (Вальницкий 1920i: 1). Желая независимой Польше процветания, публицист подчеркивал, что добиваться его за счет русских земель ни в коем случае нельзя, поскольку «будущая демократическая Россия

никогда не примирится с империализмом соседей». Но, с сожалением констатировал он, «нет никого в Польше, кто понял бы эту очевидную действительность» (Вальницкий 1920i: 1).

Цитируя публикации польских газет, в которых говорилось о враждебности Польши любой России – как большевистской, так и деникинской, Вальницкий указывал на национальный, а не классовый характер советско-польского противостояния. «Конечно, большевики тут ни при чем, – писал публицист. – Борьба тут идет не за программу или режим внутренней русской политики, и, понятно, она не имеет ничего общего с русской гражданской войной, наконец, ведется она ведь не в хваленую “защиту культуры”, а просто во имя польских державных аспираций. Не может быть сомнения, что если бы в России стоял у власти не Ленин, а, скажем, Деникин – рано или поздно – также неминуемо последовал бы русско-польский конфликт. Ибо война эта <...> идет с самого своего начала за разграничение русского и польского народов» (Вальницкий 1920j: 1).

Не являясь сторонником большевиков, Вальницкий был далек и от того, чтобы следовать примеру некоторых их противников, поспешивших поддержать Польшу, которая вела вооруженную борьбу якобы не с Россией, а с коммунистами. «Хорошо было бы, внушая такой взгляд русским, – писал он, – прежде всего убедить в этом поляков». Для него было очевидно, что со стороны Польши эта война ведется со «всей Россией», а не только с захватившими в ней власть большевиками (Вальницкий 1920g: 1–2). В связи с этим Вальницкий подвергал резкой критике Б.В. Савинкова, Д.В. Философова и других российских антибольшевистских деятелей, которые, по его мнению, сами не заметили того, как, борясь с Россией Советской, стали бороться «вообще против всего русского народа» (Вальницкий 1921j: 1).

Расценивая Советско-польскую войну как очередной этап «исторического русско-польского конфликта», Вальницкий признавался: в какой-то момент ему стало казаться, что «русский домашний спор уступил на задний план перед потребностью самозащиты». «Раскол и гражданская война в России начались в момент, когда большевики отказались защищать родину. Может, сегодня, когда происходит противоположное, последует примирение» (Вальницкий 1920h: 1), – выражал надежду публицист, оказавшаяся, как известно, иллюзией.

Не остался Вальницкий равнодушным и к голоду, поразившему Россию во время гражданской войны. В газете «Русь», ставшей преемницей «Прикарпатской Руси», он призывал русских галичан не оставаться равнодушными свидетелями страданий, постигших Россию. «Мы не можем и не смеем оставаться безучастными, – писал он, – если в самом деле подлинно и живо в нас чувство национального

родства. Не можем и не смеем забывать о том, что было время, когда мы пользовались семенами России как бескорыстно оказанной нам братской помощью. Дадим же и мы нашу лепту истощенной ныне России. Пусть это будет капля в море. Пускай, однако, эта капля утолит жажду нескольких голодных детей в России. Пускай наша скромная жертва удовлетворит голос нашей национальной совести» (Вальницкий 1921b: 1).

Лояльная к Советской России позиция К.М. Вальницкого не осталась незамеченной. Польская и западноукраинская пресса язвительно писала, что если в дореволюционные времена галицкие русины-«москвофилы» были консервативны и мечтали о русском «царе-бабушке», то после революции 1917 г. они превратились в демократов большевистской направленности (Вальницкий 1921c: 3). Впрочем, это обвинение хотя и не было лишено оснований в отношении ряда русских («русофильских») организаций Галиции, но в отношении Вальницкого и его соратников грешило явной несправедливостью, ведь, как было показано выше, и до революции они сочувствовали социалистическим идеям и называли себя сторонниками национальной демократии. (В связи с этим публицист напоминал своим обвинителям, что «социалистическое крещение» он получил в царской тюрьме (Вальницкий 1923b: 2)). Тем не менее Вальницкий решил ответить на эти обвинения тем, что он и его единомышленники всегда были друзьями России, какой бы она ни была. «Реакционность “москвофильства”, – писал он, – была, к сожалению, непосредственным отражением реакционности старой России. Станет ли, между тем, кто осуждать новую революционную Россию за грехи царской России?..» (Вальницкий 1923b: 2). «Сейчас царской России нет, – есть советская», – пояснял публицист свою лояльность победившим в гражданской войне большевикам. В другой своей публикации симпатии к революции он объяснял так: «...Только будущая Россия, Россия крестьянской республики может явиться для нашей тесной родины тем подлинным фактором, иллюзии которого обманчиво сулило нам в былое время русское самодержавие» (Вальницкий 1921f: 5).

Касался Вальницкий в своих публикациях, конечно же, и судьбы родной ему Галиции, оказавшейся разменной монетой в хитросплетениях мировой политики. Вспоминая в 1921 г. свои чаяния и надежды, публицист писал, что занятие Львова поляками первоначально не разрушило надежды на то, что Червонная Русь отойдет по итогам мирной конференции к России. Когда же выяснилось, что увязшая в гражданской войне Россия не будет допущена на конференцию в Париже, с ее интересами европейские державы считаются не собираются, а вооруженная борьба с поляками закончилась «уничтожением

стотысячной галицкой армии», галичинами, по словам публициста, «завладело стихийное уныние». «Нам осталась разоренная, ограбленная деревня и круглый произвол неизвестного будущего», – заключал Вальницкий (Вальницкий 1921d: 1). В этих условиях галицкой интеллигенции пришлось искать новые пути, «чтобы на фоне создавшихся условий найти прочную, отвечающую нуждам времени платформу». «Ясно было, – констатировал Вальницкий, – что багаж довоенных доктрин и традиций является обузой» (Вальницкий 1921e: 1). «После мартовской революции, затем октябрьской, Брест-Литовского мира, наконец, огромного роста украинского самостийничества как фактора уже не партийно-политического свойства, а государственного и международного значения в сознании сторонников русского движения должен был с неизбежностью последовать перелом, вызванный стихийно бушующими событиями, уничтожившими корни всего того, что считалось большинством из нас мощью России», – писал Вальницкий (Вальницкий 1921f: 4). «...Был момент, – вспоминал публицист, – когда у нас верили в Колчака и Деникина как носителей идей старой, царской России». Но затем к нему пришло убеждение, что «попытки спасти русский народ реакцией безнадежны и деструктивны» (Вальницкий 1921f: 4).

В дальнейшем взгляды К.М. Вальницкого претерпели очередные изменения. Если в начале 1920-х гг. он и его соратники – национальные социалисты – продолжали рассматривать себя как часть русского движения и выступали против «украинства», то затем группа Вальницкого продолжила свою эволюцию влево, заслужив обвинения в большевизме. Группа Вальницкого сперва искала союзников среди левых русских эмигрантов (в частности, в 1920–1921 гг. были попытки сотрудничества с А.Ф. Керенским и эсерами) (Вальницкий 1928: 12), но с середины 1920-х гг. галицко-русские социалисты стали сближаться с коммунистами, подпав вскоре под влияние Коминтерна. В то время Вальницкий выдвинул концепцию «двуединого украинско-москвофильского движения», согласно которой и украинцы, и «москвофилы» в Восточной Галиции были просто различными элементами одного и того же национального движения. Став главным редактором львовской газеты «Воля народа», он стал пропагандировать эту концепцию с ее страниц (отсюда и новое название его группы – «воленародовцы»). «Все горе обеих национальных групп, “москвофильской” и украинской состояло, в том, что они оставались под влиянием *посторонних* факторов – с одной стороны, Австрии и, с другой стороны, России», – писал Вальницкий в 1923 г. (Вальницкий 1923a: 3). Он критиковал «москвофильских староверов» за то, что они не могут освободиться от «доктринерской узости» и мешают

галицким «москвофилам» идти «навстречу с украинск[ой] действительностью». И в то же время отказывался понять, почему украинские националисты также противятся этому сближению, стремясь «загнать “москвофильство” в тупик великоруссизма» (Вальницький 1923a: 3). Тогда Вальницький так формулировал свой взгляд на национальный вопрос: «Никто из галицко-русских социалистов не намерен отрицать существование украинского народа в то время, когда он себя таким *самоопределяет*. Из этого, однако, ничуть не следует необходимость отказывать части этого народа в праве признавать себя русской. <...> Никто из галицко-русских социалистов не отказывается от борьбы за свободу национальных прав украинцев, все они, однако, претендуют на такое же содействие украинцев по отношению к желающим быть русскими» (Вальницький 1923b: 3).

В мае 1924 г. на базе кружка и газеты им была создана партия «Народная воля», основу которой составляли бывшие национальные социалисты. А в 1926 г. последовал очередной крутой поворот – бывший «русский галичанин» заявил о себе как об украинце: «Народная воля» перешла на украинскую сторону, аргументируя это тем, что «члены социалистической партии должны рассматривать реальность таковой, какова она есть», что они не должны допустить монополию священников и националистов в украинском национальном движении. В итоге партия отеклась от своего русского прошлого и объявила себя частью украинской нации (Solchanuk 1973: 176–179). По иронии судьбы Вальницький, отстоявший в годы Первой мировой войны свою «русскость» под австрийскими пытками, добровольно отказался от нее, желая приспособиться к новому «украинизаторскому» курсу Москвы. Он «украинизировал» свою газету, до этого выходившую на русском языке (Яворский 1924: 25), а в октябре 1926 г. произошло объединение «воленародовцев» с холмско-волынским украинским «Сель-Союзом» в единую легальную партию «Сельроб» (Українське селянсько-робітничє соціалістичне об'єднання), основной целью которой было охватить те сферы политической жизни, которые были недоступны для коммунистов, находившихся в подполье (Пиріг 2013: 31). Вальницький стал одним из лидеров новой партии.

Как будто стремясь оправдать свой переход на украинские позиции и доказать, что он сохранил прежнюю пророссийскую ориентацию, пусть и в иной форме, Вальницький критиковал своих бывших соратников по русскому движению, ориентировавшихся на белую эмиграцию: «Нынешнее послевоенное и послереволюционное галицкое москвофильство – это ориентация не на ту Москву, что в Москве, а на ту Москву, что в Париже, Лондоне, Варшаве. Мимоходом говоря,

нынешнее москвофильство исключает даже самую возможность той прежней аграрной легенды (имеется в виду распространенная среди простонародья легенда о приходе «белого царя», который отнимет землю у польских помещиков и раздаст ее галицким крестьянам. – *Авт.*), потому что каждый крестьянин знает сейчас хорошо, что белое царское движение бывшей единой неделимой России, движение, которое прячется ныне в столицах империалистического Запада, это движение направлено на то, собственно, чтобы землю у крестьян отобрать» (Вальницкий 1928: 11).

При расколе «Сельроба» в 1928 г. Вальницкий возглавил левую его часть («Сельроб-Левица»), полностью ориентировавшуюся на линию Коминтерна, проводимую из Москвы. На выборах в польский Сейм в марте 1928 г. за «Сельроб-Левицу» отдали свои голоса 1,26 % избирателей Польши. При этом сам Вальницкий смог получить депутатский мандат от округа № 51 (Львовский, Жолкевский, Сокальский, Рава-Русский, Яворовский и Любачевский повяты), где за партийный список было отдано 9,72 %. А в Жолкевском повяте, который был одним из главных оплотов русского движения перед Первой мировой войной, партия Вальницкого и вовсе заняла первое место с 25,87 % голосов (Rzerepecki 1928: 106). Таким образом, промосковская ориентация значительной части жолкевских крестьян оставалась прежней, правда, теперь она приняла достаточно специфические формы голосования за украинский прокоммунистический список с некоторым «русофильским» оттенком.

После роспуска Сейма в 1930 г. Вальницкий, опасаясь преследований со стороны польских властей, вынужден был выехать в Берлин, а оттуда перебраться в СССР. Приняв советское гражданство, в течение нескольких лет он работал прокурором, пока в 1937 г. не попал под каток репрессий. Нужный большевикам на Западной Украине, но совершенно бесполезный и даже опасный на Украине советской, К.М. Вальницкий был арестован. Точная дата его смерти неизвестна. По одним данным, он умер в ссылке (*Kto był kim* 1994: 462), по другим – в лагере (Вальницкий 1955: 206). Существует также мнение, что Вальницкий был расстрелян в 1937 г., однако каких-либо фактов, это подтверждающих, не приводится. Так или иначе очевидно, что жизнь этого незаурядного деятеля галицко-русского движения оборвалась «в эпоху культа личности» (Алфавитный указатель).

История жизненного пути и политических взглядов К.М. Вальницкого представляет несомненный интерес не только в силу незаурядности личности галицкого деятеля, но и как наглядный пример влияния трагических событий, происходивших в России, на русское движение Галичины.

Solchanyk 1973 - *Solchanyk R. The Communist Party of Western Ukraine, 1919–1938* (PhD dissertation). Ann Arbor: University of Michigan, 1973.

Алфавитный указатель - Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. URL: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (дата обращения: 03.05.2017).

Вальницкий 1920a - *Вальницкий К. Дружба колючей проволоки* // Прикарпатская Русь. 1920. 16 янв. № 45.

Вальницкий 1920b - *Вальницкий К. Первый мая* // Прикарпатская Русь. 1920. 30 апр. № 59.

Вальницкий 1920c - *Вальницкий К. Во имя чего?* // Прикарпатская Русь. 1920. 13 авг. № 74.

Вальницкий 1920d - *Вальницкий К. Воспоминания и рефлексии о прошлом, мысли о настоящем* // Прикарпатская Русь. 1920. 3 сент. № 77.

Вальницкий 1920e - *Вальницкий К. Два года* // Прикарпатская Русь. 1920. 24 дек. № 93.

Вальницкий 1920f - *Вальницкий К. Драма русской распри* // Прикарпатская Русь. 1920. 13 февр. № 49.

Вальницкий 1920g - *Вальницкий К. Колебания русской мысли* // Прикарпатская Русь. 1920. 28 мая. № 64.

Вальницкий 1920h - *Вальницкий К. Миротворцы нужны* // Прикарпатская Русь. 1920. 21 мая. № 62.

Вальницкий 1920i - *Вальницкий К. По поводу приезда представителей русской демократии в Варшаву* // Прикарпатская Русь. 1920. 30 янв. № 47.

Вальницкий 1920j - *Вальницкий К. Эпилог всемирной войны* // Прикарпатская Русь. 1920. 5 марта. № 52.

Вальницкий 1921a - *Вальницкий К. Т.Г. Шевченко. (Речь, произнесенная на концерте дня 24 апреля 1921 г.)* // Прикарпатская Русь. 1921. 30 апр. № 110.

Вальницкий 1921b - *Вальницкий К. Дадим нашу лепту* // Русь. 1921. 23 сент. № 1.

Вальницкий 1921c - *Вальницкий К. Лишний раз* // Прикарпатская Русь. 1921. 28 янв. № 97.

Вальницкий 1921d - *Вальницкий К. На повороте* // Прикарпатская Русь. 1921. 9 апр. № 107.

Вальницкий 1921e - *Вальницкий К. На повороте* // Прикарпатская Русь. 1921. 16 апр. № 108.

Вальницкий 1921f - *Вальницкий К. На повороте* // Прикарпатская Русь. 1921. 30 апр. № 110.

Вальницкий 1921g - *Вальницкий К. Не по пути* // Прикарпатская Русь. 1921. 14 февр. № 99.

- Вальницький 1921h - *Вальницький К.* Некуда уступать // Прикарпатская Русь. 1921. 21 янв. № 96.
- Вальницький 1921i - *Вальницький К.* По поводу мира // Прикарпатская Русь. 1921. 18 марта. № 104.
- Вальницький 1921j - *Вальницький К.* Скатертью дорога! // Русь. 1921. 7 нояб. № 7.
- Вальницький 1922a - *Вальницький К.М.* От Версаля до Генуи. III // Жизнь. 1922. 25 сент. № 3.
- Вальницький 1922b - *Вальницький К.М.* От Версаля до Генуи. IV // Жизнь. 1922. 2 окт. № 4.
- Вальницький 1922c - *Вальницький К.М.* От Версаля до Генуи. VI // Жизнь. 1922. 16 окт. № 6.
- Вальницький 1923a - *Вальницький К.* Непонимание (Продолжение) // Воля народа. 1923. 10 дек. № 183/6.
- Вальницький 1923b - *Вальницький К.* Непонимание (Окончание) // Воля народа. 1923. 14 дек. № 185/7.
- Вальницький 1928 - *Вальницький К.* До історії право-й-ліво селробрівських ухилів. Львів: Видавництво газети «Сель-Роб», 1928.
- Вальницький 1955 - *Вальницький Кирило* // Енциклопедія Українознавства. Словникова частина: в 10 т. Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1955. Т. 1. Вместо ответа 1913 - Вместо ответа // Новая жизнь. 1913. № 2.
- ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 7. 1911 г. Д. 986.
- ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 313.
- ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. Р-5966. Оп. 1. Д. 47.
- Докладная записка 1919 - Докладная записка делегата Русского исполнительного комитета во Львове д-ра Э.М. Вальницкого. Одесса, 1919.
- Донцов 1913 - *Донцов Д.* Новая жизнь // Украинская жизнь. 1913. № 2. От редакции 1913 - От редакции // Новая жизнь. 1913. № 1.
- Пиріг 2013 - *Пиріг М.* Становлення та організаційні принципи діяльності «Українського селянсько-робітничого соціалістичного об'єднання» («Сель-роб») у 1926–1928 роках // Мандрівець. 2013. № 4.
- Рибак 1960 - *Рибак М.* Листопадові дні і Військовий суд у Львові // Українська Галицька Армія. У 40-річчя її участі у визвольних змаганнях в 1918–1920 рр. Матеріяли до історії. Вінніпег: Видавець Д. Микитюк, 1960. Т. II.
- Талергофский альманах 1930 - Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг. Выпуск третий. Львов: Издание Талергофского комитета, 1930.
- ЦДІАК України - Центральний державний історичний архів України, м. Київ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2259.

Яворский 1924 - Яворский Ю.А. Материалы по галицко-русской библиографии. Библиографический список публикаций, вышедших в Галичине на русском языке в послевоенный период 1918–1923 гг. Львов: Живое слово, 1924.

REFERENCES

Majchrowski, J.M., Mazur, G. & Stepan, K. (eds) (1994) *Kto był kim w Drugiej Rzeczypospolitej*. [Who was who in the Second Republic]. Warsaw: BGW.

Rzepecki, K. & Rzepecki, T. (1928) *Sejm i Senat 1928–1933: podręcznik zawierający wyniki wyborów w województwach, okręgach i powiatach, podobizny posłów sejmowych i senatorów, statystyki i mapy poglądowe* [Sejm and Senate in 1928–1933: textbook containing the results of the elections in voivodships, districts and counties, likeness of parliamentary deputies and senators, statistics and overview maps]. Poznań: Wielkopolska Księgarnia Nakładowa Karola Rzepeckiego.

Solchanyk, R. (1973) *The Communist Party of Western Ukraine, 1919–1938*. PhD Diss. Ann Arbor: University of Michigan.

Mirovich, R.D. (1971) *Alfavitnyy ukazatel' zhertv avstro-mad'yarskogo terrora vo vremena pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. na oblastiakh Galitskoy i Bukovinskoj Rusi s biograficheskimi i bibliograficheskimi dannymi* [The Alphabet Index of the Victims of the Austro-Magyar Terror during World War I in 1914–1918]. [Online] Available from: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (Accessed: 3rd May 2017).

Valnitskiy, K.M. (1920a) *Druzhba kolyuchey provoloki* [Friendship of barbed wire]. *Prikarpatskaya Rus'*. 16th January.

Valnitskiy, K.M. (1920b) *Pervyy maya* [The May Day]. *Prikarpatskaya Rus'*. 30th April.

Valnitskiy, K.M. (1920c) *Vo imya chego?* [In the name of what?]. *Prikarpatskaya Rus'*. 13th August.

Valnitskiy, K.M. (1920d) *Vospominaniya i refleksii o proshlom, mysl'i o nastoyashchem* [Memories and reflections on the past, thoughts of the present]. *Prikarpatskaya Rus'*. 3rd September.

Valnitskiy, K.M. (1920e) *Dva goda* [Two years]. *Prikarpatskaya Rus'*. 24th December.

Valnitskiy, K.M. (1920f) *Drama russkoy raspri* [The drama of Russian strife]. *Prikarpatskaya Rus'*. 13th February.

Valnitskiy, K.M. (1920g) *Kolebaniya russkoy mysli* [Fluctuations of Russian thought]. *Prikarpatskaya Rus'*. 28th May.

Valnitskiy, K.M. (1920h) *Mirotvortsy nuzhny* [We need peacekeepers]. *Prikarpatskaya Rus'*. 21st May.

Valnitskiy, K.M. (1920i) Po povodu priezda predstaviteley russkoy demokratiy v Varshavu [On the arrival of representatives of Russian democracy in Warsaw]. *Prikarpatskaya Rus'*. 30th January.

Valnitskiy, K.M. (1920j) Epilog vseмирnoy voyny [Epilogue of World War I]. *Prikarpatskaya Rus'*. 5th March.

Valnitskiy, K. (1921) T.G. Shevchenko (Rech', proiznesennaya na kontserte dnya 24 aprelya 1921 g.) [Speech dedicated to Shevchenko]. *Prikarpatskaya Rus'*. 30th April.

Valnitskiy, K.M. (1921a) Dadim nashu leptu [Let us make our contribution]. *Prikarpatskaya Rus'*. 23rd September.

Valnitskiy, K.M. (1921b) Lishniy raz [Once again]. *Prikarpatskaya Rus'*. 28th January.

Valnitskiy, K.M. (1921c) Na povorote [At the turn]. *Prikarpatskaya Rus'*. 9th April.

Valnitskiy, K.M. (1921d) Ne po puti [Out of the way]. *Prikarpatskaya Rus'*. 14th February.

Valnitskiy, K.M. (1921e) Nekuda ustupat' [Nowhere to concede]. *Prikarpatskaya Rus'*. 21st January.

Valnitskiy, K.M. (1921f) Po povodu mira [Concerning the peace treaty]. *Prikarpatskaya Rus'*. 18th March.

Valnitskiy, K.M. (1921g) Skatert'yu doroga! [Then piss off!]. *Rus'*.

Valnitskiy, K.M. (1922) Ot Versalya do Genui. [From Versailles to Genoa]. *Zhizn'*. 5th September.

Valnitskiy, K.M. (1923) Neponimanie [Misunderstandings]. *Volya naroda*. 10th December.

Valnitskiy, K.M. (1928) *Do istorii pravo-y-livo sel'robiv's'kikh ukhiliv* [To the history of the right and left deviations in the Ukrainian peasant-worker socialist association]. Lviv: [s.n.].

Anon. (1955) Valnitskiy, Kirillo [Valnitskiy, Kirillo]. In: Kubyovych, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraïnoznavstva* [Encyclopedia of Ukrainian Studies]. Vol. 1. Paris, New York: Molode zhittya.

Anon. (1913) Vmesto otveta [Instead of an answer]. *Novaya zhizn'*. 2.

The State Archives of the Russian Federation. Fund 102. DP 7. File 986

The State Archives of the Russian Federation. Fund 63. List 47. File 313.

The State Archives of the Russian Federation. Fund R-5966. List 1. File 47.

Valnitskiy, E.M. (1919) *Dokladnaya zapiska delegata Russkogo ispolnitel'nogo komiteta vo L'vove D-ra E.M. Val'nitskogo* [Memorandum of E.M. Val'nitskiy]. Odessa: [s.n.].

Dontsov, D. (1913) Novaya Zhizn' [New life]. *Ukrainskaya zhizn'*. 2.

Anon. (1913) Ot redaktsii [Editorial]. *Novaya zhizn'*. 1.

Pirig, M. (2013) Stanovlennya ta organizatsiyini printsipi diyal'nosti "Ukraïns'kogo selyans'ko-robotnichogo sotsialistichnogo ob'ednannya"

("Sel'rob") u 1926–1928 rokakh [The formation and organizational principles of "Ukrainian Peasant Socialist Labor Union"]. *Mandrivets*. 4.

Ribak, M. (1960) Listopadovi Dni i Viys'koviy Sud u L'vovi [November days and the Military Court in Lviv]. In: Levitsky, K. et al. *Ukrains'ka Galits'ka Armiya. U 40-richchya її uchasti u vizvol'nikh zmagannyakh v 1918–1920 rr.* [Ukrainian Galician Army. The 40th anniversary of its participation in the liberation struggles in 1918–1920]. Vol. 2. Winnipeg: D. Mikityuk.

Talerhof Committee. (1930) *Talergofskiy al'manakh. Propamyatnaya kniga avstriyskikh zhestokostey, izuvertv i nasiliy nad karpatorusskim narodom vo vremya vsemirnoy voyny 1914–1917 gg.* [Talerhof Almanac. A Memorable Book of Victims of Austrian Violence during World War I]. Vol. 3. Lviv: Tipografiya Stavropigiyskogo instituta.

The Central State Archives of Ukraine (Kyiv). Fund 318. List 1. File 2259.

Yavorskiy, Yu.A. (1924) *Materialy po galitsko-russkoy bibliografii. Bibliograficheskiy spisok publikatsiy, vyshedshikh v Galichine na russkom yazyke v poslevoennyi period 1918–1923 gg.* [Materials on the Galician-Russian bibliography. Bibliographic list of publications published in Galicia in Russian in the post-war period of 1918–1923]. Lviv: [s.n.].

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Ivanov Andrei - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук (Россия).

Chemakin Anton - Saint Petersburg (Russia).

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

УДК [930.253:94-054.72](477)"1921/1923"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/8

УКРАЇНЦІ В БЕССАРАБІЇ ТА РУМУНІЇ, 1921–1923 рр. (ТАБОРОВЕ ТА ПОЗАТАБОРОВО ПОВСЯКДЕННЯ ІНТЕРНОВАНИХ ВОЯКІВ АРМІЇ УНР)

І.В. Срібняк

Київський університет ім. Б. Грінченка

Україна, 04053, м. Київ, вул. Бульварно-Кудрявська, 18/2

E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

Авторське резюме

У статті проаналізовано специфіку перебування інтернованих вояків Армії УНР у таборах Румунії у 1921–1923 рр., і зокрема, їх таборове та позатаборове повсякдення. Встановлено, що впродовж 1921 р. інтерновані вояки-українці будували своє життя і побут на військових засадах. Водночас, у таборах проводилась культурно-освітня робота, діяли мистецькі гуртки. Це стало можливим завдяки зусиллям самих інтернованих та заходам української дипломатії в Румунії. У 1922–1923 рр. румунська влада активно залучала інтернованих до виконання різного роду робіт, що мало на меті максимально обмежити видатки на утримання таборів. Ліквідація таборів поклала кінець існуванню військової організації УНР на теренах Бессарабії та Румунії, хоча колишні таборяни й надалі підтримували зв'язки між собою, входячи до складу різних українських емігрантських організацій.

Ключові слова: інтерновані українці, Армія УНР, табір, гурток, Бессарабія, Румунія.

УКРАИНЦЫ В БЕССАРАБИИ И РУМУНИИ, 1921–1923 гг. (ЛАГЕРНАЯ И ВНЕЛАГЕРНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ИНТЕРНИРОВАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ АРМИИ УНР)

И.В. Срибняк

Киевский университет им. Б. Гринченко

Украина, 04053, г. Киев, ул. Бульварно-Кудрявская, 18/2
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

Авторское резюме

Анализируется специфика пребывания интернированных военнослужащих Армии УНР в лагерях Румынии в 1921–1923 гг., в частности их лагерная и внелагерная повседневность. Установлено, что в течение 1921 г. интернированные украинцы строили свои жизнь и быт на военных основах. Вместе с тем в лагерях проводились культурно-образовательные мероприятия, действовали самодеятельные кружки. Это стало возможным благодаря усилиям самих интернированных и шагам украинской дипломатии в Румынии. В 1922–1923 гг. румынские власти активно привлекали интернированных к выполнению разного рода работ, что имело целью максимальное ограничение расходов на содержание лагерей. Ликвидация лагерей положила конец существованию военной организации УНР в Бессарабии и Румынии, однако ранее находившиеся в них украинцы и в дальнейшем поддерживали связи между собой, входя в состав разных украинских эмигрантских организаций.

Ключевые слова: интернированные украинцы, Армия УНР, лагерь, кружок, Бессарабия, Румыния.

UKRAINIANS IN BESSARABIA AND ROMANIA IN 1921–1923 (EVERYDAY LIFE OF THE UPA INTERNED SOLDIERS INSIDE AND OUTSIDE THE CAMP)

I.V. Sribnyak

Borys Grinchenko Kyiv University
18/2 Bylvarno-Kydryavska Street, Kyiv, 04053, Ukraine
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

Abstract

The paper analyses the staying of the UPA interned soldiers in Romanian camps in 1921–1923 with the focus on their everyday life inside and outside the camps. It was found that the everyday life of Ukrainian interned soldiers was determined by military rules. However, the interned soldiers held cultural and educational events and organised self-regulated artistic groups with the help of Ukrainian diplomacy in

Romania. In 1922–1923, Romanian governmental authorities extensively involved interned soldiers in different types of work to curb camp maintenance costs. When camps were liquidated, the UPA military organisation in Bessarabia and Romania also came to its end. Nevertheless, the former internees kept in touch for long time and participated in different Ukrainian emigre organisations.

Keywords: interned soldiers, UPA, camp, group, Bessarabia, Romania.

Окреслена дослідницька проблема належить, на перший погляд, до числа досить розроблених тем, бо вже на початку 1930-х рр. один із українських комбатантів – підполковник Гнат Порохівський¹ опублікував свої спомини (Порохівський 1930: 57–68; Порохівський 1931: 69–80), навівши в них значний обсяг фактичної інформації про обставини інтернування вояків Армії УНР у Румунії. Це робить їх важливим джерелом для відтворення тогочасного життя та побуту вояцтва, водночас їх автор, сам перебуваючи у таборах, не міг достатньою мірою об'єктивно оцінити всі обставини повсякдення таборян.

Наукова розробка цієї теми розпочалась у 1990-х рр., на підтвердження чого свідчить поява низки статей (Срібняк 1994а: 23–25; Срібняк 1994б: 15–17; Срібняк 1998: 116–124) та двох монографій, в яких були, зокрема, висвітлені сюжети про умови утримання інтернованих українців у Румунії (Срібняк 1997: 27–33; Павленко 1999: 251–302). Проте досить значний проміжок часу, який відділяє сучасного читача від моменту їх публікації, а також нові тенденції в історіографічному процесі, змушують дослідника наново звернутись до даної тематики. Водночас існує необхідність залучення до наукового обігу нових архівних документів з даної дослідницької проблеми, що у свою чергу уможливлуватиме її комплексну розробку.

До цього, зокрема, спонукають й публікації українського дипломата і доктора історичних наук Т. Рендюка, статті якого – хоча і доповнюють деякою мірою наші уявлення про специфіку перебування інтернованих вояків-українців у Румунії – написані на дуже обмеженій джерельній базі (причому без залучення жодних архівних джерел), і до того ж містять деякі відверто фантазійні сюжети (до таких, зокрема, належить повідомлення автора про переїзд у 1921 р. 3 тис. інтернованих вояків-українців з Польщі до Румунії). Так само неймовірною є інформація про аудієнцію, яку нібито дав король Румунії Фердинанд I Г. Порохівському в справі «покращення умов для перебування українських військових емігрантів в Румунії» (Рендюк 2011: 938–939, 940), причому автор не покликається у цих випадках на жодне джерело такої сенсаційної події.

Зрештою, ці та інші неточності, а також небажання Т. Рендюка вдаватися до аналізу історіографічного доробку своїх попередників, дозволяють віднести цю статтю до категорії максимально полегшеної публіцистики, бо подані її автором факти вимагають ретельної додаткової перевірки та змушують дослідників до їх дуже обережного використання у науковому обігу.

Натомість дослідник В. Власенко своїми публікаціями причинився до збагачення загального масиву фактажу з даної проблеми, а також й документальної основи історії української політичної еміграції в Румунії, у т. ч. й її військової компоненти (Власенко 2014а: 105–120; Власенко 2014b: 270–284; Власенко 2014с: 99–114; Власенко, Сапсай 2014: 22–25).

Проте у всіх названих розвідках були недостатньою мірою висвітлено сприйняття вояцтвом таборового життя, його комунікація з місцевим населенням, пошук адаптаційних механізмів, що дозволило би інтернованим пристосуватися до нових реалій життя в еміграції. Іншими словами, таке «мікроісторичне» позиціонування є тим більш актуальним, що непоказні сторони перебування вояків-українців у таборах здебільшого опинились поза увагою дослідників. Між тим необхідність комплексного вивчення всіх проявів життя та діяльності таборових громад інтернованих українців вимагає цілісної реконструкції «життєвого ландшафту» таборян, які у своїй більшості стійко долали будь-які складнощі перебування за дротами.

Така потреба також обумовлена й необхідністю переосмислення ролі та значення територіальних громад, а також етносів та націй (у тому числі їх окремих представників) в історичному процесі – причому не тільки в часи кардинальних соціально-політичних зрушень воєнної доби, але й повоєнної фази. Справа в тім, що нова державно-територіальна конфігурація повоєнної Центрально-Східної Європи не врахувала інтереси багатьох національних груп і навіть народів, що спонукає дослідників до поновного заглиблення в соціально-політичну історію окремих її територій, однією з яких є Карпато-Дністровський регіон.

Загальний несприятливий для Армії УНР розвиток подій восени 1920 р. обумовив її відступ на терени прилеглих держав (Польщі та Румунії), що сталось під тиском переважаючих більшовицьких військ. Зокрема, 11 листопада 1920 р. 2-га запасна бригада 7-ї кулеметної дивізії (а також ще кількох нечисленних підрозділів) змушені були форсувати р. Дністер у районі Могилів-Подільського, після чого вони опинились у Бессарабії. Це було зроблено у розрахунок на подальше приєднання до основних сил Армії УНР, які оперували північніше. Але їх відхід на територію Польщі та тимчасове припинення збройної

боротьби з більшовиками кардинально змінило подальші плани командування бригади.

З огляду на те, що українські вояки мали залишитись у Бессарабії та Румунії на значно довший термін, ці підрозділи Армії УНР підлягали інтернуванню в таборах. Спочатку їх було роззброєно (28 грудня 1920 р.), після чого до румунських військових складів була передана вся зброя бригади (чотири гармати, 24 кулемети, 200 рушниць), про що було складено відповідний акт (ЦДАВО 1: 49). Після цього особовий склад бригади (391 старшин та козаків) був розміщений у таборі «Брашов» (за однойменним румунським містом). Він поділявся на дві частини: «Читауца» (старшинське відділення) і «Бартоломія» (козацьке відділення) (Порохівський 1930: 60).

Разом із запасною бригадою у таборі була інтернована й частина Низової партизанської бригади під командуванням полковника Сірка. Решта таборян складалася з вояків 3-ї Залізної дивізії, які перейшли кордон невеликими групами. Внаслідок переведення до табору додаткових контингентів інтернованих загальна кількість його мешканців досягла 461 особи. Командувач бригади підполковник Гнат Порохівський наказом Головної команди військ УНР 4 січня 1921 р. був призначений начальником всіх інтернованих українських частин у Румунії (ЦДАВО 1: 49).

Інтернуванню у таборах підлягали і цивільні особи – громадяни УНР, які перейшли до Бессарабії разом з українським вояцтвом. Їх було розміщено у таборі «Рада негри» (у румунському містечку Фегераш). Крім цього, за вказівками військової секції Місії УНР сюди були надіслані деякі інтерновані з табору «Брашов»: старшини, дійсну належність яких до Армії УНР встановити не було можливості; старшини, що мали жінок і дітей; старшини, яких за різні вчинки треба було відокремити від інших інтернованих. Загалом тут перебувало ще 150 вояків-українців. Крім цього, у різних монастирях Румунії (Козьє, Тисмана, Стеру) було розміщено 186 осіб, а в околицях Бухаресту перебувало ще близько 100 вояків, які були зведені у робочі команди (ЦДАВО 1: 101).

Кількість інтернованих вояків-українців додатково збільшилась на навесні 1921 р., коли до Румунії з Туреччини були перевезені два курені партизан-повстанців Полтавського (під проводом поручника Уренюка) і Катеринославського (на чолі з отаманом Р. Федорченком) кошів (Порохівський 1931: 70). У свій час ці відділи разом з армією генерала Врангеля відступили до Криму і були евакуйовані до Стамбулу, звідки заходами Місії УНР і на вимогу своїх отаманів були переведені до Румунії для наступного з'єднання з Армією УНР у Польщі. Але польська влада на невизначений термін затримала ці

формування на румунському терені, заборонивши їм в'їзд до Польщі. Вимушена затримка, а до того ж і заборона працювати на польових роботах у румунських господарствах призвели до того, що козаки опинилися у дуже скрутному матеріальному становищі. Тільки після цілої низки звернень Місії УНР до уряду Румунії була досягнута угода про відрядження всіх бажаючих на різні роботи при румунських військових інституціях (ЦДАВО 1: 101).

Опікуватися потребами інтернованих українців на теренах Бессарабії було доручено військовому представникові Уряду УНР Генштабу генерал-поручнику Сергію Дельвігу², який з 7 червня 1921 р. очолював військову секцію Надзвичайної дипломатичної місії УНР у Румунії (ЦДАВО 2: 46). Свою діяльність він розпочав з того, що зареєстрував всіх вояків-українців для подальшого надання їм необхідної допомоги. Дещо пізніше військова секція здійснила перевірку старшин Армії УНР з метою запобігання присвоєння собі різним випадковим елементом старшинських рангів. На цей час загальна чисельність інтернованих становила 868 чол. (ЦДАВО 1: 101), у т. ч. 235 старшин (Порохівський 1931: 70).

Але далеко не кожен з інтернованих був готовий витримувати всі випробування таборового життя. Як згадував підполковник Г. Порохівський, «з розпуки, а може й тому, що за часи війни нерви привикли до сильних переживань, деякі старшини шукали розваги та забуття в чарці, другі – прийнялися за кокаїн, карти, спиритизм, гіпнотизм, дрібні сварки. Незадоволення всім і собою панували в “Читацї” [...]. Але головним фактором були і zostалися здорова українська натура та дух, які перемогли над тимчасовою розпукою й повели всіх шляхом духовного відродження, розвинення та підготовки себе до майбутньої боротьби» (Порохівський 1930: 60–61).

Натомість інше таборове відділення – «Бартоломея» – було набагато кращим у стройовому відношенні, зберігаючи майже повну військову організацію, притаманну регулярній частині Армії УНР. Тут був запроваджений певний розпорядок дня: до обіду – заняття з усіх галузей військової науки згідно з виробленим планом і гімнастичні вправи, після обіду – праця за вказівками таборової культурно-освітньої управи. Після вечері серед козаків робилася перевірка, і співався національний гімн.

У порозумінні з румунською військовою владою у «Брашові» (як і в інших таборах) призначалися коменданти зі складу старшин Армії УНР, за якими залишалася право накладання дисциплінарних кар у всіх випадках порушення військових статутів. Комендантами таборів призначалася добова служба: вартовий старшина у таборі, бунчужні у куренях, підстаршини у сотнях (Порохівський 1930: 60).

Козаки мешкали у бараках з нарами в два поверхи, зберігаючи поділ на рої, чоти і сотні. Старшини були поділені на 10 навчальних груп з керівниками на чолі, для козаків створена початкова школа. Для зміцнення дисципліни, припинення поодиноких випадків лайки і пияцтва серед старшин була створена гауптвахта. Уміщенням до неї було покарано 20 старшин, і це дозволило цілком нормалізувати таборове життя. Цьому ж сприяло і створення гонорового суду (суду честі) в таборі (ЦДАВО 1: 50). Пересвідчившись у високій самоорганізації українського вояцтва, румунська влада дозволила звільнення старшинам поодинці, а козакам – окремими групами на чолі з призначеними для цього старшинами.

Всі інтерновані отримували пайок румунського солдата. Крім того, відразу після інтернування командування бригади прийняло рішення про продаж коней, які були у власності Армії УНР. Це принесло прибуток у 16 618 румунських лей і дало змогу створити загальнотаборову касу. На зароблені кошти були влаштовані перукарня і їдальня, швецька і кравецька майстерні, відкритий таборовий клуб, поліпшено харчування таборян. Медичне обслуговування здійснювалось власними силами, кошти на необхідні ліки теж надходили з каси. Всі витрати контролювала спеціально призначена перевірочна комісія (ЦДАВО 1: 50).

Заходами створеної у таборі культурно-освітньої управи (за підтримки дипломатичної місії УНР) були відкриті курси грамоти для неписьменних козаків, курси загальної освіти з викладанням трьох (на вибір) іноземних мов: румунської, німецької або французької, організовано вчительський гурток. У таборі діяла «Спілка художників», а також літературний гурток, який випустив два числа табірного журналу «За ґратами». Заснувався у таборі й український хор, який весною 1921 р. з великим успіхом дав два концерти, прибуток від яких пішов на заснування таборової крамниці (Порохівський 1930: 60).

Дехто з українських старшин навіть отримав можливість продовжити спеціальну освіту, чим вони мали завдячувати генералові С. Дельвігу. Останній зумів домовитись про прийняття на курси пілотажу поручника Остроградського, а член військової секції Місії УНР сотник Чайківський був зарахований до складу Вищої військової школи Румунії, навчальна програма якої була укладена за французькими зразками. Ще одна вакансія до згадуваної школи не була заповнена через брак коштів у місії (ЦДАВО 3: 2, 26).

Свідченням значних досягнень козаків і старшин у всіх царинах таборового життя став наказ № 48 Головної команди військ УНР від 30 липня 1921 р., де йшлося: «Вояки [...] не дивлячись на тяжкі умови

інтернування, зберегли у собі – і дух незламний вояків Української армії, і любов до Батьківщини. Розглядаючи своє перебування у Румунії як тимчасове і вимушене, інтерновані почали успішно використовувати цей час для того, щоб повернутися на Україну більш освіченими та загартованими вояками нашої національної армії» (ЦДАВО 4: 75). Зміст цього наказу засвідчував те, що з інтернованими в таборах проводилося інтенсивна культурно-освітня та національно-патріотична робота, метою якої була підготовка українського вояцтва до продовження боротьби з більшовизмом в Україні (ЦДАВО 5: 3).

Але подальшим досягненням у культурно-освітній роботі та військового вихованні, у відродженні українського національного духу, на думку підполковника Г. Порохівського, заважали «відірваність від Державного центру і армії та нестача військових фахових лекторів». Разом з тим він відзначав, що «більшість старшин своєю дисципліною, вихованістю і щирою відданістю українській ідеї та справі гідно тримають престиж Української армії, на яких сміливо можна покласти на наступних випробуваннях» (ЦДАВО 1: 50).

Проте, попри певні досягнення у налагодженні свого таборового побуту, успіхи в навчанні та плеканні свого національно-державницького розуміння завдань Армії УНР – інтерновані українські вояки у Румунії дуже потерпали від постійної нестачі грошей. Щоб якимсь чином заробити їх, інтерновані намагалися використовувати кожен можливість. Так, під час святкування Шевченківських днів у травні 1921 р. культурно-освітня управа організувала проведення платних концертів і вистав, куди були запрошені румунські офіцери – це дало загалом 17 145 лей (ЦДАВО 1: 50).

Але всіх цих зароблених самотужки коштів катастрофічно не вистачало. У одному зі своїх звітів військового міністру УНР генерал С. Дельвіг зазначав, що майже половині всіх інтернованих – особливо на початку свого таборового життя – потребувала теплої верхньої одягу та взуття. Намагаючись вийти з цього скрутного становища, командування інтернованих українських військ запропонувало румунській владі використовувати таборян на роботах у складі військових команд, що призвело б також і до зменшення витрат на утримання таборів.

Після отримання дозволу для роботи у двох цукроварнях підполковником Г. Порохівським було сформовано робочі команди на чолі з українськими старшинами. За умовами праці козаки отримували 10 лей щоденно (що дозволяло з часом вирішити проблему з одягом), фахові робітники і старшини – від 20 до 30 лей на день. Разом з цим, всі інтерновані забезпечувалися харчами та мешканням (ЦДАВО 1: 101).

Покращання загального становища таборян у Румунії дало можливість генералу С. Дельвігу вжити заходів для переведення з Болгарії до Румунії української військової організації «Січ» (120 осіб). До цього його зобов'язували два окремі доручення військового міністра Уряду УНР генерал-хорунжого В. Павленка (№ 276/т[аємно], № 277/т[аємно] від 3 серпня 1921 р.). Це робилось в надії використати членів згадуваної організації для підсилення таємних повстанських осередків, формування яких на теренах Бессарабії було ініційовано командуванням інтернованої Армії УНР в Польщі (ЦДАВО 6: 8–9, 55).

Завдяки сприянню українських дипломатів кількість вояків-українців у Румунії поступово збільшувалась – за повідомленням голови дипломатичної місії УНР в Бухаресті К. Мацієвича (лист № 3104 від 27 жовтня 1921 р.), у таборах «Фегераш» та «Брашов» знаходилось . 238 осіб, крім того – 1100 інтернованих перебувають на «вільних роботах» (у Журжі – 750, Бухаресті та околицях – 152, і інших місцях – 200 вояків невеликими групами). За його оцінкою «умови платні, харчів і помешкання досить гарні, так що як козаки, так і старшини мають можливість робити ощадности, одягтися і в деякій мірі задовольняти свої культурні потреби» (ЦДАВО 7: 39).

Крім того, місія надавала їм допомогу «в організації вистав і концертів, доставці книжок, часописів, організації кооперативів». Але відзначаючи «порівняно гарні умови існування наших інтернованих», голова Дипломатичної місії УНР був змушений констатувати, що «серед них трапляються усякі неприємні інциденти, йде дрібна боротьба персональних інтересів, яка приводить до усяких конфліктів», так що, робив висновок К. Мацієвич, «взагалі моральний стан не є задовольняючий» (ЦДАВО 7: 39).

К. Мацієвич також повідомляв, що весь цей час місія була «керуючим центром опіки інтернованими і збігцями», проте політична та економічна ситуація в Румунії змінювалась, і українські дипломати дійшли висновку про доцільність зміни такого стану речей. Необхідно було «реформувати цю справу і організувати її на принципах самопомоги і використання для цього інших благодійних установ». Відтак за кілька тижнів у Румунії мали бути створені громадський (громадсько-допомоговий) комітет та Комітет Червоного Хреста, які й мали перебрати на себе справу опіки інтернованими (ЦДАВО 7: 39).

У подальшому за ініціативою згадуваного комітету була організована ціла низка зборів пожертв, у т.ч. на інтернованих у Польщі, на «Рідну школу», на військових інвалідів, на сиріт та хворих жінок у таборах та інші благодійні цілі. Свій внесок у справу опікування українським вояцтвом вносила і філія Українського товариства Ліги Націй у Бухаресті, до членів якого, за деяким виключенням, входила

вся українська еміграція у Румунії. Надавав допомогу громадянам УНР й заснований заходами представника Уряду УНР у справах військового і торговельного мореплавства контр-адмірала М.Остроградського відділ Українського Червоного Хреста (м. Кишинів) (ЦДАВО 8: 47зв.).

Високий моральний стан інтернованих, наявність у таборах значного числа старшин дозволяло створити міцне підґрунтя для підтримки повстанського руху під гаслами УНР в Україні. Цьому сприяло також і те, що значне число українських вояків перебувало на роботах у селах Бессарабії в безпосередній близькості до радянсько-румунського кордону, час від часу здійснюючи напади на червоноармійські загони та радянські інституції.

З огляду це партизансько-повстанський штаб при Головній команді військ УНР на чолі з генерал-хорунжим Ю.Тютюнником у лютому 1921 р. розгорнув на південному заході України т. зв. «Південний повстанський фронт», який пізніше було реорганізовано у I повстанську групу Армії УНР (м. Кишинів) на чолі з генерал-хорунжим А. Гулим-Гуленко. На виконання директиви Ю. Тютюнника у вересні 1921 р. тут було розпочато формування «Бессарабської групи» Повстанської армії УНР, що мала перетнути більшовицько-румунський кордон та ініціювати повстання на південному заході України. Її головним завданням було відволікання уваги більшовиків від напрямку головного удару (на Київ через Волинь та Поділля з території Польщі) повстанців Тютюнника (Срібняк 1994а: 23–25; Срібняк 1994b: 15–17).

Загальна невдача рейду як «Бессарабської групи», так і основних сил Повстанської армії УНР спричинило внесення значних коректив у роботу з інтернованим українським вояцтвом – у подальшому особливий наголос було зроблено на загальну освіту інтернованих та їх підготовку до життя на цивільному становищі в умовах еміграції.

У кінці 1921 р. румунська влада, зосередивши всіх інтернованих вояків-українців у таборі «Орадя-Маре» (фортеця «Кастел»), де також перебували інтерновані військовослужбовці колишньої денікінської армії. За наполяганням Г.Порохівського інтерновані українці та росіяни були відокремлені одні від одного. Румунська влада не втручалася у внутрішнє життя інтернованих, вхід до табору сторонніх осіб було заборонено. У таборі була відновлена діяльність з фахової та загальної освіти українського вояцтва. Але вже з початком наступного року румуни вдалися до активного використання таборян на різних роботах. Так, зокрема, більшість інтернованих були відряджені на польові й будівельні роботи, окремий відділ працював на вугільних копальнях, старшини – на цегляній та паркетній фабриках.

За оцінками Г.Порохівського, умови роботи вояків були дуже важкими у фізичному відношенні, крім того, «й робітничий осередок, й

господарі, й доглядачі – все це давило дух. Брутальність, бруд, спека або дощ – все впливало дуже негативно на настрої» (Порохівський 1931: 85). Особливо потерпали ті інтерновані, що працювали невеликими групами, бо власники маєтків досить часто обмежували вояків у харчах й відмовлялися сплачувати їм обумовлену суму грошей, а у випадку організованого протесту звинувачували українців у більшовизмі й викликали жандармерію.

У цій ситуація військова секція дипломатичної місії УНР в Румунії докладала всіх зусиль для переведення п'ятох українських старшин до Польщі, де вони мали більші можливості для продовження фахової освіти (зокрема на академічних курсах штабних старшин у таборі Каліш). Зрештою, на це було отримано й згоду польської влади (через військового аташе Польщі в Румунії) (ЦДАВО 9: 127), але через відсутність коштів здійснити такий переїзд для них не видавалось можливим. У порівняно кращому становищі перебувала група старшин, що впродовж 1922 р. виїхала для продовження навчання до Чехословаччини.

У січні 1923 р. відбувся останній переїзд інтернованих до табору «Фегераш», що негативно позначилося на їх загальному становищі. Будинки не були відповідним чином підготовлені для розміщення вояцтва, бракувало опалення й харчів. Проте напруженою працею інтерновані нормалізували умови свого побуту, організували видання таборового часопису, а в березні влаштували святкування Шевченківських днів, на які зібралася вся українська еміграція в Румунії.

Поступово комендатура скасовувала всі обмеження на вихід вояків з цього табору, що переконливо свідчило про підготовку румунської влади до майбутньої ліквідації табору. Місцева влада всіляко заохочувала інтернованих влаштовуватися на постійну роботу в Бессарабії та Румунії, і врешті-решт у вересні 1923 р. табір українських інтернованих у «Фагараші» було остаточно зліквідовано, а його мешканців переведено на цивільний стан. Таборове майно було передано українським робітничим артілям, що були створені при деяких фабриках (Порохівський 1930: 67–68).

Отже під час свого перебування у таборах впродовж 1921 р. інтерновані вояки-українці будували своє життя і побут на військових засадах, що дозволяло відновити і підтримувати дисципліну серед вояцтва. Разом з тим у таборах проводилось військово-навчання та культурно-освітня робота, діяли мистецькі гуртки. Це дозволило запобігти процесам деморалізації у середовищі українського вояцтва та належним чином підготувати їх до життя в еміграції.

Значні зусилля було спрямовано на підтримку партизанського руху в Україні – шляхом відрядження до повстанських відділів належним чином підготовлених старшин Армії УНР. Захист інтересів вояків-

українців перед румунською владою здійснювала Дипломатична місія УНР у Бухаресті на чолі з К. Мацієвичем, а безпосередньо потребами інтернованих опікувалася її військова секція на чолі з Генштабу генерал-поручником С. Дельвігом.

Зміна політичної ситуації після поразки II Зимового походу Армії УНР спонукала румунську владу відмовитись від прихованої підтримки антибільшовицьких акцій, що здійснювались частиною вояків-українців з теренів Бессарабії. До цього її спонукали й непоодинокі звернення та дипломатичні демарші радянської дипломатії, якій ставали відомі окремі випадки сприяння діям повстанських груп з боку різних румунських владних інституцій.

Намагаючись мінімізувати обсяг інформації про інтернованих вояків-українців, які отримували агенти більшовицьких спецслужб, румунська влада почала «віддаляти» їх від державного кордону, приміщуючи в таборах в центральній та західній частинах Румунії. При цьому вона й надалі не втручалась у внутрішній таборовий побут українців, завдяки чому у таборах відновлювалась організаційна структура, притаманна регулярним військам Армії УНР.

Але залучення інтернованих до виконання різного роду робіт, що мало на меті максимально обмежити видатки на утримання таборів, призвело до поступового «розмивання» таборових осередків. Самі ж таборяни все більше й більше опікувались необхідністю пошуку засобів для власного існування. Ліквідація таборів поклала кінець існуванню військової організації на теренах Бессарабії та Румунії, хоча колишні таборяни й надалі підтримували зв'язки між собою, входячи до складу різних українських емігрантських організацій.

ПРИМІТКИ

1. *Порохівський Гнат Єрмилович* (1888–?) – підполковник (згодом полковник Армії УНР), комендант всіх інтернованих у Румунії частин Армії УНР (з 1921 р.). Підполковник румунської армії (працював у спеціальній службі інформації). У другій половині 1930-х рр. був підвищений Урядом УНР в екзилі до рангу генерал-хорунжого. У 1945 р. був арештований радянськими спецслужбами, засуджений до тривалого терміну ув'язнення. Помер в одному з радянських концтаборів.

2. *Дельвіг Сергій Миколайович* (1866–1944) – генерал-лейтенант Російської імператорської армії, генерал-полковник Армії УНР, український військовий діяч та дипломат (голова військової секції Дипломатичної місії УНР у Румунії). За фахом – артилерист. Після ліквідації місії брав діяльну участь у діяльності громади емігрантів-українців у Румунії.

ЛІТЕРАТУРА

Власенко 2014а - *Власенко В.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. 2014. № 1 (35). С. 105–120.

Власенко 2014б - *Власенко В.* Вторая волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии (зима–весна 1920 г.) // Русин. 2014. № 2 (36). С. 270–284.

Власенко 2014с - *Власенко В.* Третья волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии // Русин. 2014. № 4 (38). С. 99–114.

Власенко, Сапсай 2014 - *Власенко В., Сапсай О.* До історії української військової еміграції в Румунії // Мова, історія, культура улінгвокомунікативному просторі: збірка наук. праць. Суми, 2014. Вип. 1. С. 22–25.

Павленко 1999 - *Павленко М.* Українські військовополонені й інтерновані у таборах Польщі, Чехословаччини та Румунії: ставлення влади і умови перебування (1919–1924). Київ, 1999. С. 251–302.

Порохівський 1930 - *Порохівський Г.* Українська військова еміграція в Румунії // Табор. 1930. № 13. С. 57–68.

Порохівський 1931 - *Порохівський Г.* Десять років на еміграції // Табор. 1931. № 15. С. 69–80.

Рендюк 2011 - *Рендюк Т.* Українська військова та політична еміграція в Румунії у міжвоєнний період: невідомі сторінки історії діаспори // Україна дипломатична. Київ, 2011. Вип. 12. С. 938–939. URL: http://nbuv.gov.ua/ukrdip_2011_12_204 (дата обращения: 15.05.2017).

Срібняк 1994а - *Срібняк І.* Військові організації УНР у Румунії і південному заході України у 1921 р. // Штурм. Міннесота, 1994. Ч. 76. С. 23–25.

Срібняк 1994б - *Срібняк І.* Військові організації УНР у Румунії і південному заході України у 1921 р. // Штурм. Міннесота, 1994. Ч. 77. С. 15–17.

Срібняк 1997 - *Срібняк І.* Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). Київ; Філадельфія, 1997. С. 27–33.

Срібняк 1998 - *Срібняк І.* Полонені та інтерновані вояки-українці в Румунії (1919–1923 рр.) // Память століть. Київ, 1998. № 5. С. 116–124.

ЦДАВО 1 - Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО). Ф. 1075. Оп. 2. Спр. 474. 86 арк.

ЦДАВО 2 - ЦДАВО України. Ф. 1078. Оп. 5. Спр. 10. 125 арк.

ЦДАВО 3 - ЦДАВО України. Ф. 1078. Оп. 2. Спр. 239. 26 арк.

ЦДАВО 4 - ЦДАВО України. Ф. 1078. Оп. 4. Спр. 6. 130 арк.

ЦДАВО 5 - ЦДАВО України. Ф. 1078. Оп. 2. Спр. 210. 113 арк.

ЦДАВО 6 - ЦДАВО України. Ф. 1075. Оп. 2. Спр. 476. 148 арк.

ЦДАВО 7 - ЦДАВО України. Ф. 1075. Оп. 2. Спр. 827. 56 арк.

ЦДАВО 8 - ЦДАВО України. Ф. 3696. Оп. 2. Спр. 308. Арк. 47 зв.

ЦДАВО 9 - ЦДАВО України. Ф. 1078. Оп. 2. Спр. 304. 163 арк.

REFERENCES

Vlasenko, V. (2014a) Formirovaniye ukrainskoy politicheskoy emigratsii v Rumynii v mezhvoyenny period (pervaya volna) [Formation of the Ukrainian political emigration in Romania in the interwar period (the first wave)]. *Rusin.* 1 (35). pp. 105–120. DOI: 10.17223/18572685/35/9

Vlasenko, V. (2014b) Vtoraya volna mezhvoyennoy ukrainskoy politicheskoy emigratsii v Rumynii (zima-vesna 1920 g.) [The second wave of interwar Ukrainian political emigration in Romania (winter – spring 1920)]. *Rusin.* 2 (36). pp. 270–284. DOI: 10.17223/18572685/36/17

Vlasenko, V. (2014c) Tret'ya volna mezhvoyennoy ukrainskoy politicheskoy emigratsii v Rumynii [The third wave of interwar Ukrainian political emigration in Romania]. *Rusin.* 4 (38). pp. 99–114. DOI: 10.17223/18572685/38/7

Vlasenko, V. & Sapsay, O. (2014) Do istoriyi ukraïns'koy viys'kovoy emigratsiyi v Rumuniyi [To the history of Ukrainian military emigration in Romania]. In: Zvagelskiy, V.B. (ed.) *Mova, istoriya, kul'tura u linhvokomunikatyvnomu prostori* [Language, History, Culture in the Linguistic and Communicative Space]. Issue 1. Sumy: Sumy State University. pp. 22–25.

Pavlenko, M. (1999) *Ukraïns'ki viys'kovopoloneni y internovani u taborakh Pol'shchi, Chekhoslovachchini ta Rumunii: stavlennya vladi i umovi perebuvannya (1919–1924)* [Ukrainian Prisoners of War and Internees in the Camps of Poland, Czechoslovakia and Romania: The Attitude of Power and Conditions of Stay (1919–1924)]. Kyiv: Institute of History of Ukraine. pp. 251–302.

Porokhivskyy, H. (1930) Ukraïns'ka viys'kova emigratsiya v Rumunii [Ukrainian military emigration in Romania]. *Tabor.* 13. pp. 57–68.

Porokhivskyy, H. (1931) Desyat' rokiv na emigratsii [Ten years in emigration]. *Tabor.* 15. pp. 69–80.

Rendyuk, T. (2011) *Ukraïns'ka viys'kova ta politichna emigratsiya v Rumunii u mizhvoennyi period: nevidomi storinki istorii diaspori* [Ukrainian military and political emigration in Romania during the interwar period: unknown pages of diaspora history]. [Online] Available from: http://nbuv.gov.ua/ukrdip_2011_12_204 (Accessed: 15th May 2017).

Sribnyak, I. (1994a) Viys'kovi organizatsii UNR u Rumunii i pivdennomu zakhodi Ukraïni u 1921 r. [Military organisations of the UPR in Romania and south-west Ukraine in 1921]. *Shturm.* 76. pp. 23–25.

Sribnyak, I. (1994b) Viys'kovi organizatsii UNR u Rumunii i pivdennomu zakhodi Ukraïni u 1921 r. [Military organisations of the UPR in Romania and south-west Ukraine in 1921]. *Shturm.* 77. pp. 15–17.

Sribnyak, I. (1997) *Obezzbroena, ale neskorena: Internovana Armiya UNR u taborakh Pol'shchi y Rumunii (1921–1924 rr.)* [Disarmed, but not conquered: Interned Army of the UPR in the camps of Poland and Romania (1921–1924)]. Kyiv, Philadelphia: Vid-vo im. Oleni Teligi. pp. 27–33.

Sribnyak, I. (1998) Poloneni ta internovani voyaky-ukrayintsi v Rumuniyi (1919–1923 rr.) [Policemen and Ukrainian interned soldiers in Romania (1919–1923)]. *Pam'yat' stolit'*. 5. pp. 116–124.

The Central State Archives of Ukrainian Authorities (TSDAVO). Fund 1075. List 2. File 474.

The Central State Archives of Ukrainian Authorities (TSDAVO). Fund 1078. List 5. File 10.

The Central State Archives of Ukrainian Authorities (TSDAVO). Fund 1078. List 2. File 239.

The Central State Archives of Ukrainian Authorities (TSDAVO). Fund 1078. List 4. File 6.

The Central State Archives of Ukrainian Authorities (TSDAVO). Fund 1078. List 2. File 210.

The Central State Archives of Ukrainian Authorities (TSDAVO). Fund 1075. List 2. File 476.

The Central State Archives of Ukrainian Authorities (TSDAVO). Fund 1075. List 2. File 827.

The Central State Archives of Ukrainian Authorities (TSDAVO). Fund 3696. List 2. File 308.

The Central State Archives of Ukrainian Authorities (TSDAVO). Fund 1078. List 2. File 304.

Срібняк Ігор Володимирович – доктор філософії Українського вільного університету (Мюнхен, Німеччина), доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри всесвітньої історії історико-філософського факультету Київського університету ім. Б. Грінченка, провідний науковий співробітник відділу теорії та методології всесвітньої історії державної установи «Інститут всесвітньої історії НАН України» (Україна).

Срибняк Игорь Владимирович – доктор философии Украинского вольного университета (Мюнхен, Германия), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории историко-философского факультета Киевского университета им. Б. Гринченко, ведущий научный сотрудник отдела теории и методологии всемирной истории государственного учреждения «Институт всемирной истории НАН Украины» (Украина).

Sribnyak Ihor - Ukrainian Free University in Munich, Borys Grinchenko Kyiv University, NASU Institute of the World History (Ukraine).

E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/9

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ К СОБЫТИЯМ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.*

В.И. Зиновьева

Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40

E-mail: isr@main.tusur.ru

Авторское резюме

Рассматриваются итоги анкетного опроса современных студентов технических и гуманитарного факультетов Томского университета систем управления и радиоэлектроники, проведенного методом случайной выборки в мае 2017 г. В анкетировании участвовали 112 студентов, выразивших свое отношение к событиям Октябрьской революции 1917 г. Студенты представляют ту группу молодежи, которая активно формирует свою социальную идентичность, эмоционально отождествляет себя с выдающимися деятелями, осваивает систему ценностей, выбирает образцы ролей и поведенческие стереотипы. Это поколение воспитывалось и осваивает социальный опыт в противоречивой идейно-политической атмосфере. Тем не менее их ответы на вопросы показывают, что основная часть, хотя и без некоторых колебаний, склоняется к таким приоритетам, как сильные государственные деятели и сильная государственная власть, защита интересов народа, чувство патриотизма и признание преемственности исторического процесса.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., большевики, В.И. Ленин, «красные» и «белые», прогресс страны.

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России (проект № 28.8279.2017/8.9).

THE ATTITUDE OF MODERN STUDENTS TO THE OCTOBER REVOLUTION*

V.I. Zinovieva

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
40 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: isr@main.tusur.ru

Abstract

The paper analyses the results of a random sampling questionnaire conducted among modern Engineering and Humanities students of Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics in May 2017. The total number of respondents was 112. Students expressed their attitude to the October Revolution of 1917. Students form the age group of young people that actively shapes their social identity through emotional identification with prominent figures. They develop their system of values by choosing certain referential models and behavioral patterns. This is the generation that was brought up and got their social experience in a contradictory ideological and political atmosphere. However, their answers have shown that the majority of them (not without some hesitation) share such priorities as strong statesmen and strong state power, protections of people's interests, patriotism and recognition of the continual historical process.

Keywords: October Revolution, Bolsheviks, V.I. Lenin, "red" and "white", progress of the country.

Юбилей Октябрьской революции 1917 г. в России всегда были поводом для подведения итогов, временем появления новых оценок, подходов – и не только для историков и политиков. Это событие было слишком значительным, оно изменило жизнь страны, затронуло многие поколения и стало частью национального самосознания. Отношение к нему на тех или иных этапах у различных людей не было единодушным, оно и сейчас их разделяет. Один из исследователей этой темы историк Б.Г. Могильницкий отмечал, что «типологически близкая к ней Великая французская революция по своим масштабам, характеру, яростным вспышкам кровавого насилия, утопическим проектам всеобщего счастья и благоденствия, горьким разочарова-

* The results were obtained within the framework of the Government Contract of the Ministry of Education and Science of Russia, Project Nr. 28.8279.2017/8.9.

ниям, но и по своему всемирно-историческому значению» и «Русская революция обречены на разномыслие в подходах к ее осмыслению» (Могильницкий 2008: 6). Общеизвестно, что на определенных этапах, когда история усиливает свой ход, текущие события повседневной жизни заставляют людей смотреть по-другому на те вещи, которые казались им понятными. В наше время, которое многими публицистами характеризуется как «разрыв поколений», как доминирование «отцов» над «детьми», знание позиции молодежи и их оценки исторического прошлого интересны и поучительны.

В данной статье анализируются результаты анкетного опроса студентов, проведенного в Томском университете систем управления и радиоэлектроники, касающегося оценки Октябрьской революции 1917 г., прихода большевиков к власти и их роли в развитии страны. Анкетирование было проведено в мае 2017 г. в связи с мероприятиями, посвященными 100-летию революции. Результаты подобных опросов уже были предметом анализа в литературе (Guryeva 2016).

Молодежь как социально-демографическая группа общества характеризуется становлением социальной зрелости, вхождением в мир взрослых и адаптацией к нему. В возрастной классификации современные студенты – это группа молодых людей 17–21 года, которые находятся на этапе юности, когда завершается активный период социализации. Эти годы оцениваются исследователями как время, когда молодой человек не хочет принадлежать к обществу детей, но понимает, что он еще не взрослый, критически оценивает себя и свои возможности, строит планы, активно ищет смысл жизни. В этот период формируется социальная идентичность личности. Это связано с осознанием человеком принадлежности к социальной общности, группе, принятием значимых для этой группы ценностей, установок, стереотипов поведения. Одним из проявлений этого процесса является отождествление себя с героями прошлого.

В ходе проведенного в университете опроса изучались позиции той части студенчества, которые появились на свет на рубеже и в начале 2000-х гг. Их взгляды сложились, во-первых, под влиянием родителей, родившихся в СССР, переживших перестройку, распад, экономический кризис и унижение страны. Это было время, когда пересматривались оценки событий прошлого, ставились под сомнение достижения страны в XX в., осуждалась не только деятельность руководства страны, но и история народа. Во-вторых, взгляды современных студентов формируют и вузовские преподаватели, часть которых придерживается патриотических позиций, а другая негативно оценивает советскую историю. Еще одним фактором, повлиявшим на процесс идентификации студентов, несомненно, стали антироссийская трактовка

событий на Украине в 2014 г., борьба с российскими памятниками, референдум в Крыму и его присоединение к России, гражданская война на Донбассе. Это усилило рост патриотических, гражданских настроений, укрепило ценности сильной государственности и популярность сильных государственных деятелей в молодежной среде.

Таким образом, данный анкетный опрос предполагал, что, несмотря на противоречивый процесс воспитания и социализации современных студентов, в данной аудитории преобладают позитивные оценки прошлого, Октябрьской революции 1917 г., которые были разработаны в целом в советский период.

Респондентам было предложено ответить на 10 вопросов, сформулированных в простой и ясной форме, в течение короткого времени, когда человек, не раздумывая, опирается на уже сложившиеся собственные взгляды. Анкетирование было проведено методом случайной (стихийной) выборки. В опросе участвовали 112 студентов, из них 78 чел. – представители технических и 34 – гуманитарного факультетов вуза, 72 чел. – мужского пола и 33 – женского. Полученные результаты, согласно требованиям, можно считать репрезентативными. Практически все (кроме одного) ответили, что им известно, что в 1917 г. большевики пришли к власти в России.

Показательно, что положительно оценили события собственно октября 1917 г. 59 чел. (52,67 %), отрицательно – 25 студентов и безразлично – 26. Больше половины молодых людей все же признают позитивное влияние революции, но для 23,21 % (т.е. почти четверти опрошенных) через 100 лет это – забытая страница истории. Отсутствие интереса к событию можно объяснить сохраняющимся расколом в обществе, продолжающейся политической борьбой, инфантилизмом.

Вместе с тем все опрошенные признали, что им известно, кто такие большевики. Более того, 96 чел. (85,71 %) утвердительно ответили на вопрос о том, способствовал ли приход к власти большевиков прогрессу страны. Обращает на себя внимание значительное число тех, кто еще не определился окончательно. Среди тех, кто выбрал пункт «скорее да, чем нет», 54 чел., тогда как число ответивших твердо «да» – 44 студента. Вместе с тем число тех, кто ответил «скорее нет, чем да», составило 11 чел., и только трое ответили твердо «нет».

Таким образом, та часть молодежи, которая сегодня не выработала однозначных суждений относительно оценки власти большевиков, через некоторое время придет к большей определенности в своих высказываниях, но это будет зависеть от будущих обстоятельств.

Еще более интересной выглядит оценка студентами роли В.И. Ленина в российской истории. То, с какой скоростью демонтируют памятники Ленину на соседней Украине, показывает, что именно он

является фактором российской идентичности (Зиновьев 2014: 136). В ходе опроса 99 студентов оценили его как выдающегося государственного деятеля, 4 чел. – отрицательно, 9 затруднились определить. Дополнительный вопрос о том, положительную или отрицательную роль сыграл В.И. Ленин в российской истории, выявил следующее: однозначно положительно его оценили 75 чел., 27 затруднились с ответом и 9 чел. высказались отрицательно. Показательно, что переход от отрицательной оценки личности Ленина в истории к положительной произошел после событий 2014 г. на Украине. Если в 2011 г. только 34,2 % опрошенных студентов Томского политехнического университета оценили деятельность В.И. Ленина позитивно, то в 1915 г. – 62 %, И.В. Сталина соответственно – 38,5 и 47,5 %, Л.И. Брежнева – 11,8 и 21 %, В.В. Путина – 71,6 и 84 %. До минимума снизился студенческий рейтинг Б.Н. Ельцина – 19,1 и 14 %, чуть вырос рейтинг М.С. Горбачева – 13,9 и 15 % (Guryeva 2016: Table 1).

В студенческой среде мало распространен научный взгляд (чаще всего по вине воспитателей молодого поколения), что деятельность великой личности необходимо оценивать комплексно, в контексте «долгого исторического времени», когда эти результаты можно увидеть более объективно. Если исходить из эмоциональной оценки, в рамках категорий «добра» и «зла», «нравится – не нравится», то не только роль личности, но и историю в целом понять невозможно. Необходимо отметить также, что данные опросов студентов другого вуза подтверждают высокий рейтинг сильных государственных исторических деятелей России: позитивные оценки политехников ТПУ в 2015 г. у Александра Невского – 59,4 %, Дмитрия Донского – 56,5 %, Ивана Грозного – 36,5 %; Петра Первого – 86,0 %, Екатерины Великой – 66 %. А вот у Николая Второго – только 31,5 %, несмотря на интенсивную раскрутку образа царя-мученика по телевидению и радио (Guryeva 2016: Table 1). По данным другого опроса, проведенного в 2014 г. в Томском университете систем управления и радиоэлектроники, отвечая на вопрос «Кого вы считаете наиболее значимыми лидерами в истории и современной России?», 66 студентов из 100 опрошенных выбрали В.В. Путина (Зиновьева 2014: 126).

Неопределенными фигурами для современных студентов выглядят представители Белого движения. А.В. Колчака как одного из участников Белого движения, но не как одного из лидеров, определили только 69 чел., 17 студентов назвали его «красным», а 26 затруднились с ответом.

В качестве открытого вопроса в анкету был внесен следующий: «Как вы считаете, кто такие “белые” и “красные” в истории гражданской войны?». 22 респондента отказались отвечать на этот вопрос.

Остальные 90 чел. (88,39 %) дали оценку этим политическим силам с позиций классовой борьбы. Определение «красные» в большей степени ассоциировалось у студентов с большевиками, революционерами, рабочими, крестьянами, солдатами, неграмотными, защитниками государства, народом, теми, кто воевал против «белых» и одержал победу.

«Белые» в восприятии потомков – это сторонники монархии, интеллигенция, «офицеры, которые были на обеспечении государства и служили царю», дворяне, помещики, чиновники, противники большевиков, либералы, те, кто потерпел поражение. Никто не назвал «белых» защитниками «единой и неделимой России», сторонниками Учредительного собрания. В исторической ретроспективе эти определения оказались совершенно забытыми и не востребованными.

Таким образом, данный анкетный опрос студентов вуза, проведенный через 100 лет после Октябрьской революции, показал, что наиболее единодушны студенты в оценке, во-первых, политики большевистской партии, которая, по их мнению, соответствовала прогрессивному развитию страны. Во-вторых, гражданская война продолжает рассматриваться потомками как борьба и победа народных сил («красных») против господ («белых»). В-третьих, в контексте оценки роли личности в истории большая часть респондентов признала В.И. Ленина выдающимся государственным деятелем России. Предположение о том, что у студентов в основной массе формируется непротиворечивый взгляд на историческое прошлое страны и доминирует позитивное восприятие исторического процесса в целом и значительных событий российской истории, подтвердилось. Молодое поколение России является активным участником процесса консолидации общества вокруг сильной личности – президента страны В.В. Путина – при твердом сохранении советской составляющей своей идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

Guryeva 2016 - *Guryeva I.Y., Soskovez L.I., Ivanova M.V., Krasilnikov S.A., Tyurina A.A.* Historical orientation and preferences of Tomsk's students // 3rd International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. SGEM 2016. Conference Proceedings 6–9 april, 2016. B. 3. Vol. 1. Vena, Austria, 2016. P. 113–120.

Зиновьев 2014 - *Зиновьев В.П., Жеравина А.Н.* Советская составляющая российской идентичности // Русин. 2014. № 4 (38). С. 130–138.

Зиновьева 2014 - *Зиновьева В.И., Берсенев М.В., Шульмин М.П., Марагина А.А., Тибеккина С.С.* Социальная идентичность молодежи в техническом

вузе: проблемы коммуникации и ментальной устойчивости / Под ред. проф. Н.А. Грика. Томск: Изд-во Том. ун-та систем управления и радиэлектроники, 2014. 199 с.

Могильницкий 2008 - *Могильницкий Б.Г.* Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к ее осмыслению // Русская революция в контексте истории: Материалы регион. науч. конф. (Томск, 6–8 ноября 2007 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 320 с.

REFERENCES

Guryeva, I.Yu., Soskovets, L.I., Ivanova, M.V., Krasilnikov, S.A. & Tyurina, A.A. (2016) Historical orientation and preferences of Tomsk students. *Social Sciences and Arts. SGEM 2016. Proc. of the The Third International Multidisciplinary Conference*. Vienna. April 6–9, 2016. 3(1). pp. 113–120.

Zinoviev, V.P. & Zheravina, A.N. (2014) The Soviet component of Russian identity. *Rusin*. 4 (38). pp. 130–138. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/10

Zinovieva, V.I., Bersenev, M.V., Shulmin, M.P., Maragina, A.A. & Tibekina, S.S. (2014) *Sotsial'naya identichnost' molodezhi v tekhnicheskoy vuzе: problemy kommunikatsii i mental'noy ustoychivosti* [Social Identity of Young People in an Engineering University: Problems of Communication and Mental Stability]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

Mogilnitskiy, B.G. (2008) [The Russian Revolution in the long-term perspective: New approaches to its comprehension]. *Russkaya revolyutsiya v kontekste istorii* [The Russian Revolution in the Historical Context]. Proc. of the Regional Conference. Tomsk. November 6–8, 2007. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Zinovieva Valentina - Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: isr@main.tusur.ru

УДК 94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/10

СЛАВЯНСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ МОЛДАВИИ: НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И МИФОТВОРЧЕСТВО*

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

После распада СССР многие казавшиеся незыблемыми исторические истины подверглись критической переоценке в курсах национальных историй. Не обошла стороной данная кампания и Республику Молдова, где подверглись кардинальной ревизии «проблемные», на взгляд официальной исторической науки, вопросы. Среди них – роль славянского фактора в истории Карпато-Днестровских земель, «бесарабский вопрос», Молдавия в составе советского «тоталитарного» государства и др. Освещая «славянский фактор» в истории страны, авторы учебников истории пытаются исказить роль восточных славян (русинов) в этногенезе молдаван, создании молдавской государственности, культуры и языка. В то же время Молдова – единственная из всех постсоветских государств, где с момента провозглашения независимости во всех учебных заведениях преподается не история страны, а история румын – одного из ее национальных меньшинств. Преподавание этого антиславянского, русофобского по своей направленности курса не способствует консолидации проживающих на ее территории этносов.

Ключевые слова: Молдавия, Республика Молдова, национальная история, история румын, молдаване, румыны, славяне, русины.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 17-01-00089 «Русины Карпато-Днестровских земель с XIV в. до 1918 г.».

THE SLAVIC FACTOR IN THE HISTORY OF MOLDOVA: SCIENTIFIC RESEARCH AND MYTH-MAKING*

S.G. Sulyak

Saint Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

After the collapse of the USSR, many unshakable historical truths were subject to a critical reassessment in national histories. Moldova was not immune to this campaign; and many acute issues were subject to rethinking by the official history. These issues included the role of the Slavic factor in the history of the Carpathian-Dniester Lands, the Bessarabian problem, Moldavia (Moldova) as part of the Soviet "totalitarian" state, and others. Covering the "Slavic factor" in the history of the country, the authors of history textbooks try to distort the role of the Eastern Slavs (Rusins) in the ethnogenesis of Moldovans, formation of Moldovan statehood, culture and language. Moldova is the only post-Soviet state where since the proclamation of independence all educational institutions teach not the history of the country, but the history of Romanians – one of the national minorities in the country. This anti-Slavic and Russophobic course does not contribute to the consolidation of ethnic groups living on the territory of Moldova.

Keywords: Moldova, Republic of Moldova, national history, history of Romanians, Moldovans, Romanians, Slavs, Rusins (Rusyns).

Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь.

Марк Ферро (Ферро 1992: 13)

О том, что национальные истории на постсоветском пространстве стали одними из самых яростных на сегодняшний день «полями сражений», написано немало работ (Национальные истории 2003;

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 17-01-00089 "Rusyns of the Carpatho-Dniestrian Lands (from the 14th century to 1918)".

Национальные истории 2009; Бордюгов 2011; Бордюгов, Бухараев 2011). Эти битвы за историю, на наш взгляд, – закономерный процесс. Нас, живущих на постсоветском пространстве, пока еще объединяет единая принадлежность к Русскому миру. Русский мир – это общая историческая память, единые культура и язык, а во многих случаях и единая вера – православие (хотя Русский мир уже давно мульти-религиозен). Поэтому неудивительно, что фальсификация истории, «корректировка» исторической памяти населения бывших союзных республик стали одним из основных направлений продолжающейся информационно-психологической войны.

Наиболее показательна в этом плане принятая в Республике Молдова в качестве официального учебного курса «История румын». Парадокс заключается в том, что вот уже 27 лет в Молдавии вместо истории страны во всех учебных заведениях изучается история одного из ее национальных меньшинств. Причем в соседней стране, финансирующей выпуск данного курса для Молдавии, изучается история страны (История Румынии).

В данной статье рассматривается один из «проблемных» вопросов современной молдавской историографии: роль славянского фактора в истории страны. В качестве источников использованы учебники курса «История румын», вышедшие с 1992 г. по настоящее время.

При работе над статьей использовались пособия, официально переведенные с румынского на русский язык, для преподавания в учебных заведениях Молдовы с русским языком обучения. В цитатах были исправлены многочисленные грамматические ошибки, а пунктуация приведена согласно требованиям русского языка.

С 1991 по 2006 г. в Молдавии во всех учебных заведениях изучали курс «История румын». В 2002 г. правившая в то время Партия коммунистов предприняла неуклюжую попытку заменить его на «Историю Молдовы». В 2006 г. коммунистам удалось ввести, опираясь на рекомендации Совета Европы, дисциплину «Интегрированная история». Однако в результате история румын была объединена в рамках данного курса со всеобщей историей. А в 2012 г. вышел приказ министра просвещения, согласно которому в учебных заведениях республики стали преподаваться история румын и всеобщая.

Несмотря на проводимую молдавскими госструктурами совместно с унионистами всех мастей и при поддержке официальных кругов соседней Румынии политику денационализации мажоритарного этноса, результаты переписей 2004 и 2014 гг. свидетельствуют, что большинство населения по-прежнему идентифицирует себя как молдавانه. Значительную материальную помощь в проведении последней переписи оказало правительство Румынии, частично ее

результаты были обнародованы только в конце марта 2017 г. (Сайт) Все это заставляет сомневаться в ее объективности. Однако, несмотря на резкое увеличение числа молдавских граждан, записавших себя румынами, представители данного этноса по-прежнему остаются национальным меньшинством (см. табл.).

Этническая принадлежность	Перепись 2004 г., чел.	Перепись 2014 г., чел.
Общая численность населения	3 383 332	2 804 801
Молдаване	2 564 849 (75,8 %)	2 068 058 (73,7 %)
Украинцы	282 406 (8,4 %)	181 035 (6,5 %)
Русские	201 218 (5,9 %)	111 726 (4,0 %)
Гагаузы	147 500 (4,4 %)	126 010 (4,5 %)
Румыны	73 276 (2,2 %)	192 800 (6,9 %)
Болгары	65 662 (1,9 %)	51 867 (1,8 %)
Цыгане	12 271 (0,4 %)	9 323 (0,3 %)
Другие этносы	22 130 (0,7 %)	13 900 (0,5 %)

Источник: Сайт Национального бюро статистики Республики Молдова (Url: <http://www.statistica.md>).

Однако национальный состав страны мало интересует молдавских унионистов, так же, как и мнение ее граждан. К примеру, по результатам опроса «Барометр общественного мнения», проведенного в 2012 г., 64 % населения высказались за то, чтобы в школах изучалась история Молдовы, только 15 % – история румын и 14 % – интегрированная история (Institutul 2012: 67). Однако курс «История румын» продолжает проявлять удивительную живучесть.

Как и на всем постсоветском пространстве, в преподаваемом курсе истории были переписаны наиболее проблемные, на взгляд унионистских сил, вопросы: роль славянского фактора в истории Карпато-Днестровских земель, так называемый бессарабский вопрос (теперь здесь рассказывается об «аннексии» царской Россией Пруто-Днестровских земель, «русификаторской» политике царизма в Бессарабии, «оккупации» Бессарабии Советским Союзом т. д.), существование Молдавии в составе советского «тоталитарного» государства и т. д.

Так как разбор всех проблемных вопросов, подвергшихся кардинальной ревизии в молдавских учебниках истории, довольно обширен, остановлюсь на освещении роли восточных славян (русинов) в истории Молдавии.

Игнорирование роли славян в истории Карпато-Днестровских земель, этногенезе румын и молдаван, отрицание роли болгар в со-

здании Валахии, а также в формировании культуры и языка румын (валахов), а русинов – в создании Молдавии, культуры и языка молдаван, отказ славянам в праве на автохтонность являются одним из основных постулатов курса «История румын».

Общеизвестно, что Карпато-Дунайский регион (по версии унионистских историков, Валахия, Молдавия, Трансильвания – земли «румынского пространства») является регионом славянского этногенеза. В IV–VII вв. земли Северо-Западного Причерноморья вплоть до Дуная были заселены восточными славянами (антами). В VIII–X вв. здесь обитали племена уличей, тиверцев и хорватов – предков современных русинов. К X в. их земли вошли в состав Древнерусского государства, а в конце XI в. выделились в отдельное Галицкое княжество. Молдавское княжество возникло на землях, ранее входивших в состав Галицкого княжества, во время обострения войны за галицко-волинское наследство (дата основания – 1359 г.) (Суляк 2012: 5).

Русинское влияние заметно во всей молдавской дипломатике XIV–XVII вв.: оно видно в некоторых зафиксированных обычаях волошской общины, сходных с нормами «Русской правды», наименовании глав общин, постоянном упоминании славянских имен и прозвищ, в том числе и представителей феодальной верхушки, среди топонимов и гидронимов, перечисляющихся в грамотах XIV–XV вв., в том числе и с корнем *рус-* (Суляк 2016b).

Большинство исследователей придерживается мнения, что языком молдавской средневековой дипломатии был западнорусский (южнорусский), т. е. язык местного древнерусского (русинского) населения (называемого молдавскими летописцами «рушь» – русские), который оказал большое влияние на развитие молдавского языка (Суляк 2016a).

О русинах постоянно упоминают молдавские летописи. С. Даскал в «предисловии» к молдавской летописи Г. Уреке подчеркнул, что страна создана из двух языков: из румын (имеются в виду восточные романцы. – С.С.) и русских, и до сего дня (вторая половина XVII в. – С.С.) половина страны состоит из русских и половина – из румын (Letopisețul 1990: 28). Молдавский ученый Л.Л. Полевой, проанализировав названия сельских поселений Молдавии XIV – середины XV в., сделал вывод, что восточнославянского (русинского) населения Молдавского княжества в середине XIV в. было 39,5 %, а в первой трети XV в. – 26,5 % (Полевой 1979: 113).

В XVII в. молдавский летописец М. Костин писал, что русины (русские) «заселяли Черновицкий и Хотинский уезды и весь район Днестра, Сорокский и Оргеевский уезды и по Пруту – половину Ясского уезда и половину Сучавского уезда» (Costin 1958: 233).

Русинская составляющая привела к появлению у молдаван этнокультурных и антропологических отличий от других групп восточных романцев, в том числе и валахов. Профессор Ясского университета И. Бэрбулеску указывал, что волохи стали приобретать молдавские черты с XIII в. благодаря смешению и проживанию с русинским элементом (Bărbulescu 1929: 81). Это подтверждают антропологические исследования М.С. Великановой, отметившей восточнославянскую направленность облика молдаван (как современной Молдавии, так и Запрудской Молдовы) (Великанова 1993: 88–89).

Хотя со временем большая часть русинов вошла в состав молдавского этноса, значительная часть их компактно проживала на севере Карпато-Днестровских земель (север Бессарабии и Буковина). По сведениям российских дореволюционных исследователей, численность русинов Бессарабии определялась во второй половине XIX в. в пределах от 100 до 130 тыс., в начале XX в. – от 250 до более 270 тыс. человек (1/7 часть населения губернии) (Суляк 2015: 102). На наш взгляд, это число было гораздо выше, так как русины проживали на всей территории Бессарабии, в том числе и в молдавских селах.

Среди населения Республики Молдова, в том числе среди молдаван и румын, распространены фамилии с суффиксами *-ук/-юк/-чук, -ак/-як, -ей, -ский/-цкий*, относящиеся к юго-западной ветви восточнославянских фамилий (т.е. в большинстве своем русинского происхождения. – С.С.), а среди «этнических» фамилий – самые популярные с корнем «рус-». Наиболее распространенной фамилией в Молдавии является Rusu (Русу, от *рус* – русский). Ее носят в Республике Молдова 23 028 чел. (данные на начало 2011 г.) (Суляк 2017: 88).

Первые учебники, изданные сразу после распада СССР и принятия в 1992 г. Министерством науки и образования РМ программы «История румын», передают эйфорию, царившую в то время в унионистских кругах, надеявшихся на скорое присоединение Молдавии к Румынии. В тот период была переиздана (в том числе и в переводе на русский язык) монография румынского историка П.П. Панаитеску, выпущен ряд учебников, разработанных румынскими историками из Ясского университета (Ожог, Шаров 1992: 3). Как считал историк-унионист А. Петренку, автор предисловия к одному из первых изданных в Молдавии курсов лекций по истории румын, «провозглашение государственной независимости и суверенитета Республики Молдова, глубокие демократические процессы, происходящие в посткоммунистическом обществе, открыли широкую возможность для объективного и непредвзятого освещения истории румынского народа независимо от мест его проживания». По его мнению, «перед обществом возникла проблема объективного освещения прошлого республики (вряд ли с

декларируемой задачей может справиться курс этнической истории одного из национальных меньшинств страны. – С.С.) со всеми его достижениями и драматическими, а порой и трагическими моментами». Советская «молдавская» (в предисловии слова заключено в кавычки. – С.С.) историография, утверждает автор, была основана «на нескольких выборочных догмах марксистско-ленинского учения с целью обслуживания партаппарата, временного хозяина страны» (Ожог, Шаров 1992: 3). Это, правда, не мешает авторам подобных курсов игнорировать результаты многочисленных исследований не только советских ученых, их коллег из социалистической Румынии, но и дореволюционные работы российских и зарубежных, в том числе и румынских исследователей.

Румынские историки из Ясс (Запрутская Молдова) самонадеянно провозгласили цель своего труда – стать «средством информирования» бессарабцев и «политическим выбором на будущее». Исходя из этого, они «попытались удовлетворить эти потребности, подчинив свои знания лишь научному духу и строго следуя принципам исторической правды (??? – С.С.)» (Тодиращку и др. 1992а: 1).

В написанном другими яскими историками учебнике «История румын. Новейшая эпоха» опубликовано «судьбоносное» для румынского народа открытие: границей между Европой и Азией является линия, «начинающаяся от устья Дуная и кончающаяся у Балтийского моря». Из этого исследователи делают «очень важные» выводы. Некоторые из них мы приводим:

1. «Румыния является самым передовым бастионом Европы перед Азией», «передовым рубежом перед жаром степей Азии».

2. «Все наши соседи являются более новыми народами, принявшими христианство гораздо позже».

3. «Всем своим соседям, исходя из обстоятельств, мы оказывали культурную и политическую помощь» (История румын 1992: 4).

Рассмотрим подробнее, как освещается «славянский фактор» в молдавских учебниках, и какова роль славян, по мнению авторов данных учебников, в истории Молдавии.

Ожог И.А., Шаров И.М. Краткий курс лекций по истории румын.

Ч. 1. Древняя и античная история. Кишинев: Молдав. гос. ун-т, 1992: «В начале VI в. в Карпато-Дунайско-Понтийский регион с северо-востока мигрируют племена древних славян: антов и славинов. Будучи союзниками аваров, они продвигались на юг к Балканам с целью грабежа богатых областей Византийской империи... Чтобы быть ближе к областям, опустошение которых приносило доходы, во второй половине VI в. славяне начинают селиться на землях к северу от Дуная, где проживало древнероманское население». Разумеется,

«славяне стояли на более низкой ступени развития, чем культура коренного населения». Это «привело к временному спаду уровня жизни и материальной культуры Дакии. Ремесла и торговля не прогрессировали». В таком случае совсем нелогично звучит следующая фраза: «В отличие от других мигрировавших племен, славяне, будучи земледельцами, хоть и находились в регионе в течение непродолжительного времени, однако в относительно большей степени оказали влияние на коренное население, чем другие племена» (Ожог, Шаров 1992: 48).

Непонятно в данном случае, как «славянские мигранты» ухитрились оказать влияние и на румынский язык, который «содержит в своем лингвистическом фонде значительный процент (16–20 %) славянских слов». Авторы курса специально делают акцент, что «все они южнославянского происхождения, т. е. болгарского, и, следовательно, не могли проникнуть в румынский язык раньше IX в., когда появляется южнославянская ветвь» (Ожог, Шаров 1992: 52).

Отсутствуют славяне и в «этнических составляющих» формирующегося с начала VIII в. румынского народа (??? – С.С.) (Ожог, Шаров 1992: 47). Оказывается, «основной этнический фонд румынского народа составляют северные фракийцы – гето-даки» (однако, по данным авторов, в современном румынском языке сохранилось только около 100 слов фракийского происхождения) (Ожог, Шаров 1992: 52), «эпоха романизации в период римского господства в Дакии была решающим этапом в процессе образования румынского народа». «В результате этнокультурного синтеза автохтонного элемента с носителями латинского языка образовалась этническая общность – дако-римляне» (Ожог, Шаров 1992: 51).

История румын. Древний мир / Пер. с рум. Кишинэу-Яшь: Университас, 1992: «В момент проникновения на территории, населенные романским населением (с VI в.), у славян была совершенно рудиментарная, зачаточная культура. <...> И в социальном аспекте славяне намного уступали романскому населению. <...> Славяне и в религиозном аспекте отличались от романского населения, которое было подвержено латиноязычному христианству (??? – С.С.)» (Тодиращку и др. 1992а: 179–180).

«Низкий уровень развития не смог обусловить сколько-нибудь существенного славянского влияния на местное население. Исследования доказали (??? – С.С.), что происходил как раз обратный процесс, от романиков к славянам (??? – С.С.)». «Единственное славянское слово (??? – С.С.), проникшее в румынский язык в тот ранний период, было слово шкяу от *sclavus*, *sclavinus* (наименование славян)» (Тодиращку и др. 1992а: 180–181).

«Расселение славян на Балканском полуострове (авторы имеют в виду 692 г. – С.С.) привело к нарушению единства восточного романского мира, к оттеснению отдельных романских групп на юг, юго-запад и север Балканского полуострова, к разрыву придунайского романского мира, к созданию условий для свободного, самостоятельного развития северодунайского романского мира и ассимиляции остатков славян на карпато-дунайской территории» (Тодиращу и др. 1992а: 181).

Авторы не забыли подчеркнуть: «Славянское влияние на румынский язык пришлось на гораздо более позднее время – примерно начиная с IX–X вв., и оно никак не могло нарушить истинно романский характер румынского языка» (Тодиращу и др. 1992а: 195).

История румын. Средневековая эпоха / Пер. с рум. Г. Бербекару. Кишинэу; Галац: Порто-Франко, 1992: «Румынское карпато-днестровское пространство поддерживало контакты с этой политической формацией (имеется в виду Галицко-Волынское княжество. – С.С.) как в экономическом, так и политическом аспектах. Что касается галицкого владычества до Дуная, в том числе над северной и восточной частями будущего государства Цара Молдовей, то претензии относятся к разряду исторических легенд» (Тодиращу и др. 1992b: 10).

Оригинально подошли авторы и к проблеме отсутствия упоминаний о румынах в раннесредневековых источниках: «Хотя период румынского этногенеза к этому времени уже завершился, письменные упоминания о румынах запаздывали. А когда период молчания, наконец, был прерван, румыны появились в средневековых письменных источниках под иным этнонимом (влах – влахи – термин германского происхождения, которым в различных вариантах назывались романские народы), чем тот, которым они сами называли: румын – румыны, утверждая тем самым свое романское происхождение» (Тодиращу и др. 1992b: 10). «Румыны упоминаются в письменных источниках довольно поздно по той причине, что миролюбивые народы не попадали в поле зрения тех, кто фиксировал тогда исторические события. Они отдавали нескрываемое предпочтение воинственным фактам, массовым переселениям народов, нарушавшим установленный порядок в мире и создававшим угрозу разрушений. Румыны же были оседлым народом, возделывающим землю и выращивающим животных. По той причине они не вызвали интерес, не попадали в число народов, пользовавшихся вниманием дьяков – составителей документов и историков» (Тодиращу и др. 1992b: 10–11).

Далее о славянах ничего нет, хотя по именам некоторых правителей «румынских княжеств» можно сделать вывод и об их славянском происхождении (мятеж Литового на территории будущей Цара Ро-

мыняскэ после 1247 г., первый господарь Цара Ромыняскэ с 1324 г. Басараб, сын Тихомира, преемника Сенеслау (Тодирашку и др. 1992b: 47–48) и т. д.).

Ожог И.А., Шаров И.М. Краткий курс лекций по истории румын. Кишинэу: Cartdidact, 1997: «Первичную этическую основу румынского народа составляют северные фракийцы – гето-даки (до настоящего времени, как уточняют авторы, в румынском языке сохранилось всего от 160 до 180 слов фракийского происхождения. – С.С.». «Эпоха романизации в период римского господства в Дакии была решающим этапом процесса образования румынского народа. В результате этнокультурного синтеза автохтонного элемента с носителями латинского языка образовалась этничная общность – дако-римляне. Процесс этнокультурного синтеза продолжался и после ухода римских легионов из Дакии, в результате римского влияния с южных берегов Дуная. Вопреки трудным условиям, сложившимся ввиду миграции варварских племен, к середине VI века образуются проторумыны, а о начале VIII века уже можно говорить как о времени оформления румынского народа».

«Румынский язык содержит в своем лингвистическом фонде значительный процент (16–20 %) славянских слов. Было установлено, что все они южнославянского происхождения, т. е. болгарского, и, следовательно, не могли проникнуть в румынский язык раньше, чем в IX веке, когда появляется южнославянская ветвь. К тому времени процесс образования румынского языка завершился» (Ожог, Шаров 1997: 45–46).

«В период поздних миграций письменные источники (имеются в виду источники второй половины XII–XIII в. – С.С.) упоминают о румынском населении на территории Молдовы лишь косвенно, так как общеизвестно, что основное внимание в них уделялось главным образом представителям мигрирующих господствующих народностей, а не подданным» (Ожог, Шаров 1997: 52).

Не объясняют авторы курса, почему славянский язык использовался в господарской канцелярии и церкви: «На протяжении нескольких веков, вплоть до XVII века, в господарских канцеляриях, во внутренней и внешней корреспонденции, в монастырях, церквях и частной переписке использовался старославянский церковный язык. <...> Первые письменные произведения на румынском языке появились в конце XV – начале XVI в. в Марамуреше и носили исключительно религиозный характер» (Ожог, Шаров 1997: 93, 95).

Кокырлэ П., Драгнев Е., Драгнев Д., Гонца Г. История средних веков. Всеобщая история. История румын. Учебник для 6 класса общеобразовательной школы Республики Молдова. Кишинэу: Civitas, 1999:

«В 602 г. славянским племенам, переселившимся до этого в Карпато-Днестровское пространство, удается пересечь дунайскую границу Византийской империи и поселиться на Балканском полуострове. В результате этого события прекращаются связи восточных романцев с остальным романским миром. На юге Балканского полуострова они вынуждены были постепенно уйти в горные зоны в глубь полуострова. На севере от Дуная оставшееся славянское население оказало определенное влияние на материальную культуру, на социальную, политическую и духовную жизнь местных жителей. Но в целом это не изменило их романский облик. Постепенно, в VII–IX веках, местное романское население ассимилировало живших там славян и окончательно сформировалось как самостоятельный народ. Этот народ создал на всем занимаемом пространстве единую цивилизацию...».

Говоря о письменных источниках, авторы упоминают некоторые, датируемые второй половиной IX–XII в. Столь позднее появление «коренного» румынского населения, по мнению авторов, «свидетельствует о том, что в отношении с другими народами румыны стали проявлять себя в качестве сформировавшейся независимой силы. Вот почему источники, которые на протяжении длительного периода обходили молчанием румын, стали отмечать их как полноправных участников политической жизни этого региона Европы» (Кокырлэ и др. 1999: 173–174).

Касательно формирования «румынского» языка авторы утверждают, что «до начала VII века, когда славяне поселились к югу от Дуная, этот язык был уже в основном сформирован и стал общим на обоих берегах этой реки. В VII–VIII вв. к северу от Дуная, одновременно с процессом ассимиляции славянского населения, в румынский язык проникают славянские слова. Но на этом этапе их было мало, поскольку связи славян с местным населением еще были слабыми».

«В IX–X веках, благодаря политическому и религиозному влиянию соседних славянских стран, особенно болгарскому, в румынский язык проникает большое количество славянских слов более позднего происхождения. После раздела христиан на католиков и православных при посредничестве южных славян в румынском обществе стала распространяться православная вера. Одновременно с ней в румынские земли проникали и религиозные книги, написанные на старославянском языке. Это также способствовало распространению славянских слов в румынской среде. Из славянского языка заимствовались слова, относящиеся к именам, религиозному культу, социальному и политическому устройству, названиям рек, гор, местностей, занятий и т.д. Но лексический фонд языка (то есть слова, которые означают основные понятия) остался в основном латинским. Славянские слова

придали румынскому языку определенную специфику. Такую же специфику западнороманским языкам придало влияние германских языков. Но в целом языки как западных, так и восточных романцев сохранили романский облик» (Кокырлэ и др. 1999: 176).

Упомянув, что в иностранных источниках одним из названий Молдавии было «Русовлахия», имеется в виду, подчеркивают авторы, Влахия, расположенная вблизи Литовско-Русского княжества (Кокырлэ и др. 1999: 193) (с 1395 по 1401 г. в актах Константинопольской патриархии появляется название «Росовлахия» (Ρωσοβλαχία) в качестве названия страны. В то время территория Карпато-Днестровских земель (бывшие земли Галицкого княжества) канонически подчинялась Галицкой митрополии. – С.С.).

«Начиная с X в. в древнерумынской среде распространяется церковнославянский язык, который использовал кириллический алфавит (кириллица)... Кириллица была воспринята православной церковью славян, а затем распространилась и среди румынского населения». «Самые древние дошедшие до нас рукописи, написанные на славянском языке на территории румынских государств, относятся к XIII–XIV векам. Наиболее древние документы, написанные на славянском языке в господарских канцеляриях, относятся к последним десятилетиям XIV века. <...> Славянский язык сыграл в культуре румынских стран ту же роль, что и латынь в Западной и Центральной Европе. На славянском языке была создана богатая литература церковного и светского содержания. Но грамотных людей было очень мало, даже в среде господарей, бояр и купцов. Поэтому славянский язык знал ограниченный круг людей. <...> На славянском языке были написаны первые произведения древнерумынской литературы как церковного, так и светского содержания» (Кокырлэ и др. 1999: 268–269).

«Экономическое развитие румынских государств в первой половине XIV века способствовало распространению письменности на языке, который бы понимали все слои румынского общества. <...> Поэтому начался перевод церковных книг на румынский язык. Первыми рукописями на румынском языке являлись церковные книги (псалтыри), переведенные со славянского языка. <...> Но пройдет почти столетие, пока румынский язык станет единственным официальным языком господарских канцелярий Молдовы и Валахии» (Кокырлэ и др. 1999: 271).

Кокырлэ П., Драгнев Е., Драгнев Д., Гонца Г. История средних веков. Всеобщая история. История румын. Учебник для 6 класса. Кишинэу: Ştiinţa, 2001: Восточнороманская общность «сложилась и утвердилась в VI–VII веках на территории, расположенной между Тисой, обоими берегами Днестра и Черным морем, а также на севере

Балканского полуострова». Появившиеся в Византийской империи в 602 г. славянские племена «поселились на Балканском полуострове», «восточные романцы оказались в изоляции, практически прекратив отношения с остальным римским миром». Часть из них «вынуждена была уйти горные регионы Балканского полуострова», большая часть, проживавшая к северу от Дуная, «была подвержена определенному влиянию славян, особенно после их крещения». «Несмотря на то что это влияние распространилось частично и на материальную культуру, и на социальную структуру, и на политическую и духовную жизнь, романский облик местного населения не был изменен. Более того, местное население постепенно ассимилировало остатки славянских племен, совместно с ним проживающих, и сумело утвердиться как самостоятельный этнос».

«В VII–VIII вв. к северу от Дуная в румынский язык начинают проникать отдельные древнеславянские слова. <...> В X–XI вв., благодаря политическому и религиозному влиянию соседних славянских государств, в румынский язык проникают славянские слова более позднего происхождения. Главным образом это названия имен, рек, местностей (как известно, топонимы и гидронимы пришлое население перенимает от местного. – С.С.), а также термины, связанные с повседневной деятельностью и культом... Но ни славянское, ни германское влияние (имеются в виду западнороманские языки. – С.С.) не смогли изменить сущность романских языков» (Кокырлэ и др. 2001: 133–134).

В главе «Развитие культуры румынских княжеств в XIV – середине XVI века» написано без какого-то пояснения: «Языком церковных писаний становится старославянский язык, признанный священным наряду с латинским и греческим (помимо древнегреческого, латыни и церковнославянского, языком богослужения был и древнееврейский. – С.С.). Этот язык стал и официальным языком господарской канцелярии». И только «на рубеже XV–XVI веков появились первые рукописи на румынском языке» (Кокырлэ и др. 2001: 189).

Драгнев Д., Драгнев Е., Мискевка В., Варта И., Шишкану И. История румын. С древнейших времен до наших дней / Пер. с румын. Е. Максименко. Кишинэу: Civitas, 2002: «В процессе складывания румынского народа могут быть отмечены его базовые составные части. Самым древним компонентом (называемым также "субстратом", основной) являются северные фракийцы или гето-даки... Второй основополагающий компонент этногенеза румын - римский элемент (или "страт", "слой")». Процесс формирования единого этноса (проторумын или восточных романцев) и единого «проторумынского» языка завершился к VI в.».

«Поверх румынского населения, которое вело скудную трудовую жизнь в сельских общинах, прокатилась в VI–VII в. волна славянских

племен, мигрировавших по долине реки Тиса и Молдове. Славяне прорвали в 602 г. византийскую границу ("лимес") по Дунаю и наводнили Балканский полуостров, вплоть до Греции. Это событие имело серьезные последствия для дако-романского (или восточнороманского) сообщества. В результате проторумынское население южнее Дуная со временем ославянилось либо ушло в горы, дав рождение этническим группам "македоно-румын", "исто-румын" и т. д.

По-другому развивались отношения восточнороманского населения со славянами к северу от Дуная. Здесь коренное (автохтонное) население численно значительно превосходило славян, что со временем привело к их растворению (ассимиляции).

Славяне в известной степени повлияли на этногенез румын, составили "субстрат", надстройку в процессе завершения становления румынского народа (VI–X вв.).

Сами став оседлыми земледельцами и животноводами, славяне долгое время жили бок о бок с коренным населением, оставив в румынском языке такие слова славянского происхождения, как "плуг", "приетен", "драг", "юбуре" и др., которые указывают на многообразные повседневные и бытовые связи соседей. Роль славян в этногенезе румын можно сравнить с ролью германцев в становлении западно-романских народов: французов, итальянцев, испанцев, португальцев» (Драгнев и др. 2002: 31).

«Славянское население не изменило "латинского" характера румынского языка, при этом проявив себя обогащением последнего примерно на 20 % словарного состава».

«Самое древнее упоминание о румынах встречается в "Географии" армянского ученого Мойзе (Мовсеса) Хоренаци (вторая половина IX в.) (большинство ученых считает, что Мовсес (Моисей) Хоренаци жил в конце V в., а автором "Географии" (Ашхарацуйц) являлся Анания Ширакати, армянский географ VII в., т. е. живший в то время, когда румыны, если верить данному учебнику, еще не сформировались. – С.С.)» (Драгнев и др. 2002: 33).

Старославянский язык, «представленный в средневековой румынской культуре в своем "среднеболгарском" варианте, пришел на север от Дуная задолго до основания румынских княжеств (примерно с X в.). Он становится официальным языком господарских канцелярий и православного христианского культа. Тот факт, что старославянский язык стал языком средневековой румынской культуры, объясняется особенностью конкретно исторических условий складывания (этногенеза) румынского народа в изоляции как от западного «латинского» мира, так и от «греческого» византийского, поскольку румынское пространство было окружено территориями, занятыми народами-

мигрантами: венграми – с запада и славянами – с юга» (Драгнев и др. 2002: 78).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. По мнению авторов учебников по истории румын, славяне появляются в Карпато-Дунайском Северочерноморском регионе в VI в.

2. Славяне стояли на более низкой ступени развития, чем «коренное» румынское население.

3. Остатки славян в данном регионе были ассимилированы румынами к VIII в.

4. Славяне не являются «этническими составляющими» румынского народа, так как проторумыны появились уже в VI в., а румыны – в VIII в.

5. Славяне не сыграли значительной роли в образовании румынских (валашской и молдавской. – С.С.) культуры и языка.

6. Отсутствие до XII в. упоминания о румынах в средневековых источниках авторы учебников объясняют их «миролюбивым характером».

7. Использование славянского языка в качестве официального в Валахии и Молдавии с момента образования княжеств, а церковно-славянского – в церкви объясняется влиянием соседних славянских государств. Языком валашских и молдавских грамот, по мнению авторов курса, является не просто славянский язык, а южнославянский, староболгарский.

8. Отсутствуют упоминания о проживании славян на территории Валашского (болгар) и Молдавского княжеств (русинов).

9. В учебниках отрицается существование молдавского народа и его государственности.

Итак, авторы подвергли сомнению все прежние наработки румынской и молдавской историографии, вопреки логике «вычеркнули» славян из истории Валашского и Молдавского княжеств. В учебниках нет упоминаний об антах, уличах, тиверцах, живших в Карпато-Днепровских землях, о том, что ранее значительная часть территории будущего Молдавского княжества входила в состав Древней Руси, а затем Галицкого княжества, что русины составляли вторую по численности часть населения княжества и именно их язык был официальным языком княжества до начала XVIII в., о вкладе русинов в молдавскую государственность, построенную по древнерусским образцам, молдавские язык и культуру.

Вряд ли выдерживают серьезную критику попытки «удревления» румынского этноса и языка, невнятные объяснения длительного отсутствия упоминаний о румынах (восточных романцах) в Карпато-Днепровских землях и наличия многочисленных топонимов и гидронимов восточнославянского происхождения, а также присутствия до

20 % слов славянского происхождения в языке (в основном фонде современного молдавского языка около 2 тыс. слов восточнославянского происхождения) и т. д.

Таким образом, данный антинаучный курс носит явно выраженный националистический, антиславянский и русофобский характер, что явно не способствует консолидации всех этносов, проживающих в Республике Молдова.

К сожалению, многочисленные попытки граждан, а также Ассоциации молдавских историков и политологов «Pro-Moldova» добиться запрета преподавания антигосударственного курса «История румын» в судебном порядке или привлечь к ответу его авторов за разжигание ксенофобии и оскорбление национальных меньшинств пока успехом не увенчались.

ЛИТЕРАТУРА

Бордюгов 2011 - *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисл. Алана Касаева. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.

Бордюгов, Бухараев 2011 - *Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI, 2011. 248 с.

Великанова 1993 - *Великанова М.С.* Антропология средневекового населения Молдавии: (По материалам памятника Старый Орхей). М.: 1993. 260 с.

Драгнев и др. 2002 - *Драгнев Д., Драгнев Е., Мискевка В., Варта И., Шишкану И.* История румын. С древнейших времен до наших дней / Пер. с румын. Е. Максименко. Кишинэу: Civitas, 2002. 304 с.

Кокырлэ и др. 1999 - *Кокырлэ П., Драгнев Е., Драгнев Д., Гонца Г.* История средних веков. Всеобщая история. История румын. Учебник для 6 класса общеобразовательной школы Республики Молдова. Кишинэу: Civitas, 1999. 319 с.

Кокырлэ и др. 2001 - *Кокырлэ П., Драгнев Е., Драгнев Д., Гонца Г.* История средних веков. Всеобщая история. История румын. Учебник для 6 класса / Драгнев Д., Гонца Г. История румын. Средние века / Пер. с румын. Л. Шебнев, О. Мунтяну. Кишинэу: Ştiinţa, 2001. 224 с.

История румын 1992 - История румын. Новейшая история. Кишинев; Яссы, 1992. 127 с.

Национальные истории 2003 - Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова; Предисл. Ф. Бомсдорфа. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2003. 432 с.

Национальные истории 2009 - Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. 372 с.

Ожог, Шаров 1992 - *Ожог И., Шаров И.* Краткий курс лекций по истории румын. Ч. 1. Древняя и античная история / Пер. с рум. А.Н. Заноч. Кишинев: Молдав. гос. ун-т, 1992. 59 с.

Ожог, Шаров 1997 - *Ожог И.А., Шаров И.М.* Краткий курс лекций по истории румын. Кишинэу: Cartdidact, 1997. 214 с.

Полевой 1979 - *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. 204 с.

Сайт - Сайт Национального бюро статистики Республики Молдова. URL: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=479&> (дата обращения: 2.07.2017).

Суляк 2012 - *Суляк С.Г.* Молдавия и Русский мир: возможно ли возвращение? // Русин. 2012. № 3 (29). С. 5–32.

Суляк 2016а - *Суляк С.Г.* О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (к историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 73–97.

Суляк 2016б - *Суляк С.Г.* Русины Карпато-Днестровских земель в молдавской средневековой дипломатике (общий обзор) // Русин. 2016. № 1 (43). С. 95–119.

Суляк 2015 - *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 1 (39). С. 95–115.

Суляк 2017 - *Суляк С.Г.* Этноним *рус* в антропонимике средневековой Молдавии. Русин. 2017. № 1 (47). С. 80–91.

Тодирашку и др. 1992а - *Тодирашку И., Зуграва Н., Урсулеску Н.* История румын. Древний мир / Кишинэу-Яшь: Университас, 1992. 206 с.

Тодирашку и др. 1992б - *Тодирашку И., Нямцу В., Пунгэ Г., Карпошу И.* История румын. Средневековая эпоха / Пер. с рум. Г. Бербекару. Кишинэу; Галац: Порто-Франко, 1992. 222 с.

Ферро 1992 - *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с фр. М.: Высш. шк., 1992. 351 с.

Bărbulescu 1929 - *Bărbulescu I.* Individualitatea limbii române și elementele slave vechi. București: Editura Casei Școalelor, 1929. 534 p.

Costin 1958 - *Costin M.* Opere. Letopisețul Țării Moldovei de la Aron Vodă încoace; Cronica polonă; Poema polonă; De neamul moldovenilor. București: Editura de Stat pentru Literatură și Artă, 1958. 531 p.

Letopisețul 2012 - *Letopisețul Țării Moldovei.* Chișinău: Hyperion, 1990. 638 p.

Institutul 2012 - Institutul de Politici Publice. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. Aprilie – mai 2012. Chișinău, 2012. 86 p.

REFERENCES

Bordyugov, G.A. (2011) "Voyny pamyati" na postsovetском prostranstve ["Memory Wars" in the Post-Soviet Space]. Moscow: AIRO-XXI, 2011. 256 s.

Bordyugov, G.A. & Bukharaev, V.M. (2011) *Vcherashnee zavtra: kak "natsional'nye istorii" pisalis' v SSSR i kak pishutsya teper'* [Yesterday's tomorrow: How "national stories" were written in the USSR and how they are being written now]. Moscow: AIRO-XXI.

Velikanova, M.S. (1993) *Antropologiya srednevekovogo naseleniya Moldavii: (Po materialam pamyatnika Staryy Orkhey)* [Anthropology of the Medieval Population of Moldova (Based on the Old Orhei Monument)]. Moscow: [s.n.].

Dragnev, D., Dragnev, E., Miskevka, V., Varta, I. & Shishkanu, I. (2002) *Istoriya rumyn. S drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Romanians. From Ancient Times to the Present]. Translated from Romanian by E. Maksimenko. Chişinău: Civitas.

Cocîrlă, P., Dragnev, E., Dragnev, D. & Gontsa, G. (1999) *Istoriya srednikh vekov. Vseobshchaya istoriya. Istoriya rumyn. Uchebnik dlya 6 klassa obshcheobrazovatel'noy shkoly Respubliki Moldova* [History of the Middle Ages. General History. History of Romanians. Textbook for Grade 6]. Chişinău: Civitas.

Cocîrlă, P., Dragnev, E., Dragnev, D. & Gontsa, G. (2001) *Istoriya srednikh vekov. Vseobshchaya istoriya. Istoriya rumyn. Uchebnik dlya 6 klassa* [History of the Middle Ages. General History. History of Romanians. Textbook for Grade 6]. Translated from Romanian by L. Shebnev, O. Muntyanu. Chişinău: Ştiinţa.

Istoriya rumyn. Noveyshaya istoriya [History of Romanians. Recent History]. (1992) Chişinău; Iaşi: [s.n.].

Aymermakher, K. & Bordyugov, G. (eds) (2003) *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovet'skikh gosudarstvakh* [National Histories in the Soviet and Post-Soviet States]. 2nd ed. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XXI.

Bomsdorf, F. & Bordyugov, G. (eds) (2009) *Natsional'nye istorii na postsovet'skom prostranstve – II* [National Histories in the Soviet and Post-Soviet States – II]. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XXI.

Ojog, I. & Şarov, I. (1992) *Kratkiy kurs lektsiy po istorii rumyn* [A Brief Course of Lectures on the History of Romanians]. Part 1. Translated from Romanian by A.N. Zanoch. Chişinău: Moldova State University.

Ojog, I. & Şarov, I. (1997) *Kratkiy kurs lektsiy po istorii rumyn* [A Brief Course of Lectures on the History of Romanians]. Chişinău: Cartdidact.

Polevoy, L.L. (1979) *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII–XV vv.* [Essays on Historical Geography of Moldova of the 13th – 15th Centuries]. Chişinău: Ştiinţa.

The National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova. (n.d.) The Official Website. [Online] Available from: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=479> & (Accessed: 2nd July 2017).

Sulyak, S.G. (2012) Moldaviya i Russkiy mir: vozmozhno li vozvrashchenie? [Moldavia and the Russian World: Is return possible?]. *Rusin*. 3 (29). pp. 5–32.

Sulyak, S.G. (2016a) About the language of the Slavonic-Moldavian documents of the 14th-17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42). (In Russian). pp. 73–97. DOI: 10.17223/19986645/42/7

Sulyak, S.G. (2016b) Rusins of the Carpatho-Dniestrovian lands in medieval Moldavian diplomacy (a general review)]. *Rusin*. 1 (43). pp. 95–119. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/7

Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th – early 20th centuries: on the number. *Rusin*. 1 (39). pp. 95–115. (In Russian). DOI 10.17223/18572685/39/7

Sulyak, S.G. (2017) The ethnonym “Rus” in the anthroponymics of Medieval Moldavia. *Rusin*. 1 (47). pp. 80–91. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/7

Todiraşcu, I., Zugrava, N. & Ursulescu, N. (1992a) *Istoriya rumyn. Drevniy mir* [History of Romanians. Ancient World]. Chişinău; Iaşi: Universitas.

Todiraşcu, I., Neamţu, V., Punge, G. & Carpoş, I. (1992b) *Istoriya rumyn. Srednevekovaya epokha* [History of Romanians. Medieval Era]. Translated from Romanian by G. Berbekaru. Chişinău, Galaţi: Porto-Franko.

Ferro, M. (1992) *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How they tell the history to children around the world]. Translated from French by E. Lebedev. Moscow: Vyssh. shk.

Bărbulescu, I. (1929) *Individualitatea limbii române și elementele slave vechi* [The Individuality of the Romanian Language and the Old Slavic Elements]. Bucharest: Casei Şcoalelor.

Costin, M. (1958) *Opere. Letopiseţul Țării Moldovei de la Aron Vodă încoace; Cronica polonă; Poema polonă; De neamul moldovenilor* [Works. The Moldavian Chronicle of Aron Vodă; Polish Chronicle; Polish Poem; Of the Moldovans]. Bucharest: Editura de Stat pentru Literatură și Artă.

Ureche, G. (1990) *Letopiseţul Țării Moldovei* [The Chronicle of Moldavian Land]. Chişinău: Hyperion.

Institute for Public Policy. (2012) *Institutul de Politici Publice. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. Aprilie – Mai 2012* [Institute for Public Policy. Barometer of Public Opinion. Republic of Moldova. April – May 2012]. Chişinău: [s.n.].

Суляк Сергей Георгиевич – доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sulyak Sergey - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 930

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/11

ТВОРЧЕСТВО Ю.И. ВЕНЕЛИНА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ РОМАНТИЗМА

О.В. Шипелик

Южный федеральный университет
Россия, 344005, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
E-mail: o.v.shipelik@gmail.com

Авторское резюме

Рассматривается романтизм как научный метод в историографии на материале произведений карпатского русина Ю.И. Венелина (Гуцы) (1802–1839) – историка, слависта, этнографа первой трети XIX в. Романтическая идея Гердера и Шеллинга о закономерностях развития истории через «органические силы» трансформируется у Венелина в принцип «органическое развитие народа», который предполагает исследование общих характеристик народа в их эволюции. Обязательным требованием данного принципа является умение отличить собственное имя народа от нарицательного, отличать род от вида народа. Определение собственного имени народа позволяет понять его культурную историю. Показано, каким образом общие идеи романтизма – понимание истории как закономерного процесса развития, рассмотрение культурной истории славян, формирование болгарского национального самосознания, утверждение самоценности славянского национального духовного опыта, продвижение принципа народности в область изучения истории (и истории славян) – применялись Ю.И. Венелиным в его произведениях.

Ключевые слова: романтизм, органическое развитие народа, историзм, славяне, болгары, норманизм, самосознание народа, народность, фольклор.

YU.I. VENELIN'S CREATIVITY IN THE CONTEXT OF ROMANTICISM

O.V. Shipelik

Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: o.v.shipelik@gmail.com

Abstract

The paper uses the works by Yu.I. Venelin (Gutsa) (1802–1839), a Carpathian Rusin historian, Slavist, ethnographer of the first third of the nineteenth century to considers Romanticism as a scientific method in historiography. Herder's and Schelling's romantic idea of the laws governing the development of history through "organic forces" are transformed by Venelin into the principle of "organic development of the people", which involves the study of the general characteristics of the people in their evolution. This principle requires the ability to distinguish the proper name of the people from its nominal name, to distinguish the genus from the species. The definition of the people's proper name makes it possible to understand its cultural history. It is shown how general ideas of Romanticism – the understanding of history as a regular development process, the cultural history of the Slavs, the formation of the Bulgarian national identity, the assertion of the self-worth of the Slavic national spiritual experience, the promotion of the principle of nationality in the study of history (and the history of the Slavs) were used by Yu.I. Venelin in his works.

Keywords: Romanticism, organic development of the people, historicism, Slavs, Bulgarians, Normanism, people's self-consciousness, nationality, folklore.

Ю.И. Венелин (настоящее имя Георгий Гуца) (1802–1839) – карпатский русин, родился в селе Великой Тибаве Бережской жупы (в настоящее время Свалявский район Закарпатье), историк, этнограф, первый русский болгарист, пионер русского славяноведения. Различные аспекты его творчества активно обсуждались и обсуждаются в научной литературе. Словацкая исследовательница Т. Байцура в монографии рассмотрела взгляды Ю.И. Венелина по вопросам славяноведения, показала его роль в развитии болгарского возрождения и изучении исторического прошлого славянских народов (Байцура 1968: 5). В работах Д. Данилюка подчеркивается связь основных направлений закарпатского национального возрождения с общими процессами национального возрождения в других славянских землях (Данилюк 1997; Данилюк 2002; Данилюк 2009). Широкий спектр оценок работ Ю.И. Венелина нашел отражение в литературе: от патетически восторженных до негативно-критических и саркастических. Романтическая составляющая творчества Ю.И. Венелина характеризуется в исследованиях нейтрально – «историк-романтик» (Пашаева 2008: 140), «романтик – славяновед по настроению» (Державин 1944: 66),

«романтик и страстный исследователь славянского прошлого» (Стойкова 1963: 434), «романтическая натура» (Тулаев 2011: 30). В других работах упоминание о романтизме Ю.И. Венелина носит оттенок негативно-критический и саркастический. Его называют жертвой романтического увлечения (Ягич 1910: 451, 453), считают, что ему присуща нищета романтического воображения (Белов 2013: 247). Как в первом, так и во втором случае понятие «романтизм» имеет значение романтического настроения человека. Однако данный подход, основанный на психологических составляющих, не дает возможности исследовать романтические идеи в творчестве Ю.И. Венелина.

Более объективным подходом является характеристика Ю.И. Венелина как представителя национально-романтического направления (Мыльников 1988: 139). Некоторые авторы отмечают влияние на его творчество идей романтизма (Колиненко 2003: 18–20), которые имели место в XIX в. в славянских странах и России (Никулина 1986: 23). Влияние идей романтизма, особенно немецкого (Г. Гердера, Ф. Шлегеля, Ф. Шеллинга), на представителей русской культуры первой трети XIX в. отмечают А.И. Абрамов (Абрамов 1998: 428–448), В.И. Сахаров (Сахаров 1988: 8–9), Р.Ю. Юсуфов (Юсуфов 1970: 24–32; 52–54). В этих работах рассматривается романтизм как литературно-художественное направление в русской культуре, отмечается продвижение принципа народности (как одной из идей романтизма) в сферу истории (Юсуфов 1970: 67). Центральной идеей романтизма становится понятие «развитие» (Кроче 1998: 163). Возрастание идеи романтического историзма в России на почве общеевропейского романтизма отмечает В.Л. Орлов (Орлов 1963: 272). Влияние романтизма испытали на себе историки России этого периода – Н.А. Полевой, М.П. Погодин, Ю.И. Венелин. Однако отсутствуют исследования, посвященные применению и творческой разработке Венелиным идей романтизма как явления общемировой европейской и русской культуры к изучению истории вообще и славянской в частности.

Ап. Григорьев в работе «Парадоксы органической критики» в числе авторов, наиболее близких Шеллингу как представителю романтизма, называет Ю.И. Венелина (Григорьев 1980: 164). Анализ его творчества позволяет выявить влияние идей Гердера, Шлегеля, Шеллинга на его методологию исследования истории. Ю.И. Венелин прожил недолгую, но яркую жизнь. Время его творческой деятельности приходится на 20–30-е гг. XIX в. В тот период особенный интерес у отечественных мыслителей вызывали идеи Гердера и Шеллинга об органических силах развития мира (Гердер 1977: 230; Шеллинг 1987: 178). Влияние философии немецкого романтизма на русскую культуру отмечается в работе С.А. Воробьева (Воробьева 2010: 147).

Идея «органического развития истории», характерная для романтизма конца XVIII – начала XIX в. (Барг 1987: 16), находит своеобразное проявление в работе Ю.И. Венелина «Мысли об истории вообще и русской в частности» (Венелин 2011: 45). Он отмечает, что история – это прежде всего история народа. Народ «есть тело органическое; организм этот есть не иное что, как только порядок» (Венелин 2011: 45). Автор ставит вопрос о том, каков должен быть метод исследования народа как органического целого. В истории народа надо искать общие черты для понимания смысла истории (Венелин 2011: 51). Хотя общие особенности народа тесно связаны с «пространной историей», открыть их можно только при подробном изучении единичного (Венелин 2011: 54). Здесь же Ю.И. Венелин поднимает проблему герменевтического круга: хотя характеристика всеобщей истории составляется из общих отдельных историй, однако надо предварительно знать эти общие черты (Венелин 2011: 54). Общая история имеет превосходство, так как в ней присутствует единство. Следовательно, органическое развитие народа можно правильно понять только из всеобщей истории. Рассмотрение развития общей черты народа, например истории походов, законодательства, торговли, хлебопашества, помогает понять, что народ сделал, что можно от него ожидать, как предупредить его от ошибок (Венелин 2011: 60–61). Понятие «органическое развитие» предполагает закономерное развитие, однако без примеси фатализма. У Карамзина, отмечает Ю.И. Венелин, этого единства нет, поэтому его история является временником, в котором все события собраны в хронологическом порядке (Венелин 2011: 63).

Ю.И. Венелин считает необходимым разрабатывать логику исторической науки, в которой было определено значение рода и вида (Венелин 2011: 55). О необходимости различения рода и вида во избежание ошибок в изложении истории говорится и в работе «Скандинавomania и ее поклонники, или Столетние изыскания о варягах. Историко-критические рассуждения» (Венелин 1842: 60–62). В этой работе Венелин развивает идею об особенностях органического развития. Он отмечает, что понятия «целое» и «часть» относятся к неорганическому развитию, а «род» и «вид» – к органическому. Поясняет это примером: если между копейками как частями рубля существует однообразие, то между видами растений или животных есть разнообразие (Венелин 1842: 61). Такие же роды и виды имеют место среди народов. Россияне поляки, чехи, сербы, словенцы, болгары представляют собой виды славянского рода. Они отличаются друг от друга обрядами, историей (Венелин 1842: 62). Согласно автору, каждый вид (племя) представляет собой самобытный народный организм.

Таким образом, понятие «органическое развитие народа» у Ю.И. Венелина выступает основным принципом его романтической историографии. Данный принцип предполагает, во-первых, объяснение развития народа историческими, а не естественными факторами; во-вторых, необходимость различать род и вид народа; в-третьих, фиксирование нарицательного и собственного имени народа. Рассмотрим подробнее эти требования.

Критикуя представителей норманизма, Ю.И. Венелин показывает в своих работах, что климат не может влиять на особенности жизни народа. Одной из причин превращения татар в славян Г. Энгель считает климат. Татары превратились в славян, по его мнению, потому что переселились в страну более теплую (Венелин 1856: 55). Однако Венелин опровергает такие домыслы. Он пишет, что «турки, вышедшие из Татарии в претеплую Грецию, в продолжение более 600 лет не оправдали сего софизма немецкого ученого» (Венелин 1856: 56). Также противоречит закономерному историческому развитию процесс, при котором (по Энгелю) перемешались два или три народа, а в результате возник совершенно новый народ (Венелин 1856: 61). Как может татарский язык превратиться в славянский, будучи господствующим? (Венелин 1856: 55). Венелин отмечает методологическую ошибку представлений Г. Энгеля и других норманистов. В основе их представлений о славянском народе лежит отождествление рода и вида: они перепутали словен со славянами (Венелин 1856: 24). Древние болгары были славянским племенем (Венелин 1856: 50). Он считает, что важную роль в проблеме определения рода и вида народа играет не климат, а язык. Так же, как и Гердер, Ю.И. Венелин связывает развитие языка с развитием культуры. Отождествление вида и рода явилось причиной скандинавомании, монгололании, тевтомании, теормании (Венелин 1842: 98–99).

Несколько иной акцент данная проблема приобретает в работе «О происхождении славян вообще и россов в особенности» (Венелин 2003). В отличие от видов растений или животных, название народа «в описаниях путешествий и летописях в продолжение тысячи лет встречается под двумя, тремя и больше именами» (Венелин 2003: 23). Например, россы «слыли под названиями ящероглазые, венеды, анты» (Венелин 2003: 29). Однако это имена нарицательные, но не собственные. Потому россиян и не было в России, что греки называли их «глупыми именами» (Венелин 1856: 77). Собственным именем народ сам себя называет, нарицательным его называют другие народы (Венелин 1856: 76). Он отмечает, что у византийских историков со II по XVI в. нет «постоянной народописной номенклатуры». Русских одни называют скифами, другие – тавроскифами, третьи – россами

(Венелин 1842: 84). Поэтому ученый опровергает общее представление в историографии первой трети XIX в. о появлении славян в Европе только с VI в. н.э. (Венелин 2003: 22). Он высказывает гипотезу о существовании славян «за 2 000 и более лет Рождества Христова» (Венелин 2003: 33).

Ю.И. Венелин отдает приоритет родовому названию народа, поскольку именно оно дает верное представление о его происхождении. Он выступает против норманизма Байера, Миллера, Шлецера и считает, что их главной целью является доказательство иноземного происхождения русской государственности. Для этого они даже заставляют Нестора противоречить самому себе (Венелин 2003: 41). Будучи одним из лучших знатоков латинской словесности, хорошо зная древнюю и новую географию, он анализирует тексты арабских и персидских географов, латинский перевод географии Абуфледа, сравнивает их с текстами Нестора. Ю.И. Венелин делает вывод: жилища варягов находятся у южных берегов Балтийского моря (Венелин 1871: 7). В арабском подлиннике, продолжает он, сказано, что варяги - не только славяне, но суть самые славяне славян (Венелин 1871: 10). Поэтому миф призвания скандинавов на Русь несостоятелен (Венелин 1842: 37). Автор пишет, что скандинавы никогда себя варягами не называли, поскольку этого имени нет ни в скандинавских, ни в саксонских, ни во франкских летописях (Венелин 1842: 37). Причина того, что Байер, Шлецер, Миллер, Карамзин считали древних русов шведами, заключается в той же причине, что «часть равняется целому, вид то же, что весь род» (Венелин 1842: 86).

После того как определены собственное имя народа, его происхождение, показаны его основные черты, необходимо рассмотреть «душу народа», его нравы, характер, религию, искусства (Венелин 2011: 46). Собственное имя народа представляет собой своеобразный способ, при помощи которого можно исследовать его самосознание. Ф. Степун определял сущность романтизма, как «прежде всего культурное самосознание человечества» (Степун 2005: 172). У Ю.И. Венелина эта особенность романтизма трансформировалась в рассмотрение культурной истории славянского народа, которая проявляется прежде всего в фольклоре. Болгарский фольклор практически был неизвестен в России, Европе, Болгарии. Развивая общие представления Гердера и Шлегеля о фольклоре, Ю.И. Венелин «дал первый толчок к собиранию и изучению болгарского фольклора» (Стойкова 1963: 273). Народное творчество помогает проникнуть в душу народа, в его национальный характер, духовную культуру. Влияние Гердера на изучение Ю.И. Венелиным духовной жизни народа отмечает исследователь Д. Данилюк (Данилюк 2008: 168).

Ю.И. Венелину понятна и близка идея Гердера об освобождении славянских народов от иноземного порабощения (Гердер 1977: 471), о собрании и сохранении славянских обычаев, песен и сказаний (Гердер 1977: 472). Однако Венелин критически воспринимает некоторые идеи Гердера относительно национального характера славян. По Гердеру, славяне не были воинственным народом, как немцы, отличались милосердием, покорностью, любовью к покою (Гердер 1977: 470–471). Он считал, что славянским народам не присущ дух рыцарства, героизма. Ю.И. Венелин в работе «О характере народных песен у славян задунайских» показал, что славяне неоднородны, разные племена имеют неодинаковый национальный характер (Венелин 1835: 51). Героизм, воинственный характер задунайских славян определяется их историческим прошлым и настоящим. Поприщем задунайских славян были войны (Венелин 1835: 81), этим обстоятельством объясняется ожесточение людей, резкость и наслаждение смотреть на «мертвую голову» (Венелин 1835: 48). Остальные славяне отличаются домовитостью (Венелин 1835: 65). Песням задунайских славян также присущ героизм (Венелин 1835: 65). Полемизируя с Гердером, Венелин отмечает, что дух рыцарства присущ скорее славянам, чем скандинавам (Венелин 1835: 65), и нельзя воображать, что «рыцарская травка растет только в Скандинавии» (Венелин 1835: 60–61).

Каковы источники народной поэзии? К этому вопросу Ю.И. Венелин подходит также исторически, выявляя общие и особенные начала южнорусской поэзии. В работе «Об источнике народной поэзии вообще и южнорусской в особенности» ученый развивает идеи Гердера о происхождении поэзии из народного духа. Он отмечает, что песня всегда отражает образ «жизни своего народа» (Венелин 1834: 31), в песне находит свое проявление «дух человека» (Венелин 1834: 50). Создание народной песни всегда естественно, напев в ней образовывается прежде слов (Венелин 1834: 37). Южная Русь имеет до 5 000 песен, это гораздо больше, чем в Европе. Общим источником народной песни является «образ жизни, образ любить» (Венелин: 1834: 32). Однако образ жизни северянина отличается от образа жизни южанина. Поэтому характер поэзии также различен. Ю.И. Венелин был одним из первых славяноведов, указавших на значение фольклора в деле национального освобождения болгар. Не случайно в последних строках работы «О характере народных песен у славян задунайских» он отмечает, что ему очень хотелось сочетать в одном и том же деле пользу трех предметов: филологии, поэзии, истории (Венелин 1835: 118). Соединение поэзии и истории, как отмечает Б. Кроче, характерно для романтизма (Кроче 1998: 162). В деле национального освобождения болгар имеет большое значение

не только фольклор, но и развитие просвещения, преподавание на родном языке. Язык также является фактором исторического процесса. Гердер в работе «Идеи к философии истории человечества» впервые высказал идею о существовании национальных культур. В работе «О зародыше новой болгарской литературы» Ю.И. Венелин показывает, что формирование национальной культуры болгарского народа, его возрождение в первую очередь связаны с возрождением болгарской грамотности. Эпоха болгарской письменности начинается с IX в. - гораздо раньше, чем у других славянских племен. Однако иноземное господство, сначала греческое, затем турецкое, привело к тому, что болгарский народ «лишился важнейшего сословия, а именно педагогического, которое поддержало бы и распространяло народную грамотность» (Венелин 1838: 17). В работе автор с сожалением отмечает преобладание румынского языка в славянских училищах Болгарии (Венелин 1838: 21). Ю.И. Венелин выдвинул важную идею о «создании эмигрантских центров развития болгарской литературы» (Смолянинова 1998: 8). Позже возникли такие центры. Литература эмигрантов определяла направление «в духовной ориентации болгарской нации» (Смолянинова 1998: 9). Венелин придавал большое значение языку народа. Современный автор пишет о Ю.И. Венелине: «Жизненные наблюдения над различными языками впоследствии дали ему основания высказывать свои глубокие соображения о значимости языка в жизни общества» (Алмаший 2006: 114). В прологе к одной из своих работ Венелин писал, что «самая резкая и отличительная черта и собственность народа есть его язык» (Венелин 1889: 2). Он изучал болгарский язык, будучи в Кишиневе, с 1823 по 1825 г. В результате второго путешествия с научной целью в Болгарию в 1830–1831 гг., которое Ю.И. Венелин называет «ученая рекогносцировка» (Венелин 1894: 39), была написана «Грамматика нынешнего болгарского наречия» – «первый опыт болгарской грамматики, составленный на основе изучения живого болгарского языка» (Лунина 1951: 123). Академик А.Х. Востоков, крупнейший славист того времени, в целом дал работе положительный отзыв. Некоторые теоретические положения грамматики привели к зарождению «болгаро-русской школы». Все это способствовало развитию болгарского возрождения и постепенному освобождению болгарской письменности от греческого влияния (Лунина 1951: 123).

Ю.И. Венелин еще в первой своей работе в 1829 г. на основе исследования языка и истории болгар показал их принадлежность роду славян (Венелин 1829: 1). В настоящее время «славянская основа Первого Болгарского царства не вызывает сомнений ни у советских, ни у болгарских ученых» (Таранова 1960: 123). В сборнике «Ю.И. Ве-

нелин в Болгарском возрождении» под редакцией Г.К. Венедиктова с «привлечением богатых архивных материалов подробно анализируются взгляды Ю.И. Венелина на болгарский язык» (Венедиктов 1998: 4). Таким образом, единство филологических и исторических исследований (как отличительная особенность романтизма) с ведущим принципом «органического развития народа» Венелина привел к положительным теоретическим и практическим результатам. Если утверждение ученого о принятии христианства славянским народом до Кирилла и Мефодия вызывало смех и недоумение у рецензента журнала «Сын Отечества» в 1839 г., то в настоящее время, как показал академик О.Н. Трубачев, еще к VIII в. относят крещение Словении (Трубачев 2013: 194). Исходя из современной концепции единого глоттогонического и этногонического процесса, в науке выделяют дославянскую (праславянскую) стадию (Державин 1944: 9). Современные исследования в лингвистике подтвердили существование праславянских племен «примерно 4 000–3 500 лет назад» (Рыбаков 2004: 25). По данным археологов, еще со второй половины I тыс. н. э. произошло «массовое переселение славян на северный берег Дуная» (Рафалович 1983: 40). А предположение Ю.И. Венелина о том, что ираноязычные племена Северного Причерноморья участвовали в этногенезе восточных славян, подтверждается современными исследованиями (Суляк 2014: 152). Во многих современных исследованиях возникновение и живучесть норманизма объясняются (так же, как и у Ю.И. Венелина) идеологическими и культурно-историческими причинами (Фомин 2003: 83–127; Рыбаков 2004: 12–17).

Принцип «органического развития народа» в качестве основы методологии романтизма Венелина позволил рассмотреть историю славянского народа как историю культуры. Многие его выводы подтверждают современные исследования. Романтические идеи в творчестве Ю.И. Венелина не только являются фактом истории науки, фактом самосознания славянской культуры, но и имеют современное значение.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов 1998 - *Абрамов А.И.* Шеллинг в философских исканиях русского романтизма // *Философия Шеллинга в России XIX в.* / под общ. ред. В.Ф. Пустарникова. СПб.: Рус. христиан. гуманист. ин-т, 1998. С. 428–448.

Алмаший 2006 - *Алмаший М.Ю.* И. Венелин-Гуца и Молдавия // *Русин.* 2006. № 2 (4). С. 111–116.

Баццура 1968 - *Баццура Т. Юрій Іванович Венелін. Братіслава, 1968. 307 с.*

Барг 1987 - *Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.*

Белов 2013 - *Белов М.В. Блеск и нищета романтического воображения: ученое путешествие Ю.И. Венелина на Балканы в 1830–1831 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6. С. 247–252.*

Венедиктов 1998 - *Венедиктов Г.К. От редактора // Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении / Отв. ред. д-р филол. наук Г.К. Венедиктов. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1998. 205 с.*

Венелин 1829 - *Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания. М.: Университетская типография, 1829. Т. 1. 256 с.*

Венелин 1834 - *Венелин Ю.И. Об источнике народной поэзии вообще и о южнорусской в особенности. М.: Типография Н. Степанова, 1834. 60 с.*

Венелин 1835 - *Венелин Ю.И. О характере народных песен у славян задунайских. Сербские. Осман Шеович. Женитьба Павла Плетикосы. М.: Типография Н. Степанова, 1835. 118 с.*

Венелин 1838 - *Венелин Ю.И. О зародыше новой болгарской литературы. М.: Типография Н. Степанова, 1838. 51 с.*

Венелин 1842 - *Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или Столетние изыскания о варягах. Историко-критические рассуждения. М.: Типография А. Селина, 1842. 114 с.*

Венелин 1856 - *Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1856. Т. 1. 230 с.*

Венелин 1871 - *Венелин Ю.И. Известия о варягах арабских писателей и злоупотреблении в истолковании оных // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. Книга четвертая. М.: Университетская типография, 1871. С. 1–18.*

Венелин 1889 - *Венелин Ю.И. Критическое разложение всех имен Аттилины семейства и прочих, так называемых, гуннских его вельмож, о которых только упоминает Приск в своих путевых заметках // ЧОИДР (чтения в обществе истории и древностей Российских при МУ. 1889. Кн. 1. Сто сорок восьмая / под заведыванием Е.В. Барсова. М.: Университетская типография, 1889. С. 4–30.*

Венелин 1894 - *Венелин Ю.И. Письма Ю.И. Венелина к А.А. Краевскому // Из собрания автографов Императорской Публичной библиотеки. Письма А.Ф. Войекова и Ю.И. Венелина к А.А. Краевскому. Заметки и мысли В.А. Жуковского. СПб., 1894. С. 37–48.*

Венелин 2003 - *Венелин Ю.И.* О происхождении славян вообще и россов в особенности // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156): Антиноманизм / Под ред. А.Г. Кузьмина, отв. ред. И.А. Настенко. М.: Русская панорама, 2003. 320 с.

Венелин 2011 - *Венелин Ю.И.* [Мысли об истории вообще и русской в частности] // Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства / Сост., предисл. и коммент. П.В. Тулаев / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. 864 с.

Воробьева 2010 - *Воробьева С.А.* Традиции немецкого романтизма в русской философии истории (30-50-е годы XIX века) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, № 4. С. 146–151.

Гердер 1977 - *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 698 с.

Григорьев 1980 - *Григорьев Ап.* Эстетика и критика. Вступ. статья, сост. и прим. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. 496 с.

Данилюк 1997 - *Данилюк Д.Д.* Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку ХХ ст.). Ужгород: Видавництво «Патент», 1997. 289 с.

Данилюк 2002 - *Данилюк Д.Д.* Ю. Венелін. З наукової спадщини визначного славіста з нагоди 200-ліття від дня народження Ю. Венеліна / уклад. Д. Данилюк; передм. В. Гісем [та ін.]. Факсим. вид.: 1834, 1847, 1899, 1905, 1988. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2002. 184 с.

Данилюк 2008 - *Данилюк Д.Д.* Наукова спадщина Юрія Венеліна у світлі нових досліджень // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 160–171.

Данилюк 2009 - *Данилюк Д.Д.* Історична думка на Закарпатті епохи національного відродження (кінець XVIII – середина XIX ст.) Ужгород: Видавництво Інформ-вид. центр ЗІППО, 2009. 397 с.

Державин 1944 - *Державин Н.С.* Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1944. 86 с.

Колиненко 2003 - *Колиненко Ю.В.* К публикации рукописи Ю.И. Венелина «О происхождении славян» // Сборник русского исторического общества. Т. 8 (156): Антиноманизм / Под ред. А.Г. Кузьмина, отв. ред. И.А. Настенко. М.: Русская панорама, 2003. С. 18–20.

Кроче 1998 - *Кроче Б.* Теория и история историографии / Пер. с ит. И.М. Заславской, послесл. Т.В. Павловой / Науч. ред. М.Л. Андреева. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.

Лунина 1951 - *Лунина М.В.* Грамматика нынешнего болгарского языка Ю.И. Венелина // Славянская филология. Статьи и монографии / Под ред. проф. С.Б. Бернштейна. М.: Изд-во МГУ, 1951. С. 108–123.

Мыльников 1988 - *Мыльников А.С.* Изучение социально-политической истории и археологии южных и западных славян // Славяноведение в дореволюционной России / Отв. ред. акад. Д.Ф. Марков, д-р ист. наук В.А. Дьяков. М.: Наука, 1988. 400 с.

Никулина 1986 - *Никулина М.В.* Ю.И. Венелин в русском славяноведении первой трети XIX в. (Проблематика славянских древностей) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы* / Отв. ред. д-р ист. наук В.А. Дьяков. М.: Наука, 1986. С. 23–40.

Орлов 1963 - *Орлов В.Л.* Пути и судьбы. Литературные очерки. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 667 с.

Пашаева 2008 - *Пашаева Н.* Карпаторусские интеллигенты в России в 1-й половине XIX века: Орлай, Балугьянский, Лодий, Кукольник, Венелин // *Русин*. 2008. № 3–4 (13–14). С. 129–140.

Рафалович 1983 - *Рафалович И.А.* Славяне VI–IX вв. в Днестровско-Карпатских землях в освещении зарубежной историографии // *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван* / Отв. ред. В.С. Зеленчук. Кишинев: Штиинца, 1983. 175 с.

Рыбаков 2004 - *Рыбаков Б.А.* Рождение Руси. М.: АиФ Принт, 2004. 447 с.

Сахаров 1988 - *Сахаров В.И.* Страницы русского романтизма: Книга статей. М.: Сов. Россия, 1988. 352 с.

Смольянинова 1998 - *Смольянинова М.Г.* Юрий Венелин и болгарская литература эпохи национального возрождения // Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении / Отв. ред. д-р филол. наук Г.К. Венедиктов. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1998. С. 5–26.

Степун 2005 - *Степун Ф.* Трагедия творчества (Ф. Шлегель) // *Логос*. Международный ежегодник по философии культуры. 1910. Кн. 1. Репринт. изд. М.: Территория будущего, 2005. С. 171–196.

Стойкова 1963 - *Стойкова С.* Вклад ученых России в развитие болгарской фольклористики XIX века // *Русский фольклор. Народная поэзия славян*. Т. VIII. Академия наук СССР. М.; Л.: Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом), 1963. С. 273–287.

Суляк 2014 - *Суляк С.Г.* Предки русинов и кочевники: вопросы этнокультурного взаимодействия // *Русин*. 2014. № 4 (38). С. 152–176.

Таранова 1960 - *Таранова В.Г.* К оценке работ Н.С. Державина по проблемам ранней истории болгар (VI–VII вв.) // *Вопросы истории славян. Проблемы социально-политического развития и национально-освободительной борьбы зарубежных славян*. Воронеж. Изд-во Воронеж. ун-та, 1960. № 6. С. 115–125.

Трубачев 2013 - *Трубачев О.Н.* К истокам Руси. Народ и язык. М.: Алгоритм, 2013. 304 с.

Тулаев 2011 - *Тулаев П.В.* Предисловие. Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства / Сост., предисл. и коммент. П.В. Тулаев / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. 864 с.

Фомин 2003 - *Фомин В.В.* Кривые зеркала норманизма // *Сборник русского исторического общества. Антинорманизм* / Под ред. А.Г. Кузьмина. М.: Русская панорама, 2003. Т. 8 (156) С. 83–127.

Шеллинг 1987 - Шеллинг Ф.В.Й. О мировой душе. Гипотеза высшей физики для объяснения всеобщего организма, или Разработка первых основоположений натурфилософии на основе начал тяжести и света: Соч. в 2 т. / сост., ред., авт. вступ. ст. А.В. Гулыга. М.: Мысль, 1987. Т. 1 89–181.

Юсуфов 1970 - Юсуфов Р.Ю. Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры. М.: Наука, 1970. 413 с.

Ягич 1910 - Ягич И.В. История славянской филологии. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. № 1. 932 с.

REFERENCES

Abramov, A.I. (1998) Shelling v filosofskikh iskaniyakh russkogo romantizma [Schelling in the philosophical search for Russian Romanticism]. In: Pustarnikov, V.F. (ed.) *Filosofiya Shellinga v Rossii XIX v.* [Shelling's Philosophy in Russia in the 19th Century]. St. Peterburg: Russian Christian Humanitarian Institute. pp. 428–448.

Almashii, M. (2006) Yu.I. Venelin-Gutsa i Moldaviya [Venelin-Guta and Moldova]. *Rusin.* 2 (4). pp. 111–116.

Baitsura, T. (1968) *Yurii Ivanovich Venelin* [Yuri Ivanovich Venelin]. Bratislava: [s.n.].

Barg, M.A. (1987) *Epokhi i idei: stanovlenie istorizma* [Epochs and Ideas: The Formation of Historicism]. Moscow: Mysl'.

Belov, M.V. (2013) Blesk i nishcheta romanticheskogo voobrazheniya: uchenoe puteshestvie Yu.I. Venelina na Balkany v 1830-1831 gg. [Glitter and misery of the romantic imagination: A scientific journey of Yu.I. Venelin to the Balkans in 1830–1831]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod.* 6. pp. 247–252.

Venediktov, G.K. (1998) Ot redaktora [Editorial]. In: Venediktov, G.K. (ed.) *Yu.I. Venelin v Bolgarskom vrozhdhenii* [Yu.I. Venelin in the Bulgarian Revival]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies.

Venelin, Yu.I. (1829) *Drevnie i nyneshnie bolgare v politicheskom, narodopisnom, istoricheskom i religioznom ikh otnoshenii k rossiyanam. Istoriko-kriticheskie izyskaniya* [Ancient and Present-day Bulgarians in the Political, National, Historical and Religious Relation to Russians. Historical and Critical Research]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

Venelin, Yu.I. (1834) *Ob istochnike narodnoi poezii voobshche i o yuzhnorusskoi v osobennosti* [On the Source of Folk Poetry in General and the South-Russian in Particular]. Moscow: Tipografiya N. Stepanova.

Venelin, Yu.I. (1835) *O kharaktere narodnykh pesen u slavyan zadunaiskikh. Serbskie. Osman Sheovich. Zhenit'ba Pavla Pletikosy* [On the Nature of Folk Songs Among the Slavs of the Trans-Danubian. Serbian. Osman Sheovich. The Marriage of Pavel Pletikosa]. Moscow: Tipografiya N. Stepanova.

Venelin, Yu.I. (1838) *O zarodyshe novoi bolgarskoi literatury* [About the Germ of New Bulgarian Literature]. Moscow: Tipografiya N. Stepanova.

Venelin, Yu.I. (1842) *Skandinavomaniya i ee poklonniki, ili stoletnie izyskaniya o varyagakh. Istoriko-kriticheskie rassuzhdeniya* [Scandinavomania and Its Fans or a Century of Research about the Varangians. Historical and Critical Considerations]. Moscow: Tipografiya A. Selina.

Venelin, Yu.I. (1856) *Drevnie i nyneshnie bolgare v politicheskom, narodopisnom, istoricheskom i religioznom ikh otnoshenii k rossiyanam. Istoriko-kriticheskie izyskaniya* [Ancient and Present-day Bulgarians in the Political, National, Historical and Religious Relation to Russians. Historical and Critical Research]. 2nd ed. Vol.1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

Venelin, Yu.I. (1871) Izvestiya o varyagakh arabskikh pisatelei i zloupotreblenii v istolkovanii onykh [News of Varangians of Arab writers and abuse in their interpretation]. In: *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh* [Reading in the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. Book 4. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 1–18.

Venelin, Yu.I. (1889) Kriticheskoe razlozhenie vsekh imen Attilina semeistva i prochikh, tak nazyvaemykh, gunnskikh ego vel'mozh, o kotorykh tol'ko upominaet Prisk v svoikh putevykh zametkakh [The critical decomposition of all the names of Attila's family and others, so-called Hunnish nobles, about whom Prisk only mentions in his travel notes]. In: *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh* [Reading in the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. Book 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 4–30.

Venelin, Yu.I. (1894) Pis'ma Yu.I. Venelina k A.A. Kraevskomu [Letters from Yu.I. Venelin to A.A. Krayevsky]. In: *Iz sobraniya avtografov Imperatorskoi Publichnoi biblioteki. Pis'ma A.F. Voiekova i Yu.I. Venelina k A.A. Kraevskomu. Zametki i mysli V.A. Zhukovskogo* [From the collection of autographs of the Imperial Public Library. Letters from A.F. Voyekov and Yu.I. Venelin to A.A. Krayevsky. Notes and thoughts by V.A. Zhukovsky]. St. Peterburg: [s.n.]. pp. 37–48.

Venelin, Yu.I. (2003) O proiskhozhdenii slavyan voobshche i rosov v osobenosti [On the origin of the Slavs in general and the Russians in particular]. In: Kuzmin, A.G. (ed.) *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Russian Historical Society]. Vol. 8(156). Moscow: Russkaya panorama.

Venelin, Yu.I. (2011) *Istoki Rusi i slavyanstva* [The Origins of Russia and the Slavs]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.

Vorobeva, S.A. (2010) Traditsii nemetskogo romantizma v russkoi filosofii istorii (30 - 50-e gody XIX veka [Traditions of German Romanticism in the Russian philosophy of history (the 1830-1850s)]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 4(11). pp. 146–151.

Gerder, I.G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the Philosophy of the History of Mankind]. Moscow: Nauka.

Grigoriev, Ap. (1980) *Estetika i kritika* [Aesthetics and Criticism]. Moscow:

Iskusstvo.

Danilyuk, D.D. (1997) *Istoriya Zakarpattya v biografyakh i portretakh (z davnikh chasiv do pochatku XX v.)* [The History of Transcarpathia in Biographies and Portraits (From Ancient Times to the Early 20th Centuries)]. Uzhgorod: Patent.

Danilyuk, D.D. (2002) *Yu.Venelin. Z naukovoї spadshchini viznachnogo slavista z nagodi 200-littya vid dnya narodzhennya Yu.Venelina* [Yu.I. Venelin. From the Scientific Heritage of an Outstanding Slavist. Celebrating the 200th anniversary of the birth of Yu. Venelin]. Uzhgorod: Vidavnistvo V. Padyaka.

Danilyuk, D.D. (2008) *Naukova spadshchina Yuriya Venelina u svitli novikh doslidzhen'* [The scientific legacy of Yuri Venelin in the light of new research]. *Rusin.* 3-4 (13-14). pp. 111–116.

Danilyuk, D.D. (2009) *Istorigchna dumka na Zakarpatti epokhi natsional'nogo vidrodzhennya (kinets' XVIII - seredina XIX st.)* [Historical Thought in Transcarpathia of during the National Revival (the late 18th – mid-19th centuries)]. Uzhgorod: ZIPPO.

Derzhavin, N.S. (1944) *Plemennye i kul'turnye svyazi bolgarskogo i russkogo narodov* [Tribal and Cultural Ties Between the Bulgarian and Russian Peoples]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Kolinenko, Yu.V. (2003) *K publikatsii rukopisi Yu.I. Venelina "O proiskhozhdenii slavyan"* [To the publication of Yu.I. Venelin's "On the Origin of the Slavs"]. In: Kuzmin, A.G. (ed.) *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Russian Historical Society]. Vol. 8(156). Moscow: Russkaya panorama. pp. 18–20.

Croce, B. (1998) *Teoriya i istoriya istoriografii* [Theory and History of Historiography]. Translated from Italian by I.M. Zaslavskaya. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Lunina, M.V. (1951) *Grammatika nyneshnego bolgarskogo yazyka Yu.I. Venelina* [Grammar of the present Bulgarian language Yu.I. Venelina]. In: Bernstein, S.B. (ed.) *Slavyanskaya filologiya* [Slavic Philology]. Moscow: Moscow State University. pp. 108–123.

Mylnikov, A.S. (1988) *Izuchenie sotsial'no-politicheskoi istorii i arkhologii yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [The study of the socio-political history and archeology of the southern and western Slavs]. In: Markov, D.F. & Dyakov, V.A. (eds) *Slavyanovedenie v dorevolutsionnoi Rossii* [Slavic Studies in Pre-revolutionary Russia]. Moscow: Nauka.

Nikulina, M.V. (1986) *Yu.I. Venelin v russkom slavyanovedenii pervoi treti XIX v. (Problematika slavyanskikh drevnostei)* [Yu.I. Venelin in Russian Slavic studies of the first third of the nineteenth century. (Problems of Slavic antiquities)]. In: Dyakov, V.A. (ed.) *Istoriografiya i istochnikovedenie stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy* [Historiography and Source Study of the Countries of Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 23–40.

Orlov, V.L. (1963) *Puti i sud'by. Literaturnye ocherki* [Ways and Destinies. Literary Essays] Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel'.

Pashaeva, N. (2008) Karpatorusskie intelligenty v Rossii v 1-i polovine XIX veka: Orlai, Balug'yanskii, Lodii, Kukul'nik, Venelin [Carpatho-Russian intellectuals in Russia in the first half of the nineteenth century: Orlay, Balugiansky, Lodii, Kukulnik, Venelin]. *Rusin*. 3-4 (13-14) pp. 129–140.

Rafalovich, I.A. (1983) Slavyane VI-I X vv. v Dnestrovsko-Karpatiskikh zemlyakh v osveshchenii zarubezhnoi istoriografii [Slavs in the 6th – 9th centuries in the Dniester-Carpathian lands described by foreign historiography]. In: Zelenchuk, V.S. (ed.) *Slavyano-moldavskie svyazi i rannie etapy etnicheskoi istorii moldavan* [Slavic-Moldovan Relations and Early Stages of the Ethnic History of Moldavians]. Chişinău: Shtiintsa.

Rybakov, B.A. (2004) *Rozhdenie Rusi* [The Birth of Russia]. Moscow: AiF Print.

Sakharov, V.I. (1988) *Stranitsy russkogo romantizma* [Pages of Russian Romanticism]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

Smolyaninova, M.G. (1998) Yurii Venelin i bolgarskaya literatura epokhi natsional'nogo vrozozhdeniya [Yuri Venelin and the Bulgarian literature of the National Revival]. In: Venediktov, G.K. (ed.) *Yu.I. Venelin v Bolgarskom vrozozhdenii* [Yu.I. Venelin in the Bulgarian Revival]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies. pp. 5–26.

Stepun, F. (2005) Tragediya tvorchestva (F. Shlegel') [The tragedy of creativity (F. Schlegel)]. In: Gessen, G. (ed.) *Logos. Mezhdunarodnyi ezhegodnik po filosofii kul'tury* [Logos. International Yearbook on the Philosophy of Culture]. Book 1. Reprint. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 171–196.

Stoikova, S. (1963) Vklad uchenykh Rossii v razvitie bolgarskoi fol'kloristiki XIX veka [Contribution of Russian scientists to the development of the Bulgarian folklore of the nineteenth century]. In: Astakhova, A.M. et al. (eds) *Russkii fol'klor. Narodnaya poeziya slavyan* [Russian Folklore. Folk Poetry of the Slavs]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. pp. 273–287.

Sulyak, S.G. (2014) Predki rusinov i kochevniki: voprosy etnokul'turnogo vzaimodeistviya [Ancestors of Ruthenians and nomads: Issues of ethnocultural interaction]. *Rusin*. 4 (38). pp. 152–176. DOI: 10.17223/18572685/38/12

Taranova, V.G. (1960) K otsenke rabot N.S. Derzhavina po problemam rannei istorii bolgar (VI-VII vv.) [To the evaluation of N.S. Derzhavin's works on the problems of the early history of the Bulgarians (the 6th – 7th centuries)]. *Voprosy istorii slavyan. Problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiya i natsional'no-osvoboditel'noi bor'by zarubezhnykh slavyan*. 6. pp. 115–125.

Trubachev, O.N. (2013) *K istokam Rusi. Narod i yazyk* [To the Origins of Russia. The People and the Language] Moscow: Algoritm.

Tulaev, P.V. (2011) Predislovie [Foreword.]. In: Venelin, Yu.I. *Istoki Rusi i slavyanstva* [The Origins of Russia and the Slavs]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.

Fomin, V.V. (2003) Krivye zerkala normanizma [Curved mirror of Normanism]. In: Kuzmin, A.G. (ed.) *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society]. 8(156). Moscow: Russkaya panorama. pp. 83–127.

Shelling, F.V.I. (1987) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Mysl'. pp. 89–181.

Yusufov, R.Yu. (1970) *Russkii romantizm nachala XIX veka i natsional'nye kul'tury* [Russian Romanticism of the early 19th Century and National Cultures]. Moscow: Nauka.

Yagich, I.V. (1910) *Istoriya slavyanskoi filologii* [History of Slavic Philology]. Vol. 1. St. Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.

Шипелик Ольга Васильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (Россия).

Shipelik Olga - Southern Federal University (Russia).

E-mail: o.v.shipelik@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2017, № 3 (49)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 180 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 20.09.2017. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 400 экз.

Заказ 125.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

**В 2017 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

ТАМ ШЛИ ДВА БРАТА

Там шли, шли два брата
С турецкого фронта,
С турецкого фронта домой.

Сестрица родная,
Дай чистой мне бумаги,
Родным я письмо напишу.

Лишь только переступили
Мы польскую границу,
Ударил поляк три раза.

Отец прочитает,
А мать того не знает -
У сына нет правой руки.

Ударил, ударил,
Он в грудь меня поранил,
Болят мои ранки, болят.

Детишки возроснут,
У матери спросят:
«А где же отец наш родной?»

Одна нарывает,
Другая заживает,
От третьей я должен умереть.

А мать отвернется,
Слезами зальется:
«Убит на турецкой войне».

А дома детишки,
Жена молодая
Всё ждёт, поджидает меня.

Там шли, шли, два брата
С турецкого фронта,
С турецкого фронта домой.

В основе песен «Шли два героя с германского боя...» (ее вариант – «Там шли два брата») и созданной позже «С Одесского кичмана сбежали два уркана...» лежат перетекстовки известного романа «Во Францию два гренадера из русского плена брели...», который представляет собой положенное на музыку стихотворение Гейне «Гренадеры» в переводе М.Л. Михайлова. Песня «Два героя» была весьма популярной, причем связывалась она с разными военными кампаниями: немецкой, турецкой, польской и финской.

Текст можно датировать 1916-1917 гг. В девяти текстах из десяти солдаты возвращаются домой и лишь в одном идут воевать. Возвращаются они с поля боя или из плена.

Достаточно устойчива «турецкая локализация», что имеет историческое обоснование. Речь идет о 1918 г., когда после заключения Брестского мира Турция получила часть Кавказа и войска оттуда были отозваны. «Турецкий фронт» присутствует исключительно в казацких вариантах.

Приводится текст песни, исполняемый Кубанским казачьим хором.

Источник: Архипова А., Неклюдов С. Два героя / два уркана: привал на пути // *Natalae grate numeras?* Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008 (*Studia Ethnologica*, Вып. 6). С. 27-75.

